ПИСЬМА РУССКИХЪ ВОЕННО-ПЛѢННЫХЪ въ Германіи.

Kriegszuschlag von 25 Pf. = Mk. 1
Прибавка по случаю войны 25 пф. = 1 марка.

(Briefe russischer Kriegsgefangener).

Briefe russischer Kriegsgefangener.

Русскіе военно-плѣнные

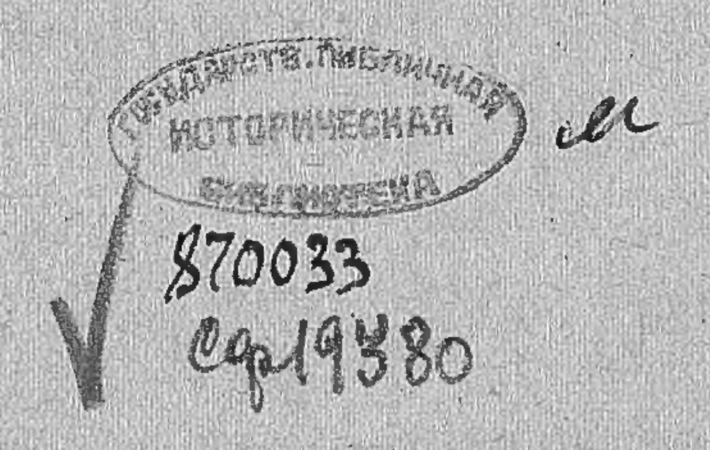
о своихъ впечатлѣніяхъ

въ Германіи.

СБОРНИКЪ ПИСЕМЪ ВОЕННОПЛѢННЫХЪ
ВЪ РЕДАКЦІЮ „РУССКАГО ВѢСТНИКА“.

Цѣна 75 пфенниговъ.

Verlag von M. W. MEYER, BERLIN SW 11, Prinz-Albrecht-Straße 3.


ГОСУДАРСТВ. ПУБЛИЧНАЯ
ИСТОРИЧЕСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
870033
Сф 19380

Предисловіе.

По просьбѣ многихъ русскихъ военноплѣнныхъ, состоящихъ читателями газеты «Русскій Вѣстникъ», редакція этой газеты рѣшилась издать цѣлый рядъ писемъ русскихъ военноплѣнныхъ. Автора этихъ писемъ, приславшіе ихъ въ редакцію, убѣдительно просили послѣднюю ихъ опубликовать, такъ что они уже раньше печатались въ «Русскомъ Вѣстникѣ». Письма изданы на русскомъ языкѣ. Въ нѣмецкомъ переводѣ уже вышли изъ печати особой книгой, чтобы познакомить германское общество съ сомнѣніями и настроеніями русскихъ военноплѣнныхъ. Нынѣ-же намѣрено издательство датьсвоимъ читателямъ-военноплѣннымъ возможность выписывать этотъ сборникъ писемъ на ихъ родномъ языкѣ.

Оригиналы этихъ писемъ сохраняются въ архивѣ редакціи. Они снабжены всѣ полной подписью, но при опубликованіи ихъ подписи, по весьма понятнымъ причинамъ, выпущены, а въ остальномъ письма, какъ таковыя, за исключеніемъ незначительныхъ стилистическихъ и орфографическихъ поправокъ, оставлены безъ перемѣнъ.

Они были исправлены редакціей по особенному желанію большей части авторовъ изъ простонародья или малограмотныхъ. Письма эти получены редакціей за время между декабремъ 1915 г. и іюліемъ 1917 г. Быть-можетъ, издательство выпустить позднѣе и сборникъ стихотвореній, опубликованныхъ въ «Вусскомъ Вѣстникѣ».

Газета «Русскій Вѣстникъ» выходитъ 3 раза въ недѣлю числомъ приблизительно въ 100 000 экземпляровъ; главнымъ образомъ газета читается въ лагеряхъ для военноплѣнныхъ, но отправляется также и за-границу и въ Россію. Опубликованныя въ газетѣ письма военноплѣнныхъ вызываютъ вездѣ самый живой интересъ.

Издательство Русскаго Вѣстника
М. В. Мейеръ.

Берлинъ Ю. З. 11.
Принцъ Альбрехтштрассе 3.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

1.

Сестра милосердія.

Это — подвижница дѣла святого,
Ангелъ-хранитель, апостолъ терпѣнья:
Ночи и дни у постели больного
Шепчетъ страдальцу слова утѣшенья.
Ради больныхъ отреклась она смѣло
Отъ удовольствій и шумнаго свѣта,
И совершаетъ священное дѣло,
Дѣло любви, какъ Христова завѣта.
Съ кроткимъ смиреньемъ и волей покорной
Стала подвижницей тихой и строгой
Дни проводитъ за работою черной
Въ полѣ, въ лѣсу, обстановкѣ убогой.
Въ самоотверженной жизни суровой,
Безъ сожалѣнья, безъ укоризны,
Бремя влачитъ она жизни Христовой,
Чтобъ послужить для солдатъ и отчизны
Съ чистой душой, простотою сердечной.
Въ ласкѣ ея и словахъ утѣшенья
Черпаютъ силы больной и увѣчный,
Ищутъ несчастные въ нихъ исцѣленья.
Такъ она служитъ для дѣла святого,
Участь друзей и враговъ облегчая.
Нѣтъ для нея ни врага, ни чужого;
Всѣмъ она будетъ сестрица родная;
Всѣмъ удѣляетъ вниманье съ любовью
Чуждой брезгливости, лѣни и скуки;
Люди — страдальцы, облитые кровью,
Съ ней забываютъ гнетущія муки.

В.-пл. А. Ф. П-ховъ.

2.

Побѣдителемъ и побѣжденнымъ.

(Повѣсть).

Пѣли пѣсни, играла музыка, люди смѣялись, плакали, быстро ходили взадъ и впередъ около станціи въ ожиданіи отхода поѣзда. Раздался звонокъ, другой, третій. Еще сильнѣе заколыхалась толпа, опоздавшіе на ходу садились въ поѣздъ. Поѣздъ то и дѣло останавливался на разъѣздахъ и станціяхъ, маневрировалъ и стоялъ по нѣсколько часовъ. Всѣ были возмущены и недовольны, точно боялись опоздать на давно желанный пиръ. Нѣкоторые разсказывали о томъ, какъ въ Германіи мобилизація длится всего однѣ сутки и что мы очень опоздаемъ. Всѣ были очень рады, когда получилось приказаніе эшелону выгружаться. До границы оставалось еще около 100 верстъ. Шли нѣсколько дней со всѣми предосторожностями, не разводя по ночамъ огней и т. д. На горизонтѣ показались красныя крыши домовъ — это была Германія. Послѣ нѣсколькихъ боевъ быстро подвигались дальше и дальше вглубь Германіи. Многіе высчитывали и спорили о томъ, какъ велика площадь завоеванной территоріи и сколько понадобится времени пока дойдемъ до Берлина, гдѣ, какъ говорили, мы должны будемъ соединиться съ союзниками. При проходѣ чрезъ деревни и городки оставшіеся жители выходили на улицу и почтенные старики обнажали свои бѣлыя головы, дѣвушки подносили воду для утоленія жажды, такъ какъ погода стояла довольно теплая. Солнце садилось, когда мы, пройдя назначенный переходъ, остановились на ночлегъ въ одномъ большомъ имѣніи Восточной Пруссіи. Между

множествомъ построекъ въ саду рисовался большой красный домъ. Разбросанныя въ безпорядкѣ на полу разныя вещи свидѣтельствовали объ отсутствіи хозяевъ. Солдаты сновали изъ одной комнаты въ другую, чего-то ища и не зная что забирать; взявъ какую-нибудь вещь, поносившись съ ней, бросали и брали другое. Маленькій солдатикъ съ рѣдкой козлиной бродкой внимательно разсматривалъ вертя въ рукахъ барометръ, думая, что это часы, но замѣтивъ, что не чикаютъ, показывалъ товарищамъ и, не получивъ удовлетворительнаго отвѣта, очевидно рѣшивъ, что эта вещь пригодна только нѣмцамъ, бросилъ на полъ и притопталъ каблукомъ. Осмотрѣвъ этотъ домъ, я направился къ сосѣднему гораздо меньшему, но довольно красивому домику. Тамъ тоже жителей не было, только нѣсколько солдатъ варили на плитѣ гуся, расколовъ на дрова піанино. За сараемъ слышались крики и шумъ. Нѣсколько солдатъ съ кольями гонялись за свиньей — то были кашевары, которымъ вмѣнялось въ обязанность приготовить пищу для строевыхъ; двое солдатъ, ухватившись за гуся таскали другъ друга, кричали и спорили о томъ кто подбилъ, гусь былъ еще живъ и пронзительно кричалъ. Уставъ отъ дневного перехода, а еще болѣе отъ рысканья по домамъ, закусивъ немного хлѣба съ медомъ, только что добытымъ въ саду изъ улья, легъ спать. На слѣдующій день переходомъ верстъ въ 30 достигли городка Фридланда. Оставшіеся жители боязливо выглядывали на улицу. Кучка пьяныхъ солдатъ угощали другъ друга коньякомъ и виномъ. Мнѣ тоже очень захотѣлось выпить и я незамѣтно присоединился къ нимъ и вступилъ въ разговоръ, хотя и ничѣмъ не интересовался кромѣ вина; вы-

пивъ изъ поданной мнѣ бутылки нѣсколько большихъ глотковъ, я почувствовалъ пріятное ощущеніе. Затѣмъ мои собесѣдники показали мнѣ нѣсколько колецъ на рукахъ и объяснили, что я тоже могу достать, если только пойду съ ними. Подойдя къ какому-то магазину и найдя двери настежь открытыми я, не подозрѣвая о присутствіи хозяина, смѣло вошелъ за ними, но къ моему великому удивленію, я увидѣлъ за прилавкомъ господина въ шляпѣ, который при входѣ насъ снялъ шляпу, низко поклонился и вопросительно смотрѣлъ. Я покраснѣлъ до ушей отъ стыда и придумывалъ, что сказать, зачѣмъ я пришелъ. Мои товарищи быстро принялись искать золотыхъ вещей и, не находя ничего цѣннаго, забирали въ карманы цѣпочки для часовъ. Не изъ сочувствія къ хозяину, а просто для того, чтобы выйти изъ неловкаго положенія, сталъ уговаривать ихъ уходить. Выйдя на улицу, они стали упрекать меня за то, что я поторопился и не успѣли тщательно обыскать весь магазинъ. Я возражалъ, что это неудобно при хозяинѣ и что, попадись офицеръ, насъ могутъ наказать и т. д. Но одинъ изъ нихъ сталъ разсказывать, какъ одинъ офицеръ заставилъ его стоять у дверей магазина и никого не впускать, пока онъ не набралъ себѣ какихъ-то вещей. На слѣдующій день я, отставъ отъ своихъ, голодный и усталый шелъ одинъ по дорогѣ, подкрѣпляясь лишь взятымъ съ собою виномъ. Проходя мимо одного дома, я замѣтилъ женщину, которая махала мнѣ рукой, я подошелъ. Она предложила мнѣ хлѣбъ съ масломъ и молоко. Я набросился на пищу, и быстро уничтоживъ, пошелъ дальше. Почему она меня врага, грабителя позвала и накормила — я не зналъ. Но вѣдь я на войнѣ

я принадлежу къ арміи побѣдителей и могъ сдѣлать съ ней, что хотѣлъ и за то, что я пощадилъ ее, я достоинъ почестей и уваженія — думалъ я. Такая жизнь продолжалась недолго. Получилось приказаніе отступать. Почему, зачѣмъ, никто не зналъ и не хотѣлъ; всѣмъ хотѣлось только впередъ.

Запылали дома по всему горизонту. Сначала отступали спѣшно, но въ порядкѣ, потомъ артиллерія стала прочищать себѣ дорогу, опрокидывая повозки пѣхотинцевъ. Съ трехъ сторонъ слышались выстрѣлы. Разорвалась граната, другая, третья, лошади заржали, люди и повозки разсыпались по всему полю, всѣ бросали съ себя и съ повозокъ все, чтобы легче спастись. Сзади по цѣпи передавалась чья-то команда. «Обозъ рысью, пѣхота и кавалерія назадъ». Команду подхватывали нѣсколько голосовъ и передавали дальше, но вернуться назадъ никто даже и не думалъ. Стало ясно, что случилось что-то неожиданное и необъяснимое. Пробѣжавъ нѣсколько дней, я очутился среди деревень съ соломенными крышами. Я былъ опять въ Россіи. Солдаты бродили, потерявъ свои полки. Началась новая жизнь.

Полилъ дождь, переходы по плохимъ дорогамъ, холодъ и голодъ, все это дѣйствовало удручающе. Такъ скитались по берегамъ Нѣмана, мечтая о жизни въ Германіи. Но ясно было, что двери въ Германію закрыты.

Нѣмцы наступали на Варшаву, насъ посадили на поѣздъ и мы пріѣхали въ Варшаву. Высадившись, пошли черезъ городъ. Жители выходили изъ домовъ, раздавали папиросы. Вдали глухо раздавались орудійные выстрѣлы. Завязался бой и про-

должался цѣлую недѣлю. Наконецъ, нѣмцы не выдержали и отступили такъ тихо и быстро, что мы ихъ утеряли изъ виду. Проходя черезъ деревни и городъ Лодзь, который нѣсколько времени былъ въ рукахъ нѣмцевъ, я думалъ, что увижу уже знакомую картину, но мои ожиданія не оправдались. Всѣ магазины были цѣлы, за исключеніемъ одного, изъ котораго наши же таскали разныя вещи; какъ послѣ выяснилось, это былъ наказанъ одинъ еврей, обвиняемый въ сочувствіи къ нѣмцамъ, хотя никто не зналъ, въ чемъ выражалось его сочувствіе. Зиму и весну простояли сравнительно спокойно. Въ іюнѣ получилось приказаніе уничтожать посѣвы хлѣбовъ. Рожь и пшеница или скашивались, или прикатывались권 каткомъ, картофель выпахивали плугами, скотъ отъ жителей отбирали. Всѣмъ стало ясно, что готовятся къ отступленію и все истребляется для того, чтобы не осталось нѣмцамъ. Жители, видя, какъ уничтожаются ихъ труды, въ отчаяніи плакали, нѣкоторые посылали проклятія по адресу уничтожавшихъ. Но все было тщетно. Въ одинъ теплый день мы, сдѣлавъ переходъ верстъ 20, заняли новую позицію и укрѣпляли уже готовые окопы. Съ утра началась стрѣльба непріятельской артиллеріи и продолжалась до полудня. Всѣ окопы и часть проволочныхъ загражденій были разрушены, затѣмъ пѣхота пошла въ атаку, сдѣлавъ прорывъ, стали забирать въ плѣнъ оставшихся въ живыхъ. Итакъ я опять въ Германіи, въ той самой Германіи, которую когда-то хотѣли стереть съ лица земли,—но уже не побѣдителемъ, а побѣжденнымъ.

Ж.

Августа 11 дня 1916 года.

3.

Жизнь сама все выясняетъ.

Разсказъ военноплѣннаго въ Германіи К. Э. Л.—Ш.

I.

Власъ Тудзирей сегодня легъ спать очень поздно; утренняя заря со своимъ огнемъ успѣла уже поджечь восточную сторону неба такъ, что прятавшіяся за высокими валами Ново-Георгіевска тѣни ночного мрака дрогнули и начали куда-то пропадать.

Уставшій, наскоро подмостившись подъ санитарной повозкой и кутая голову шинелью — онъ думалъ заснуть, но послѣднія переживанія, т. е. переживанія вчерашняго дня, оттѣснили любимый имъ когда-то сонъ; теперь какъ-будто все ему мѣшало: и камень мостовой, такъ безжалостно давившій ему бокъ, назойливыя вши, и даже возня и монотонное жеваніе около повозки его гнѣдыхъ раздражало его.

— Да, непремѣнно дѣлается что-то непонятное и непремѣнно неладное, — думалъ Власъ, — даже и офицерская экономическая лавка стала не той, что прежде: еще позавчера тамъ не все отпускали, — все требовали по запискамъ и брали очень дорого, особенно за табакъ; вчера вечеромъ же, когда его студентъ послалъ съ запиской, — то солдатъ-приказчикъ, безъ завѣдующаго, только спросилъ: «что тебѣ нужно?» и далъ ему все, не стѣсняясь, и самое удивительное, денегъ не бралъ, — какъ будто ему некогда было... Потомъ все видѣнное имъ днемъ, когда его послали съ порученіемъ за Вислой; ахъ, даже думать страшно, какъ все тамъ уничто-

жали: то обливая керосиномъ сжигали, закапывали въ землю, били, ломали и бросали въ Вислу. Вдоль берега ея стояли цѣлый рядъ автомобилей — разноцвѣтные, блестящіе, а на нихъ, поблескивая, играли лучи солнца; кромѣ солдатъ около нихъ никого не было; кругомъ все дышало унынiемъ, тоской; рѣдко гдѣ-нибудь шутили. Каждый серьезно занимался своимъ дѣломъ — уничтоженiемъ: къ автомобилямъ привязывали тяжести и толкали ихъ съ крутого берега, — послышался трескъ, они нѣсколько разъ перевернулись, лучъ солнца, какъ-бы прощаясь, въ послѣднiй разъ ласкалъ ихъ блестящiя тѣла, и вода ихъ принимала въ свои объятiя.

Но самое тяжелое впечатлѣнiе оставило на него ужасная картина: на полянѣ цѣлая ярмарка здоровыхъ, жирныхъ, красивыхъ и веселыхъ лошадей; каждый солдатъ держитъ за узду по одной — двѣ; лошади рѣзвятся, прыгаютъ отъ избытка силъ, энергiи; тутъ-же и длинный коновозъ, тоже заполненный такими-же жизнерадостными животными. Въ сторонѣ, на изрытомъ старыми ямами косогорѣ, происходитъ что-то невѣроятное, страшное: туда каждый солдатъ подводитъ довѣренныхъ ему лошадей; красные, коренастые артиллеристы съ сознанiемъ вѣрно исполняемаго долга и своего достоинства, не торопясь и не волнуясь, подносятъ къ красивымъ головамъ животныхъ длинные Нагановскiе револьверы, — вспыхиваетъ маленькiй огонекъ, сопровождаемый короткимъ трескомъ, и животное падаетъ, корчась въ послѣднихъ конвульсiяхъ.

Умныя, годовой войной закаленныя животныя все это видятъ, и по ихъ глазамъ видно, что они понимаютъ, — но безъ страха, покорныя своей судьбѣ, подступаютъ вплотную къ трупамъ уби-

тыхъ товарищей. Только рѣдко между ними находятся и малодушныя: упорствуютъ, храпятъ, отъ страха ихъ глаза округляются, блестятъ, но послѣ того какъ имъ перевязываютъ глаза, — онѣ покорно слѣдуютъ за знакомымъ имъ солдатомъ, подбодряемыя знакомыми имъ голосами.

Власъ видѣлъ, какъ другой солдатъ, обнимая красивую шею лошади и, пряча заплаканные глаза въ волнистую гриву, — прощается со своимъ боевымъ товарищемъ; лошадь понимаетъ его такъ же, какъ онъ ее, — она наклоняетъ къ нему свою мордочку, какъ бы моля о спасеніи, готовая простоять такъ около своего хозяина долго, долго. Но исполняющіе свой тяжелый долгъ артиллеристы торопятъ ихъ, ободряютъ, заклинаютъ не быть сентиментальными, — что особенно теперь вредно, — когда до вечера не долго, а отдѣлаться нужно еще отъ 340 или болѣе лошадей....

Вспоминая о своихъ, за такое долгое время сдѣлавшихся ему роднымъ гнѣдыхъ, — Власъ не выдержалъ и пошелъ прочь, какъ-бы преслѣдуемый чѣмъ-то страшнымъ.

Всѣ эти впечатлѣнія и переживанія, какъ много неуклюжихъ выступовъ въ его черепѣ, мозолили и тѣснили его мозги; самое мучительное для него было то, что отъ всего этого, кругомъ него происходящаго, — онъ ничего не понималъ, и никто ему не могъ объяснить и успокоить его болѣзненное любопытство; даже студентъ, къ которому по возвращеніи онъ обращался и все разсказалъ — странно пожавъ плечами, сказалъ: «мужикъ въ Россіи еще крѣпокъ, не вся шкура съ него еще содрана и поэтому можно еще, понятно, до поры, до времени. — швырять народной копеечкой. Власъ, за-

номни хорошо — это все плоды проклятаго имперіализма и милитаризма»....

Это ничего ему не объяснило, онъ ничего не понялъ, только зналъ, чувствовалъ, что вокругъ происходитъ что-то нехорошее, но пересиленный усталостью онъ заснулъ, ничего не рѣшивъ.

II.

Утро 6-го августа застало Власа подъ санитарной повозкой такого-же уставшаго и недоумѣвающаго, какъ вчера. Его разбудилъ ревъ крѣпостныхъ орудій и недалеко разрывавшіеся непріятельскіе снаряды.

Въ крѣпости сегодня царилъ какой-то безпорядокъ: толпы невооруженныхъ солдатъ, безъ офицеровъ, двигались по всѣмъ направленіямъ, отъ одного вещевого склада къ другому, таща на себѣ кто свертки обмундированія, кто возки консервовъ, бѣлый хлѣбъ, сахаръ, махорку и прочее.

Въ сѣверо-восточномъ секторѣ крѣпости шелъ жаркій артиллерійскій бой; непріятельская артиллерія такъ мѣтко и часто обсыпала снарядами передовой валъ, что удержаться на немъ подчасъ становилось очень трудно; убитыхъ было много, но раненыхъ еще болѣе; крѣпостные кирпичные казематы легко пробуравливались даже 8 дюймовыми снарядами, засыпая и изувѣчивая укрывающихся было тамъ санитарныхъ чиновъ и раненыхъ; благодаря этому послѣдніе, въ концѣ концовъ, были принуждены заниматься въ подвалахъ, при свѣтѣ огня.

Около полудня между солдатами возникъ слухъ, что комендантъ крѣпости рѣшилъ не сда-

ваться, а взорвать крѣпость вмѣстѣ съ солдатами; эти слухи очень возбуждали солдатъ, и они со страхомъ посматривали на пороховые погреба и склады взрывчатыхъ веществъ.

Въ 4 часа пополудни орудія главной крѣпости умолкли; артиллеристы въ мѣшкахъ и рукахъ таскаютъ замки и прицѣльныя рамки съ орудій и куда-то прячутъ; сами же орудія рвутъ; взрывы эти какіе-то неестественные трескучіе, а осколки часто ранятъ неуспѣвшихъ отбѣжать артиллеристовъ.

Непріятельская канонада, понемного затихая, совершенно прекращается; мгновенно воцаряется полная тишина; но она такая зловѣщая и душу давящая, что невольно наводитъ на каждаго страхъ.

Около однихъ изъ воротъ крѣпости — суета и возгласы: «Германцы, германцы!»

Власъ, по примѣру товарищей, забравъ свой вещевой мѣшокъ, направляется за ними къ воротамъ, куда и всѣ отправляются, но, по дорогѣ опомнясь, онъ возвращается, чтобы распрощаться со своими гнѣдыми... Сунувъ въ вещевой мѣшокъ нѣсколько на землѣ валяющихся консервовъ, онъ поспѣшилъ за товарищами: кругомъ его солдаты, ударяя объ землю, ломаютъ свои винтовки, ругаются.

Ему тутъ-же все сдѣлалось яснымъ, все объяснилось само собою, и онъ, понуривъ голову, вышелъ навстрѣчу своей судьбѣ....

III.

Приблизившихся къ воротамъ крѣпости встрѣтило нѣсколько германскихъ солдатъ; Власъ

въ первый разъ въ жизни видѣлъ передъ собой вооруженныхъ германскихъ солдатъ; онъ внимательно и не безъ страха разсматривалъ ихъ, какъ бы изучая и запоминая всѣ ихъ движенія и выраженія; онъ со страхомъ оглядывается на своихъ товарищей, вмѣстѣ съ которыми онъ такъ часто обсуждалъ вопросъ о германскихъ звѣрствахъ, чинимыхъ ими надъ русскими плѣнными и ранеными; но его страхъ уменьшился, когда молоденькій германскій солдатикъ, опрятно одѣтый, съ удобно сидящей, какъ у гимназиста, сумкой на плечахъ, добродушно улыбаясь, пріятельски закричалъ: «Здравствуй, руссе! иди туда» — указывая, куда направляться.

— Нѣтъ, не можетъ быть, думалъ Власъ, чтобы съ такимъ пріятнымъ лицомъ ребенка юноша или рядомъ съ нимъ стоявшій пожилой, съ добрыми глазами и съ крестикомъ на фуражкѣ, бородачъ — могли бы издѣваться надъ такими-же самыми людьми, только потому, что они русскіе плѣнные или раненые, а они германцы и еще на свободѣ...

Плѣнные, густой массой двинулись внизъ по коридору - воротамъ, усѣянному ружьями, патронами, амуниціей; повернувъ на право, перешли послѣдній валъ крѣпости. Власъ обернулся и, въ послѣдній разъ окинувъ крѣпость унылымъ взоромъ, мысленно прощался съ нею; онъ былъ пріятно взволнованъ, когда замѣтилъ, что и другіе тоже самое чувствуютъ и переживаютъ, что онъ.

За валомъ имъ навстрѣчу попадались цѣпи германскихъ войскъ, переполненныя пулеметами; всѣ снѣ въ образцовомъ порядкѣ стремились къ одной

точкѣ — къ крѣпости. Отходя немного отъ крѣпости, остановились; при чемъ Власъ имѣлъ случай въ время ближе присмотрѣться къ своему противнику — германцамъ, мнѣнія о которыхъ у него уже начали измѣняться въ пользу послѣднихъ.

Въ это время, на шустромъ конѣ верхомъ подъѣхалъ германскій полковникъ; нѣсколько солдатъ поспѣшили къ нему, помогая ему слѣзть, и одинъ взялъ коня; полковникъ, закуривъ сигару, при помощи бинокля сталъ разсматривать крѣпость; къ нему, безъ малѣйшаго стѣсненія, подходили солдатики, то прикурить, то за объясненіями, а онъ, интеллигентный старикъ, никому не отказывалъ, съ каждымъ былъ вѣжливъ, внимателенъ, предупредителенъ, а больше всего удивило Власа то, что онъ относился къ каждому своему солдату, какъ къ равному себѣ. Все это наблюдая, Власъ вздохнулъ, ибо ему невольно вспомнились отношенія своихъ офицеровъ къ солдатамъ.

Онъ болѣзненно съ щемящимъ сердцемъ вспомнилъ, что у входа въ крѣпостной садъ-паркъ, гдѣ когда играла музыка и должно быть было весело, до послѣдняго времени непріятно мозолило глаза слѣдующее, унижающее не только личность солдата, но и обыкновеннаго человѣка, — объявленіе: «строго воспрещается въ садъ входить собакъ и нижнимъ чинамъ ходить». — Вотъ пропасть раздѣляющая двухъ главныхъ чиновъ русской арміи!...

Выбрали изъ своей среды переводчиковъ, составили отрядъ по четыре человѣка въ шеренгѣ и начали двигаться отъ крѣпости по направленію на юго-западъ. Власъ устроился даже въ одной шеренгѣ со своими земляками, и послѣ того какъ черезъ

переводчика онъ отъ германскаго солдата узналъ, что надъ плѣнниками не издѣваются, не бьютъ, кормятъ и предупреждаютъ всѣ ихъ исполнимыя желанія, его прежнее мнѣніе о германскихъ звѣрствахъ уже совершенно измѣнилось. Онъ бодро шагалъ впередъ сознавая, что иначе не могло быть, что лучше подальше отъ крѣпости, гдѣ могли же взлетѣть на воздухъ вмѣстѣ съ пороховыми погребами; что, видно, Богъ хочетъ его невредимымъ возвратить на родину, домой, гдѣ ждетъ его Галя съ маленькой Фесей.

IV.

Сквозь ночной мракъ, покрытый низко повисшими, густыми облаками, моросилъ мелкій, теплый, но частый дождикъ; само небо, какъ бы старалось выплакать всю грусть, наполняющую сердце каждаго плѣннаго. Колонна плѣнныхъ, окруженная рѣдкимъ конвоемъ, бодро двигалась по прежнему направленію время отъ времени сзади, со стороны крѣпости, раздавались раскаты взрывовъ, и каждый плѣнникъ, шлепая по грязи инстинктивно оборачивался и наблюдалъ страшныя, но занимательныя картины взрывовъ.

Власъ шагая предавался своимъ мыслямъ; ему рѣдко приходилось когда-либо быть съ ними наединѣ: военная служба, позиціонная служба, въ послѣднее время лошади, обязанности обознаго — онъ весь отдавался этому и, кромѣ того, теперешній случай — душевныя переживанія, красной нитью проходившія черезъ его жизнь, располагали къ задумчивости, мечтанію, вызывая въ немъ цѣлый рой думъ и мыслей прошлаго, настоящаго и будущаго.

Въ мигъ пронизывала его мысль, — вѣдь я теперь въ безопасности, меня уже не могутъ ранить, изувѣчить, убить; кромѣ того, совѣсть моя чиста: я честно служилъ своему царю, родинѣ, не жалѣлъ, не задумывался даже о своемъ здоровьѣ и жизни; берегъ казенныя вещи, особенно лошадей жалѣлъ; а то что въ плѣнъ попалъ — это тоже я не причемъ, ни малѣйшая тѣнь укоровъ не можетъ пасть на меня: сдалась вся крѣпость и, даже по моимъ недалекимъ понятіямъ, я теперь увѣренъ, что къ этому приготовились еще вчера, позавчера . . . значитъ, съ меня, какъ съ гуся вода, я не причемъ, — думалъ онъ и, прійдя къ такому заключенію, совершенно успокоился и благодарилъ Бога за Его святую волю, что Ему одному извѣстно чаяніе думъ Его рабовъ, и что онъ дѣлаетъ — все хорошо.

Успокоенный, онъ мысленно вернулся къ прошлому, пропуская передъ собой всѣ его картины, какъ въ электро-біографѣ. Но заглавной буквой, центромъ въ этомъ водоворотѣ прошлаго оставалась его невѣста — Анна, которую лаская онъ называлъ Галей; та Галя, которую онъ когда-то такъ сильно и безумно любилъ, которую потомъ обидѣлъ и . . . бросилъ съ ребенкомъ подъ сердцемъ; но къ которой теперь опять вернулась его любовь и куда еще сильнѣе и полнѣе чѣмъ прежде вернулась, какъ возвращающаяся морская волна къ ея роднымъ берегамъ . . . чтобы бичевать еще свое изстрадавшееся сердце, чтобы доставить своей душѣ щемяще-ноющую боль, его тянуло дотрогиваться до ранъ прошлаго, бередить ихъ; онъ, не торопясь, останавливался около каждой картины прошлаго, одновременно любуясь, страдая и раскаиваясь . . .

Въ то время отрядъ плѣнныхъ подходилъ къ польской деревнѣ и получилъ приказаніе расположиться на ночлегъ. Дождикъ все еще моросилъ, но не такъ сильно плѣнные разсыпались по полю еще не скошенаго жита, обрывая его для складыванія себѣ подъ бока; конвойные рѣдкими, черными точками окаймляли лагерь уставшихъ тѣломъ и душевно, много переживших плѣнныхъ. Всѣ улеглись, кутаясь въ насквозь промокшія шинели.

Власъ тоже легъ, но, несмотря на свою усталость, не могъ уснуть, и оборвавшаяся было на время мысль его опять интенсивно заработала. Все его прошлое такъ ясно предстало передъ душевнымъ взоромъ: Убогій домикъ его отца, сиротливо стоявшій на выгонѣ села, зимою всегда заваленный снѣгомъ до самой трубы; первыя вечеринки послѣ прихода его изъ солдатъ, тамъ же первая встрѣча съ Галей, съ сосѣдской дѣвкой, которую, уходя на военную службу, онъ оставилъ маленькой дѣвочкой, но которая теперь была красивѣе и полнѣе всѣхъ дѣвокъ въ деревнѣ. Потомъ ежедневныя встрѣчи съ ней, нѣмые, но такъ много-говорившіе и обѣщавшіе взгляды; тогда и его единственнымъ желаніемъ, мечтой было — находиться поближе къ ней, заслужить ея вниманіе, улыбку, расположеніе. Потомъ праздникъ парней и дѣвокъ на св. Покровѣ, когда всю ночь рѣзвились, плясали, и передъ утромъ случилось ему съ Галей вдвоемъ идти домой; какъ онъ тогда прощаясь съ ней задержалъ ея руку въ своей, — она ее не отнимала, а онъ почувствовалъ во всемъ тѣлѣ волнующую теплоту, дрожь и у него только хватило силъ прошептать: «Галя, я тебя люблю, а ты любишь меня?» Она, не

подымая на него глазъ и не отнимая руки, еле слышно прошептала «да!» Онъ ее привлекъ къ себѣ и осторожно поцѣловалъ, потомъ, какъ бы съ первымъ поцѣлуемъ заражались смѣлостью — ихъ губы соединились въ долгомъ трепетномъ поцѣлуѣ, и они безъ сопротивленія отдавались первой, все побѣждающей силѣ любви. Потомъ, какъ отецъ хотѣлъ женить его на другой, не любимой имъ дѣвкѣ, ибо мать стара и не кому работать, а Галѣ еще лѣта не вышли — исполнилось только 15 лѣтъ.

Въ борьбѣ съ отцомъ за свою холостяцкую свободу и въ волнующихъ встрѣчахъ съ любимой дѣвушкой, — длинные, скучные зимніе мѣсяцы пролетѣли незамѣтно, и настала ранняя малороссійская весна; все дремавшее въ природѣ проснулось: весело забурлилъ ручеекъ, прямые, теплые лучи весенняго солнца всюду являли свою магическую силу — все зазеленѣло, расцвѣло, воздухъ наполнился и ароматомъ и пѣснями. Проснулись и, какъ буйный потокъ, прорвались до сихъ поръ дремавшія въ грудяхъ Власъ и Гали чувства: при встрѣчахъ, приближеній ихъ тѣла опьяняюще млѣли, — настойчиво требуя ласки и нѣги...

Да, онъ ясно помнитъ, какъ они оба послѣ этого плакали, особенно Галя, а онъ старался ее успокоить; что послѣ этого она совершенно измѣнилась: угрюмая, съ заплаканными глазами она начала чуждаться людей и рѣдко выходила на улицу и то всегда въ большомъ платкѣ съ концами, торчавшими на животѣ. Не замѣтно для себя онъ мало по мало охладѣлъ къ ней, — что, понятно, совершенно убивало ее: она все худѣла, чахла, сдѣлалась для него противной, и онъ началъ избѣгать встрѣчи съ ней.

Когда, по случаю войны съ Германіей, Власъ получилъ извѣщеніе явиться 20 іюля — онъ этому очень обрадовался, испытывая какъ бы облегченіе отъ какой-то свалившейся тяжести. Изъ села онъ уѣхалъ, ни о комъ и ни о чемъ не жалѣя и даже не распростившись съ Галей; потомъ жизнь его потянулась въ боевой, походной атмосферѣ; были моменты, когда онъ находился на волосокъ отъ смерти, но одинъ случай на Карпатахъ оставилъ въ немъ неизгладимое впечатлѣніе, перестраивая все его міровоззрѣніе:

15-е апрѣля — второй день появленія германскихъ тяжелыхъ орудій противъ нашихъ Карпатскихъ позицій; мѣткія выстрѣлы и страшные, до того времени неслыханны еще взрывы наводили на всѣхъ панику. Наша артиллерія, до сихъ поръ державшая австрійскую артиллерію на почетномъ разстояніи, была вынуждена замолчать даже и тогда, когда австрійская артиллерія, полевая и горная, позволяла себѣ большія вольности: она приблизилась настолько близко къ нашимъ окопамъ, что даже была слышна ихъ команда и такъ громила наши окопы, что мы съ нетерпѣніемъ ждали наступленія ночи. Солнце опустилось уже такъ низко, что готово было уже спрятаться за зубчатый горизонтъ, покрытый бѣлѣющимъ снѣгомъ; золотистые лучи заходящаго солнца, играя на бѣлой, блестящей поверхности, являли очень прекрасный видъ, — всѣ имъ любовались, прильнувъ каждый къ своей бойницѣ, и въ то же время торопили его поскорѣе уходить. Послѣдніе лучи солнца не успѣли еще разсѣяться, какъ надъ окопами послышался зловѣщій свистъ боль-

шихъ снарядовъ; всѣ инстинктивно пригнулись и съ замирающими сердцами ждали; — «перелетъ!» — облегченно вздохнули, а сзади послѣдовалъ страшный взрывъ, сколыхнувшій окопы, съ которыхъ посыпалась земля и камушки. Черезъ нѣсколько минутъ короткій свистъ опять прорѣзалъ воздухъ, оборвавшись страшнымъ взрывомъ передъ нашими окопами; — «недолетъ!» — послышался тревожный шопотъ. Не успѣли опомниться, какъ надъ самыми окопами разорвался большой снарядъ съ огромной силой. На мгновеніе, пока разсѣялся дымъ и улегалась пылъ, было тихо, какъ въ могилѣ, но потомъ послышались тихіе стоны, сдержанный плачъ, проклятія.

Власъ, какимъ-то чудомъ, остался невредимъ, хотя его всего и засыпало землей; рядомъ съ нимъ его боевой сосѣдъ былъ тяжело раненъ въ животъ, а отъ слѣдующаго, отдѣленнаго ефрейтора, остались только какія-то безформенные куски мяса. Тяжело раненому оказывали помощь, но изъ окоповъ унести нельзя было, пока не потемнѣетъ; онъ все болѣе находился въ бреду, рѣдко, на нѣсколько минутъ приходя въ сознаніе, но все время онъ говорилъ о своей женѣ Аннѣ и дѣтяхъ; въ послѣдній разъ, приходя въ сознаніе, онъ попрощался со всѣми товарищами и также съ воображаемой женой и дѣтками. Эта картина на всѣхъ окружающихъ произвела сильное впечатлѣніе, но болѣе всѣхъ былъ потрясенъ Власъ. — Видно, Богъ этимъ напоминаетъ мнѣ о моихъ грѣхахъ, — думалъ онъ, — оставляя мнѣ жизнь, чтобы я могъ раскаяться и искать спасенія.

При первомъ же удобномъ случаѣ онъ написалъ Галѣ длинное письмо, въ которомъ онъ рас-

каялся и умолялъ ее простить и помиловать его; что, какъ только онъ вернется съ войны — онъ тутъ же женится на ней — это онъ обязуется передъ самымъ Господомъ Богомъ, гдѣ около каждаго смерть. Да, да это онъ все такъ ясно помнитъ, какъ будто все это сейчасъ произошло и окончаніе своего умоляющаго письма, отвѣта на которое — какъ ждалъ, но до сихъ поръ не дождался, что его такъ мучаетъ. Его родные ему писали, что въ февралѣ сосѣдская Галя привела байструка — дѣвочку, которую окрестили Θеодосіей; но отъ нея самой ни звука на его раскаянія и просьбы; или она его письма не получила; или настолько онъ ее обидѣлъ, что она не можетъ ему простить и вычеркнула его изъ своей памяти, или изъ-за работы и маленькой Θеси ей некогда — всѣ эти вопросы, забравшись въ его мозгъ терзали и мучили его сердце, и не одно утро заставало его бодрствующимъ при рѣшеніи этихъ вопросовъ; такъ и теперь, — начало разсвѣтать, и обрисовывались контуры кустовъ, лѣса, конвойныхъ и спящихъ, — когда получилось приказаніе «вставать!»

V.

Наскоро собравшись, плѣнные бодро зашагали. Погода прояснилась, но дорога была грязная и, поэтому, двигались съ трудомъ.

Послѣ 3-хъ дневнаго форсированнаго марша сѣли въ поѣздъ и медленно потянулись въ Германію; въ ту Германію, о которой такъ много говорилось, и которую воображеніе Власа рисовало такой культурной, но неприступной и жестокой. Раньше чѣмъ размѣщать плѣнныхъ въ карантинный лагерь — основательно вымыли ихъ въ банѣ, вещи

и одежду ихъ образцово продезинфицировали. Устройство бани, дезинфекція и все видѣнное имъ въ первые дни въ Германіи — оставило на немъ глубокое впечатлѣніе; особенно внутренній порядокъ ихъ ему понравился, т. е. въ баракѣ, во время повѣрки, ѣды, полученія послѣдней; законы чистоты поставлены очень крѣпко: назойливыя вши и блохи — такъ неотступно сопутствующія солдата — куда-то безвозвратно пропали.

Власъ вполнѣ примирился съ перспективой плѣннаго, сознавая, что хоть и онъ солдатъ великой русской націи, — претендующей на счастливую будущность, но пока онъ въ плѣну у германцевъ, — долженъ подчиняться ихъ законамъ и порядкамъ, — уповая на ихъ культурность и цивилизованность, на еще не совершенно уничтоженныя узы прошлаго и крѣпкія, добрососѣдскія узы будущаго.

Сегодня — 31 августа, переводчикъ каждому плѣнному далъ по нѣсколько открытокъ и объяснилъ, что они ихъ могутъ посылать домой, на родину. Это очень обрадовало Власа; онъ тутъ-же сѣлъ и съ волнующимся сердцемъ и дрожащей рукой написалъ:

«Дорогая и милая моя Галечка!

Не знаю, получила-ли ты или нѣтъ мои письма съ Галиційскаго фронта? Но я отъ тебя, дорогая, пока ничего не получилъ. Душа изнываетъ и сердце рвется на куски при мысли, что ты ихъ могла и не получить и, такимъ образомъ, не знать все то, что происходитъ во мнѣ. Пиши скорѣе. Цѣлую тебя и свою дочь Ѳеодосію, — Вашъ — до могилы —

Власъ Пудзирей».

«Да, я слава Богу, живъ и здоровъ, чего и тебѣ желаю. Нахожусь въ плѣну въ Германіи — обходятся хорошо. Пиши! Власъ . . .

4.

«Наши враги».

Я въ плѣну одинъ годъ и восемь мѣсяцевъ. Въ періодъ этого времени мнѣ много разъ приходилось на столбцахъ газеты «Русскаго Вѣстника» читать массу благодарственныхъ писемъ своихъ товарищей плѣнныхъ, относящихся, то къ своимъ хозяевамъ нѣмцамъ, у которыхъ они состоятъ на работахъ, то къ администраціи лагерей , на что я всегда смотрѣлъ скептически, и авторовъ таковыхъ писемъ я называлъ всегда іудами. Я думалъ, что люди эти льстятъ передъ нѣмцами ради своихъ какихъ-то личныхъ выгодъ, да и русскими, настоящими русскими я ихъ не считалъ, а думалъ, что это дѣло рукъ и ума инородцевъ, какъ-то евреевъ, поляковъ, латышей и т. д.

Вы, читатель, конечно спросите, почему у меня объ этомъ, собственно говоря, было такое мнѣніе. Почему я не вѣрилъ той истинѣ, съ которой наши же товарищи плѣнные хотѣли подѣлиться и съ другими, съ тѣми, которые, быть можетъ, по какимъ-либо причинамъ еще этого не испытали и не знаютъ, или короче говоря, не сознаютъ. Да скорѣе всего, что не сознаютъ, какъ этого не сознавалъ и я, не хотятъ этого сознавать. До этого я видѣлъ, или хотѣлъ видѣть однѣ темныя стороны нашего «врага» нѣмца. Я искалъ такихъ приключеній, которыя бы могли наносить огорченіе нашему брату плѣнному, а что дѣлалось и дѣлается

съ его стороны для насъ хорошаго и полезнаго, я этого видѣть не хотѣлъ и не видалъ, чего, какъ я увѣренъ, многіе не замѣчаютъ и по настоящее время. Не видалъ я ранѣе не потому, что этого не было. Нѣтъ, оно было и есть, а собственно потому, что я былъ весь пропитанъ по отношенію къ упомянутому «врагу» какимъ-то необъяснимымъ чувствомъ ненависти. Откуда она у меня явилась, я не знаю. Потому-ли, что я до безумія люблю дорогое свое отечество, которое ведетъ въ настоящее время съ Германіей войну или потому, что въ бытность мою еще въ Россіи мнѣ пришлось наслышаться разныхъ нелѣпыхъ слуховъ о жестокостяхъ нѣмцевъ къ своимъ плѣннымъ. Сказать не могу. Но повторяю, что я смотрѣть хладнокровно не могъ на нихъ ни на одного, кто бы онъ тамъ ни былъ, солдатъ ли или вольный, для меня это было безразлично. Я въ каждомъ изъ нихъ видѣлъ только врага. Но какъ говорится, безконечнаго на свѣтѣ нѣтъ ничего, такъ пришелъ конецъ и моимъ взглядамъ на нѣмцевъ. Почему это и какъ произошло, я передамъ не преувеличивая ни на одну іоту.

Я работалъ на одномъ фольваркѣ около десяти мѣсяцевъ, откуда вздумалъ бѣжать въ Россію. Не потому бѣжать, чтобы мнѣ тамъ было худо, нѣтъ, жить было хорошо, пища была вкусная, сытная и мясная, хлѣба за глаза, работа не тяжелая, надобъ было жить, какъ тамъ живутъ мои товарищи вотъ ужъ второй годъ. Нѣтъ, мнѣ не жилось, и не соображая, далеко ли могу уйти, я удралъ. О дорогѣ я говорить не стану, такъ какъ это не интересно, кромѣ голодовки хорошаго не было ничего, а скажу лишь то, какъ это и могло быть, что я на седьмыя

сутки былъ пойманъ, какъ глухарь, чего и надо было ждать. Задержали меня на старой польской границѣ ночью два патруля, гдѣ бы меня слѣдовало, какъ водится у насъ въ Россіи, было немного, какъ говорится, навтыкать, — и я думалъ, что это безусловно будетъ. Но оказалось наоборотъ, несмотря что было ужъ поздно, меня въ караульномъ помѣщеніи напоили горячимъ, сладкимъ кофеемъ и накормили, какъ голоднаго волка хлѣбомъ и колбасою. И ни одинъ изъ солдатъ, не только чтобы меня ударить, какъ бѣглеца, но какъ видно не назвали худымъ, браннымъ словомъ, кромѣ братскаго сочувствія ко мнѣ не было ничего. Но, этого мало, дорогою въ бѣгахъ я сильно простудился и заболѣлъ. Меня положили въ лазаретъ, гдѣ опять за мною былъ уходъ, не какъ за бѣглецомъ плѣннымъ, а уходъ такой, что дай Богъ, чтобы въ нашихъ русскихъ лазаретахъ былъ бы такой уходъ за своими солдатами. Я помню, мнѣ въ бытность мою на военной службѣ пришлось разъ лежать въ своемъ русскомъ госпиталѣ, то скажу по совѣсти, что я тамъ такого ухода не видалъ, какой мнѣ былъ сдѣланъ въ настоящее время въ плѣну въ Германіи. Сдѣлано это тѣми, о которыхъ я былъ прежде такого дурного мнѣнія. Сдѣлано тѣми, о которыхъ намъ говорили, что чуть ли не рѣжутъ намъ въ плѣну уши и не рвутъ ноздри. Такъ можетъ ли у меня послѣ всего сказаннаго оставаться то старое чувство ненависти по отношенію Германіи и германцевъ. Нѣтъ, этого въ моей груди быть болѣе не можетъ и не будетъ.

Товарищи! Всѣ мы любимъ, конечно, свою мать родину. Всѣмъ намъ дорогъ тотъ край, гдѣ

мы родились, провели золотые годы нашего дѣтства. Гдѣ выросли и оставили дорогихъ нашему сердцу мать, отца, сестру, брата, а многіе даже дѣтей и жену. У всѣхъ насъ объ этомъ болятъ наши сердца и души. Всѣхъ насъ гложетъ неодолимая змѣя-тоска. Съ чѣмъ вы, товарищи, со здравымъ разсудкомъ боретесь, покоряясь своей судьбѣ въ ожиданіи того великаго и святого часа, въ которомъ пронесется святое слово «миръ» а съ нимъ, сами собою откроются ворота и нашихъ проволочныхъ загражденій. Но я съ этимъ ранѣе бороться не могъ. Я не могъ переносить той грусти и тоски по дорогимъ моему сердцу и сдѣлалъ побѣгъ, при которомъ какъ и всѣ бѣглецы, былъ пойманъ. Да и благодарю Бога, что это такъ случилось. Когда придется тронуться изъ плѣна и съ Германіей проститься, быть можетъ, и навсегда, то я въ груди своей кромѣ хорошаго къ ней не сохраню ничего. И чувства такія, я увѣренъ, должны остаться у большинства плѣнныхъ. Будемте же ждать и надѣяться на скорое наше освобожденіе и не дологъ быть можетъ и, право, тотъ часъ, когда мы съ бывшимъ нашимъ врагомъ чокнемся по братски кружками пива, позабывъ всю вражду.

Георгіевскій кавалеръ С. Н.

5.

Мы и они.

Чѣмъ долѣе находишься въ Германіи, тѣмъ болѣе узнаешь своихъ враговъ—германцевъ, окружающихъ тебя, и какая громадная противоположность является между этими врагами и нашими соотечественниками! Эта противоположность такъ

ярко рисуется даже нами будучи въ плѣну, т. е. подъ зоркой охраной германскихъ солдатъ. Я представляю себѣ, сколько еще бы узналъ хорошаго, славнаго, а вмѣстѣ съ этимъ и поучительнаго, если бы жилъ на волѣ и прикасался бы къ народу сего культурнаго государства, ихъ обычаямъ, жизни и стремленіямъ.

Боже мой! Какъ ужасно непріятно восхвалять врага и унижать свою дорогую родину, но... къ горькому сожалѣнію это такъ.

Мнѣ случайно пришлось зайти къ деревенскому жителю и не смотря на тяжелое время, которое переживаютъ въ настоящій моментъ воюющія державы, и не смотря на очень ограниченное число рабочихъ рукъ, меня поразила необыкновенная чистота и порядокъ въ комнатахъ: полы ярко выкрашены, въ дверяхъ плетенки, стѣны въ красивыхъ обояхъ, простой, но красивый диванъ съ нѣсколькими стульями о плетеныхъ сидѣніяхъ, на стѣнахъ увеличенные портреты хозяевъ и другія картины нѣмецкихъ героевъ войны, часы съ разрисованнымъ циферблатомъ, показывающіе точное время хозяину и его семейству, маленькій буфетъ со столовой и чайной посудой, изящная этажерка со столбиками книгъ и тетрадей. Дѣти, всѣ чисто умытыя и опрятно одѣтыя, нисколько не смутились моимъ появленіемъ, а напротивъ, каждый старался предупредить другого привѣтствіемъ «гутъ моргенъ» русскій! На мой вопросъ, кто занимается этими книгами, мальчикъ 7—8 лѣтъ гордо замѣтилъ «я». Изъ всего, что я вынесъ изъ этого маленькаго деревенскаго домика, я понялъ, что нашъ деревенскій житель далеко отсталъ отъ жителя деревни вражьей страны.

Сохрани Богъ, чтобъ вы услышали ругань и сквернословіе среди мужчинъ или женщинъ, какъ у насъ принято выражать такія словца, отъ которыхъ уши германца навѣрное бы завяли, если-бы онъ только понялъ, сколько гадкаго, омерзительнаго въ этихъ словахъ; а у насъ, это даже принято не только въ низшихъ сословіяхъ, гдѣ нисколько не стѣсняясь, выражаютъ даже за столомъ въ присутствіи малыхъ дѣтей, но и у нашей аристократіи въ видѣ поговорки. Все это ясно доказываетъ, что германецъ далеко превзошелъ культурой нашу матушку Россію, и какъ ужасно обидно становится за тѣхъ мучителей-негодяевъ, которые истязаютъ плетьми и нагайками людей, засѣвающихъ и распространяющихъ сѣмя добра и культуры на благую жизнь молодого поколѣнія и зрѣлыхъ людей отставшихъ странъ.

Я читаю газету, удивляюсь и ужасаюсь. Неужели все, что здѣсь написано, есть правда? Неужели тысячи людей гибнутъ отъ всевозможныхъ болѣзней безъ всякой врачебной помощи? Неужели при 40 град. мороза несчастные выгоняются на работы въ однихъ лохмотьяхъ, а возвратившись въ свои бараки-конуры, страдаютъ ужасной болью отъ отмороженныхъ членовъ? Неужели наше начальство совершенно забыло о насъ милліонахъ, съ которыми могутъ, при желаніи, поступать точно такъ же?

О! какъ велико благодарны мы должны быть нашимъ врагамъ, но людямъ съ истинной душой. Сколько умѣнія и старанія было приложено медицинскимъ персоналомъ при появленіи какихъ либо заразныхъ болѣзней, и результаты получались блестящіе, серьезная болѣзнь, какъ тифъ, протекала

совершенно почти незамѣтною. Насколько возможно, германское начальство старается улучшить наше томительное пребываніе въ плѣну, старается намъ дать развлеченія, дабы не такъ отдаваться думамъ о терпящихъ лишенія нашихъ родныхъ. Идутъ охотно навстрѣчу нашимъ просьбамъ и желаніямъ, даютъ намъ возможность заниматься своимъ ремесломъ, своею спеціальностью. Почти во всѣхъ военно-плѣнныхъ лагеряхъ имѣются библіотеки, на что сама комендантура первая вноситъ пожертвованіемъ лучшія книги, устраиваютъ театры, концерты, создаются общества взаимопомощи и для всѣхъ этихъ учрежденій необходимый персоналъ освобождается отъ всѣхъ работъ.

Такъ неужели-же такова должна быть расправа нашего начальства съ плѣнными германцами?

О, какъ это ужасно, тяжело и печально! мнѣ стыдно признаться ,мнѣ уже кажется, что у враговъ гораздо лучше, чѣмъ на матушкѣ Руси. Н., в.-пл.

6.

Почему наврали?

Товарищи, русскіе военноплѣнные! Хочу высказать свое мнѣніе относительно русскихъ плѣнныхъ, больныхъ, находящихся въ германскихъ лазаретахъ на излеченіи, объ отношеніи къ нимъ г.г. докторовъ, сестеръ милосердія и служителей. Второй ужъ годъ какъ я нахожусь въ плѣну, первое время былъ въ лагерѣ, потомъ переведенъ, а остальное время, т. е. одинъ годъ, находился на работѣ. Слышалъ отъ своихъ товарищей нелестные отзывы о тѣхъ лазаретахъ, гдѣ говорятъ, что плохо

кормятъ, другіе — плохо лечатъ, третьи плохо относятся. Это на меня дѣйствовало печально, я всегда смотрѣлъ на германцевъ какъ на націю, просвѣщенную болѣе другихъ, и вдругъ такое плохое отношеніе къ больнымъ плѣннымъ. Когда приходилось быть самому больнымъ, я всегда опасался попасть въ лазаретъ; но всетаки не могъ этого избѣгнуть, и вотъ нахожусь въ настоящее время въ одномъ изъ нихъ въ г. Б. Заболѣлъ я на работѣ, два дня пролежалъ въ отведенной комнатѣ, но всетаки пришлось обратиться къ доктору, который призналъ болѣзнь серьезной, подлежащей леченію въ лазаретѣ. Конечно я протестовалъ и хотѣлъ лечиться по рецепту на работѣ за свой счетъ, но мнѣ было отказано. Надо было смириться, хотя мнѣ сильно не хотѣлось въ лазаретъ, зная отъ товарищей, что тамъ очень плохо; а вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлось убѣдиться, вѣрны ли тѣ слухи.

Отправляюсь. Пріѣзжаемъ въ г. Б. въ одинъ лазаретъ: не приняли, что-то поговорили съ конвойнымъ и мы пошли. Дорогой спрашиваю: куда пойдемъ? Отвѣчаетъ: въ другой, тутъ нѣтъ мѣстъ. Конечно первая мысль моя, что не хотятъ русскихъ лечить, а не сообразилъ, что время военное, много раненыхъ. Приходимъ въ другой, въ пріемную. Спрашиваютъ: чѣмъ боленъ? Начали записывать, значитъ приняли. Повели въ палату, выдали всѣ принадлежности, какъ бѣлье, такъ и посуду, все чистое; сходилъ въ ванную, переодѣлся и иду на свое мѣсто. Здороваюсь съ больными; отвѣчаютъ всѣ дружно съ улыбкой. Ложусь; тутъ-же подходитъ одинъ ко мнѣ, спрашиваетъ, не хочу ли я кушать или подожду обѣда. Конечно я поблагода-

рилъ и сказалъ, что я сытъ. Оказалось, что тутъ больные всѣ германцы. Черезъ нѣсколько времени приносятъ больнымъ обѣдъ, тотъ же больной подходитъ, беретъ мою миску и наливаетъ полную супу. Я благодарю и говорю: на меня сегодня нѣтъ; отвѣчаетъ: хватитъ всѣмъ. Въ 4 часа приходитъ докторъ, обходитъ всѣхъ больныхъ, подходитъ и ко мнѣ, очень вѣжливо и ласково спрашиваетъ, чѣмъ боленъ, когда заболѣлъ, раньше не болѣлъ-ли; потомъ все выслушалъ, прощупалъ животъ и передалъ сестрѣ, что нужно дѣлать, все такъ тихо и вѣжливо; по уходѣ доктора подходитъ ко мнѣ сестра и передаетъ, что я долженъ лежать, на ночь она положитъ компрессъ, а утромъ получу капли и порошки. Въ 6 часовъ ужинъ; накормила сестра, выдала всѣмъ лекарства, положила мнѣ компрессъ, простилась и ушла. Просыпаюсь — утро, больные уже встаютъ. Принесли кофе, хлѣбъ и масло. Получаю 3 бѣлыя булки и ½ фунта чернаго хлѣба, кружку кофе, а если хочу и вторую. Приходитъ сестра, провѣряетъ температуру и пульсъ, раздаетъ лекарство. Я получаю капли и порошки, какъ и всѣ. Въ 9 часовъ приходитъ докторъ; спрашиваетъ какъ спалъ, есть ли аппетитъ, вторично выслушиваетъ, передаетъ сестрѣ и уходитъ, и все также ласково, какъ будто я и не плѣнный. Въ 10 часовъ получаемъ молочную рисовую кашу и кружку молока, въ 11 часовъ картофельное пюре и одно яйцо; мяса мнѣ нѣтъ, потому что у меня болѣзнь желудка. Въ 12 часовъ обѣдъ: великолѣпный супъ; въ 4 часа кофе, въ 6 ужинъ: супъ и нѣкоторымъ, кто здоровъ желудкомъ, сыръ, масло и кусокъ чернаго хлѣба. Лекарство 3 раза въ день. Однимъ словомъ, какъ германцамъ, такъ и намъ. Лежатъ также и сербы и

всѣмъ одинаково. Такъ вотъ, товарищи, значитъ слухи были ложны; я теперь лично убѣдился во всемъ. Во-первыхъ, доктора обращаются вѣжливо, лечатъ также какъ и своихъ, нисколько не отличая, всѣ германцы, находящіеся въ лазаретѣ, относятся какъ лучшіе товарищи, сестра, я только могу сказать: милая сестра, она къ русскимъ больнымъ также вѣжлива и ласкова какъ къ своимъ; я ей какъ плѣнный воздаю самую сердечную благодарность за отношеніе къ намъ. Товарищи, я думаю, что всюду въ Германіи порядокъ одинъ. Я допускаю, что тамъ гдѣ хуже; но почему, это надо выяснить.

Привожу нѣсколько словъ, мною слышанныхъ отъ одного товарища, лежавшаго въ лагерномъ лазаретѣ: тамъ весь нижній персоналъ изъ русскихъ плѣнныхъ: какъ-то: фельдшера, переводчики и служители; отъ нихъ то все это и зависитъ. Германскій докторъ прописываетъ діэту, значитъ она должна быть полностью, а тутъ выходитъ, что больной не получаетъ сполна; а почему? Да потому что ее приноситъ русскій служитель; онъ даетъ гораздо меньше, чѣмъ полагается, а оставляетъ большую часть себѣ и своимъ сослуживцамъ. Также поступаютъ фельдшера и переводчики, а потомъ продаютъ тѣмъ же больнымъ у кого есть деньги, или наливаютъ тому больше; а у кого денегъ нѣтъ, тотъ лежи голодный; а не продастъ, такъ выльетъ въ помойную яму.

Товарищи! нельзя отзываться такъ плохо, не провѣря, точно ли оно такъ; выходитъ, что мы сами виноваты. Да, вѣдь это у насъ всосано съ молокомъ матери: я сытъ, а ты какъ знаешь! Во всемъ у насъ проглядываетъ наша непросвѣщен-

ность, намъ надо какъ можно больше учиться, какъ нужно жить; а у кого? Да у тѣхъ же германцевъ. А тѣмъ, которые приставлены исполнять служебныя обязанности при лазаретахъ какъ-то: фельдшера, переводчики и служители, должны хорошенько подумать о своихъ поступкахъ, хорошо ли они дѣлаютъ или худо, обижая своихъ товарищей, такихъ же плѣнныхъ, какъ и сами, и въ то же время обвиняя цѣлую націю.

Алексѣй П—ъ, в-пл.

7.

Не враги!

Мы, русскіе плѣнные, въ числѣ 450 человѣкъ находимся на работѣ въ шахтахъ. Сегодня, 1-го января 1916 года, 19-го декабря 1915 г., хотя у насъ и не праздникъ, но мы все-таки освобождены отъ работы и въ два часа дня насъ посѣтилъ мѣстный пасторъ съ хоромъ пѣвчихъ, состоящій изъ женскаго и мужского пола. Отцомъ пастыремъ были намъ сказаны поучительныя слова, а хоромъ были пропѣты хвалебныя пѣсни ко Христу, которыя тронули до глубины души, такъ что даже у многихъ изъ насъ появились слезы на глазахъ, за что я отъ имени своего и моихъ товарищей приношу глубокую благодарность мѣстному пастору съ хоромъ его, съ пожеланіемъ имъ всего лучшаго на жизненномъ пути, и дай Богъ, чтобы и у насъ въ Россіи нашлось побольше такихъ людей, какъ упоминаемый пасторъ съ хоромъ и чтобы они тоже своимъ посѣщеніемъ облегчили горькую участь плѣнныхъ, какъ и мы, находящихся у насъ въ Россіи, лишенныхъ родной страны, родной семьи и даже свободы, и за что-же?

Пробывши полгода на работѣ, я увидѣлъ, что мирное населеніе относится къ намъ не какъ къ врагамъ своимъ, а какъ къ людямъ обиженнымъ судьбой и заброшеннымъ въ чужую страну, а поэтому, по возвращеніи изъ плѣна, я и многіе изъ насъ скажутъ, что мы дрались не съ врагами, а съ родными братьями по Христу и съ добрыми сосѣдями.

Кромѣ упомянутыхъ лицъ еще приносимъ великую благодарность мѣстному доктору и фельдшеру изъ конвойныхъ, которые тоже не мало хлопочутъ о нашемъ здоровьѣ и за все время нашего пребыванія на работѣ ни одному изъ насъ не было отказано въ помощи при болѣзняхъ и ушибахъ на работѣ.

Е. А.

3.

Что дѣлаютъ для насъ?

(Письмо въ редакцію.)

Уважаемой редакціи газеты «Русск. Вѣстникъ» шлю свой привѣтъ и желаю отъ всей души процвѣтанія на пользу моихъ братьевъ. Это есть одно изъ благороднѣйшихъ учрежденій Германіи на пользу своихъ враговъ побѣжденныхъ. Мы много слышали о звѣрствахъ германцевъ, о ихъ зловредныхъ дѣйствіяхъ, о ихъ грубомъ обращеніи съ плѣнными. Но мы, братцы, видимъ тутъ и все знаемъ, знаемъ, что это неправда. Нѣтъ, и тысячу разъ нѣтъ! Мы отлично видимъ все, что они для насъ дѣлаютъ. Русскіе дѣлаютъ ли для германцевъ-плѣнныхъ то, что дѣлаютъ германцы для насъ? Мы видимъ, что мы находимся въ чистыхъ и теплыхъ баракахъ, всюду чистота и опрятность, гарантирующія насъ

въ отношеніи гигіены: начальство старается, чтобы намъ было какъ можно лучше. Мы вернемся въ Россію и снимемъ маску съ людей, которые обманываютъ теперь публику, и скажемъ, что для насъ въ Германіи не было Сибири. Эти люди говорятъ, что германцы злопамятны, а мы видимъ какъ разъ наоборотъ: въ Россіи стараются, чтобы германцы не были въ обществѣ, такъ сказать, не разговаривали бы между собою. Для насъ въ Германіи издана газета, устроена посредническая контора для переписки между собою. Развѣ это не культурное учрежденіе, развѣ это злопамятство германцевъ? И какая ложь! Милліоны людей обманываются, представляя себѣ германцевъ какъ звѣрей, не имѣющихъ ни жалости, ни состраданія, но мы, товарищи и братья, видимъ, что это неправда и должны въ одинъ голосъ запротестовать, ибо ложь эта груба слишкомъ, германцы дѣлаютъ все что можно для насъ, и безъ конца готовы помочь намъ. И отъ души желаю процвѣтанія въ Германіи всѣмъ учрежденіямъ для военноплѣнныхъ въ общемъ и газетѣ въ частности.

С. П.

9.

Въ плѣну у германцевъ.

Воспоминанія военноплѣннаго.

Сильная боль въ ранѣ заставила меня очнуться. Съ трудомъ приподнявшись, такъ какъ боль не давала мнѣ покоя, я увидѣлъ кругомъ себя все раненыхъ товарищей, которые съ тревогой ждали дальнѣйшей своей участи. Дѣло въ томъ, что непріятель кругомъ забросывалъ снарядами. Не разъ попа-

далъ и въ землянку лазаретную, но толстый потолокъ не поддавался, и только отъ сильнаго удара осыпало насъ падавшей съ потолка землей.

Но болѣе легко раненые и санитары видѣли, что еще одинъ, два мѣткихъ удара и потолокъ не выдержитъ, и мы будемъ заживо погребены.

Мы всѣ уже приготовились умереть, такъ какъ непріятель все усиливалъ артиллерійскій огонь. Очевидно, онъ намѣревался, во что бы то ни стало, пробиться и взять нашу позицію.

Товарищи, которые остались въ окопѣ, стойко умирали, не бросая своихъ мѣстъ. Но какъ не храбро держались они, дальше держаться было невозможно, большая часть умерла или была переранена рвавшимися снарядами. Германцы же густыми колоннами смѣло приближались, несмотря па сильный нашъ огонь, къ нашему проволочному загражденію. Я съ тревогой ожидалъ прилета непріятельскаго снаряда, который рвался то впереди насъ, то дѣлалъ перелетъ, и мы всѣ вздыхали свободнѣе. Но вдругъ сильный ударъ въ крышу потрясъ всю землянку съ силой, полетѣли куски съ потолка и посыпалась земля. Всѣ набожно перекрестились, но всѣ рѣшились умереть, такъ какъ не разъ намъ начальство говорило, что, попадешь въ плѣнъ къ германцамъ, хотя бы даже раненымъ, все равно будешь добитъ.

И я вспомнилъ свой милый и дорогой моему сердцу очагъ, отца и старую мать, и грустно стало мнѣ, что я, еще не поживъ какъ слѣдуетъ на свѣтѣ, долженъ умереть. А тутъ еще боль въ лѣвой сторонѣ груди не давала мнѣ покоя, хотя пуля пробила рану насквозь и вышла ниже лопатки, кровь

пошла изо рта и я уже думалъ, что пришелъ конецъ моей жизни! Я попросилъ у санитара воды и, прополоскавъ ротъ, утолилъ жажду. Но что это такое? Снаряды прекратились рваться. Всѣ съ удивленіемъ ждали, что будетъ дальше. И вдругъ влетаетъ въ землянку санитаръ и кричитъ: «Братцы, спасайтесь, кто можетъ, германцы!» и самъ скрылся въ дверяхъ. Оказалось, что окопы сданы горсточкой смѣльчаковъ. Вскорѣ около землянки послышался говоръ на нѣмецкомъ языкѣ. Наши всѣ напуганные по одиночкѣ начали выходить. Я тоже, поднявшись съ трудомъ, послѣдовалъ за товарищами. думая, если умирать, такъ вмѣстѣ. Выйдя на дворъ, я увидѣлъ одного германскаго солдата, который улыбаясь помогалъ нашимъ вылѣзать изъ хода сообщенія. Увидѣвъ меня, онъ помогъ мнѣ вылѣзти и началъ совѣтовать мнѣ остаться, говоря, что меня возьмутъ санитары на носилки. У меня отлегло отъ сердца. Мнѣ такъ понравился этотъ германецъ, что я рѣшился слѣдовать съ товарищами подъ его конвоемъ; и не замедлилъ сказать ему, что я могу и такъ потихоньку идти, и что мнѣ, напротивъ, лучше. Симпатичному германцу это понравилось, онъ согласился, и я позади, при помощи товарища, двинулся въ путь.

Миновавъ свои окопы и проволочное загражденіе, я пошелъ медленно за своими товарищами. Погода была ясная и тихая. Солнце свѣтило, поднявшись высоко на голубомъ небосклонѣ, и весело огрѣвало поле брани, гдѣ лежали умершіе герои, какъ наши, такъ и германскіе. Живые же германскіе солдаты смѣло двигались впередъ, идя навстрѣчу невзгодамъ и опасностямъ, и я поневолѣ

не одного провожалъ съ грустью, думая, что не мало изъ нихъ — молодые цвѣтущіе юноши и должны положитъ жизнь за свою родину во цвѣтѣ лѣтъ. Приведя къ полуразрушенному мѣстечку, насъ остановили на отдыхъ. Многіе пошли къ колодцу, чтобы напиться. Я тоже подошелъ, но здоровые солдаты никакъ не допускали меня, спѣша первыми утолить жажду. Замѣтивъ это, молоденькій германскій солдатъ-санитаръ набралъ воды, принесъ мнѣ и далъ напиться. Я съ благодарностью принялъ отъ него воду, въ душѣ думая: врутъ, есть и между ними люди добрые, смѣлые и честные, и что это полнѣйшій вздоръ, будто бы они плохо обращаются съ нашими ранеными; и какъ оказалось, я не ошибся. Вскорѣ насъ и здоровыхъ и раненыхъ погнали дальше. По пути намъ попадались идущіе солдаты, ѣхала кавалерія, впереди офицеры, но нигдѣ не было ни угрозъ, ни насмѣшекъ, всѣ знали, что мы тоже умѣемъ драться, пока есть силы, и въ состояніи держать въ рукахъ ружье. Пройдя еще версты двѣ, насъ опять остановили и здѣсь раненыхъ, по приказанію германскаго офицера, отдѣлили; мы всѣ раненые помѣстились въ садочкѣ, пока не пріѣдутъ санитарныя повозки. Намъ объявили, что когда тяжело-раненыхъ уберутъ на полѣ брани, то по пути ѣдучи захватятъ и насъ.

Вскорѣ потянулись повозки санитарныя, наполненныя ранеными. Вечеромъ намъ дали кофе, пряники и хлѣбъ. Многіе германскіе солдаты покупали на свой счетъ пряники у принесшихъ ихъ панёнокъ и угощали насъ. Постройки всѣ были уничтожены снарядами, и намъ пришлось ночевать на дворѣ. Но ночь была теплая и мы, счастливые и

спокойные, крѣпко уснули. Утромъ насъ разбудили, и подъѣхавшій офицеръ, германскій докторъ, приказалъ садиться намъ на подъѣхавшія санитарныя повозки. Санитары всѣ оказались очень милые и хорошіе. Когда я, стараясь, никакъ не могъ влѣзть, двое изъ нихъ подняли меня и тихонько и осторожно положили на санитарную повозку, наполненную сѣномъ. Нѣтъ, я всегда буду помнить теплое участіе и хорошій уходъ германцевъ за нашими ранеными. Пріѣхавши къ полевому госпиталю, насъ высадили и дали намъ хлѣба и кофе. Здѣсь насъ автомобилями перевозили въ городъ Островецъ; но такъ какъ, несмотря на то, что автомобилей было болѣе 15-ти штукъ, насъ было очень много, то наша очередь осталась на завтра. Здѣсь мы лежали въ сараѣ вмѣстѣ съ германскими ранеными. Итакъ, уже второй день, какъ я нахожусь въ плѣну у германцевъ. Но я увидѣлъ, что германцы прекрасно ухаживаютъ за нашими плѣнными, и поэтому я надѣялся скоро поправиться.

Ночь прошла спокойно. На другой день я пошелъ просить германскаго доктора перевязать мнѣ рану. Перевязочная находилась въ полуразрушенномъ домѣ. Не рѣшаясь войти въ домъ, я стоялъ около окошка въ раздумьѣ, какъ вдругъ услышалъ, что изъ окна окликаетъ меня по-польски чей-то ласковый голосъ. Я оглянулся и, къ своему крайнему удивленію, увидѣлъ улыбающееся лицо германскаго доктора, который и спросилъ меня, не нужна ли мнѣ перевязка. Я сейчасъ же, воспользовавшись случаемъ, заявилъ ему, что очень нуждаюсь въ перевязкѣ раны, тогда онъ зазвалъ меня и перевязалъ мнѣ рану. Я поблагодарилъ его и на-

правился къ двери, но лицо это, милое, молодое, честное и доброе, на всю жизнь останется у меня въ памяти.

Послѣ обѣда насъ посадили на автомобиль и повезли дальше.

Погода была грязная, ѣхать приходилось плохо. Но все-таки, несмотря на это, автомобили ѣхали безъ остановки. Кое-гдѣ приходилось останавливаться, такъ какъ длинный рядъ тянувшихся обозныхъ и санитарныхъ повозокъ иногда преграждалъ намъ путь. Когда гдѣ-нибудьзастревалъ обозъ, то шоферы тоже слѣзали и помогали возникамъ выручать возокъ, нагруженный кладью, затѣмъ двигались дальше.

Скоро въѣхали въ лѣсъ, деревья мелькали мимо оконъ, и я невольно думалъ, неужели мнѣ суждено увидѣть ту Германію, которую я стремился видѣть, еще будучи до войны на ученической скамьѣ, по окончанiи училища, такъ какъ собственно мы многимъ должны быть благодарны германцамъ, которые способствовали развитiю агрономической культуры въ Россiи. Еще въ мирное время я любилъ читать сельскохозяйственныя книги, переведенныя съ нѣмецкаго языка, въ особенности жизнь германскихъ крестьянъ, и мнѣ было грустно, что у насъ народъ настолько темный, что, имѣя больше земли, чѣмъ германскiй хозяинъ, живетъ гораздо хуже его. И вотъ я думалъ, кончу училище и поѣду въ Германiю на практику, поучиться многому, кое-чему интересному и новому, но тутъ помѣшала война. Такъ, вспоминая про свою прежнюю жизнь и мечтая о томъ, о чемъ думалъ и раньше, я не замѣтилъ, какъ мы въѣхали въ городъ. Остановившись,

къ намъ подошли германскіе санитары и начали спрашивать насъ по-польски. Всѣ были вѣжливы въ обращеніи съ нами и ласковы. Вскорѣ автомобили двинулись къ станціи, здѣсь посадили насъ въ поѣздъ и отправили въ Германію. К. М.

10.

Германскій и русскій плѣнъ.

(Письмо военноплѣннаго.)

Часто приходилось слышать изъ вашихъ устъ, мои друзья по плѣну, что вамъ «плохо» живется въ плѣну въ Германіи, но почему вы не обратите свое вниманіе на то, какъ живутъ и содержатся плѣнные въ Россіи. По всей вѣроятности вы не видѣли и не бывали въ лагерѣ плѣнныхъ, но мнѣ, дорогіе друзья, приходилось часто быть въ караулѣ, а также изъ своего личнаго любопытства посѣщать лагерь плѣнныхъ въ гор. Оренбургѣ при Мѣномномъ дворѣ (который стоитъ отъ города около четырехъ верстъ), гдѣ содержатся германцы и австрійцы.

Плѣнные, т. е. австрійцы, содержатся въ грязномъ каменномъ помѣщеніи, гдѣ по обѣимъ стѣнамъ тянутся по двое наръ, вверхъ по три яруса, и помѣщалось въ то время около 3000 человѣкъ; между нарами земляной полъ; такъ какъ я былъ въ зимнее время, то было очень грязно.

Спятъ безъ всякихъ матрацовъ и одѣялъ, насѣкомые не даютъ имъ покоя, такъ какъ за время своего дежурства все приходилось наблюдать, какъ происходила охота на нихъ.

Въ помѣщеніи очень холодно, хотя имѣются четыре печки, но дрова выдаются только на ночь по 10 сосновыхъ полѣнцевъ на каждую.

Окна очень маленькія и находятся очень высоко, такъ что въ первый разъ попавшему человѣку въ вышеупомянутое помѣщеніе становится жутко, а сырой запахъ, освѣщеніе и такая грязь еще болѣе приводятъ къ заключенію, что находишься въ какомъ-то заброшенномъ подвалѣ, но не тамъ, гдѣ содержатся плѣнные.

Пищу получаютъ съ очень сомнительнымъ вкусомъ. Про хлѣбъ скажу, что за мое пребываніе плѣнные получали только 1½ фунта, но это было въ ноябрѣ 1914 года, а въ настоящее время ...., такъ что ваше убѣжденіе о полученіи плѣнными въ Россіи по 3 фунта хлѣба является одною лишь вашею фантазіей.

Я очень увлекся описаніемъ жизни австрійцевъ въ плѣну въ Россіи, которые въ сравненіи съ германцами находятся немного въ лучшемъ положеніи.

Германскіе плѣнные, можно въ полномъ смыслѣ выразиться, находятся въ полуподвальномъ помѣщеніи окружающихъ стѣнъ Мѣномнаго двора.

Комнаты, въ которыхъ помѣщаются по 25—30 германцевъ, очень сырыя, даже со стѣнъ капаетъ вода; но и наше караульное помѣщеніе не лучше.

Офицеры, какъ германскіе, такъ и австрійскіе, помѣщаются тоже въ такихъ же комнатахъ, но только стѣны немного обшиты досками, да меблировка немного отличается отъ комнаты нижняго чина.

Мы въ Германіи имѣемъ правильную учрежденную почту, а также школы и другія всевозможныя развлеченія, но самое главное, что для плѣнныхъ учреждена газета. Въ Россіи этого ни-

когда не увидитъ плѣнный, а про газету и нечего разсуждать.

Такъ вотъ, мои друзья, въ сравненіи съ описаннымъ, мы можемъ сказать, что находимся не въ плѣну въ Германіи, а въ гостяхъ; и если васъ «преслѣдуютъ гигіенической чистотой», то это для насъ самихъ лучше; вы сами знаете, что даже въ мирное время въ русскихъ полкахъ страдаютъ много отъ насѣкомыхъ, но это все зависитъ отъ нашей нечистоплотности.

На все описанное, одно я вамъ скажу, мои друзья, что вы ошиблись только въ выраженіи «плохо», а должны были сказать, «что при такой обстановкѣ мы скучаемъ, что съ нами нѣтъ любимыхъ нашихъ существъ». И. изъ Л.

11.

«Жить и дать другимъ жить»....

„Leben und leben lassen“. Жить и дать другимъ жить. Только небольшая часть насъ, русскихъ, знаютъ и понимаютъ это предложеніе, а между тѣмъ сколько глубокаго смысла въ этой нѣмецкой поговоркѣ!

Большинство лицъ, имѣвшихъ возможность быть за-границей и видавшихъ тѣ условія, въ которыхъ живетъ населеніе, начиная съ благоустроенныхъ домовъ и улицъ, и кончая тѣми многочисленными мелочами въ жизни, съ которыми человѣку постоянно приходится сталкиваться, и которыя у насъ отравляютъ жизнь даже мало-мальски требовательному человѣку — здѣсь же опрощены до возможности, объясняетъ это богатствомъ и вы-

сокимъ культурнымъ состояніемъ населенія. Въ дѣйствительности же дѣло не такъ просто.

Возвмемъ для примѣра жилищный вопросъ. Почему здѣсь обыкновенный рабочій живетъ въ простой, но отвѣчающей элементарнымъ требованіямъ гигіены квартирѣ, въ большинствѣ случаевъ также съ такими удобствами, упрощающими хозяйство, какъ напр., газъ, водопроводъ и другія, въ то время, какъ у насъ даже богатые люди за крупныя деньги не могутъ найти для себя сносной квартиры? Скажутъ: страна такая, какъ напр. Германія, богата, въ ней много строительнаго матеріала, матеріалъ дешевъ и легко доставляемъ и т. д. Но вѣдь у насъ тоже много строительнаго матеріала, если даже другого характера, чѣмъ здѣсь и, можетъ быть, немного дороже; достаточно свободнаго мѣста въ городахъ — и все-же, даже при необыкновенной дороговизнѣ квартиръ, всюду въ нихъ ощущается крупный недостатокъ, и состояніе квартиръ въ большинствѣ случаевъ ниже всякой критики. Какъ видно, причина лежитъ значительно глубже.

Во-первыхъ, у насъ капиталистъ, если онъ даже вполнѣ самостоятеленъ, передъ тѣмъ, какъ построить домъ, обдумываетъ выгодность этого предпріятія. Стоитъ ли ему вложить деньги въ домъ, который принесетъ ему 8—10% доходу, или въ какое-нибудь другое, болѣе выгодное дѣло? Далѣе капиталистъ, строящій домъ, разсматриваетъ это дѣло, какъ рискованное предпріятіе: какъ бы подрядчикъ не представилъ невѣрныхъ счетовъ, какъ бы не обманули въ качествѣ матеріала и т. д. Но даже когда домъ готовъ, и квартиры сданы, то препятствія не кончаются: начинается возня съ

дворникомъ, пропиской жильцовъ и многими другими «препятствіями», которыя хорошо извѣстны каждому домовладѣльцу у насъ, особенно въ провинціи . . . .

Ничего подобнаго здѣсь не встрѣчается. Правда, предприниматель передъ тѣмъ, какъ построить домъ, долженъ быть увѣренъ, что квартиры будутъ сданы, и предпріятіе будетъ рентироваться. Это вполнѣ понятно, такъ какъ всякій капиталъ долженъ приносить минимальный процентъ, тѣмъ болѣе, что многіе берутъ деньги въ заемъ у банковъ и должны платить имъ за эти деньги проценты. Но далѣе все просто, многочисленныя строительныя конторы къ услугамъ предпринимателя, все здѣсь заранѣе предусмотрѣно и организовано, о какомъ-нибудь обманѣ не можетъ быть и рѣчи: конторы имѣютъ свои каталоги съ установленными цѣнами, точнымъ опредѣленіемъ качества матеріала и т. д. Вся же «возня» съ управленіемъ домовъ сводится къ ремонту въ необходимомъ случаѣ.

И вотъ мы видимъ въ дѣйствительности, какъ города здѣсь равномѣрно и методично разрастаются, появляются новые дома, новыя улицы. Въ результатѣ — населеніе всегда можетъ найти хорошее помѣщеніе; архитектора, мастера и многочисленные рабочіе имѣютъ постоянно работу, а слѣдовательно и заработокъ, и, наконецъ, богатство города повышается.

Возьмемъ другой примѣръ. Тѣ, кому приходилось бывать даже въ сравнительно небольшихъ городахъ съ населеніемъ до 100.000 человѣкъ, приходилось удивляться огромному, сравнительно, количеству магазиновъ. Всюду большой выборъ това-

ровъ по общедоступнымъ цѣнамъ (здѣсь, конечно, говорится о мирномъ времени, такъ какъ теперь, по вполнѣ понятнымъ причинамъ, цѣны на нѣкоторые предметы сильно поднялись). У насъ въ городѣ со 100.000 жителей магазиновъ по крайней мѣрѣ въ 10 разъ меньше, а цѣны почти всѣ въ два или три раза больше. Чѣмъ же это объясняется?

Во-первыхъ большей зажиточностью населенія и болѣе развитой фабрично-заводской промышленностью. Но этимъ дѣло объясняется только въ небольшой части, главнымъ образомъ, совершенно другимъ. У насъ купецъ, открывающій магазинъ, хочетъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ сразу разбогатѣть; онъ мало интересуется требованіями покупателя и его вкусами, и думаетъ главнымъ образомъ о своемъ заработкѣ. Здѣсь же придерживаются принципа: много продано — много заработано, т. е. довольствуются малымъ заработкомъ на каждую вещь въ отдѣльности, и потому продаютъ много. Въ результатѣ населеніе въ массѣ можетъ полностью удовлетворять свои потребности, необходимыя для болѣе или менѣе порядочнаго существованія, и большое количество магазиновъ можетъ существовать, т. е. поддерживать свое собственное существованіе и существованіе многихъ служащихъ.

Конечно, не малую роль играетъ и крупная организація страны, доведенная до того, что жизнь въ небольшомъ городкѣ стоитъ почти столько же, сколько и въ столицѣ. Далѣе важно то, что земныя блага здѣсь болѣе равномѣрно распредѣлены среди населенія, чѣмъ у насъ. У насъ есть только богатые и бѣдные, и среднее сословіе, какъ таковое, почти не существуетъ, здѣсь же оно составляетъ крупную

часть населенія. Какъ на основу всего благосостоянія слѣдуетъ, конечно, указать на трудолюбіе населенія и чрезвычайную экономію, какъ силъ природы, такъ и человѣческихъ силъ.

У насъ же, въ противоположность всему этому, надо еще указать на ложный стыдъ, существующій во всѣхъ кругахъ населенія, и основанный на неправильномъ пониманіи о пользованіи своимъ и чужимъ трудомъ. Въ то время, какъ здѣсь не рѣдкость увидѣть домовладѣльца, везущаго за собой тачку съ вещами, у насъ считается крупнымъ стыдомъ понести небольшой чемоданъ съ вокзала домой. Зато не считается стыдомъ идти оборваннымъ, въ грязномъ воротничкѣ или небритымъ. Или, напримѣръ, здѣсь можно часто видѣть, какъ интеллигентныя дамы, выходя по воскресеньямъ съ мужьями гулять въ городъ, берутъ съ собой коляски съ дѣтьми, которыхъ сами везутъ, и за которыми сами ухаживаютъ. У насъ же болѣе или менѣе зажиточная дама предпочтетъ лучше сидѣть дома, чѣмъ везти по улицѣ коляску со своимъ ребенкомъ. Можно было бы еще указать на многое странное въ нашей жизни: — здѣсь же стараются по возможности упростить жизнь, и въ то же время придерживаются вполнѣ требованій культуры, нравственности и человѣчности.

«Жить и дать другимъ жить» — основное условіе возможности существованія всякаго государства. Заботиться о томъ, чтобы всякое государство вело свое собственное, независимое существованіе, чтобы его подданные могли найти пропитаніе какъ отъ собственной земли, такъ и держа въ своихъ рукахъ торговлю и промышленность, кото-

рая дала бы заработокъ населенію и имѣли возможность вывозить предметы производства взамѣнъ другихъ необходимыхъ продуктовъ — обо всемъ этомъ должно заботиться правительство, для этого оно должно вести умѣлую внѣшнюю и внутреннюю политику. Но есть еще одно, что необходимо для независимаго существованія всякаго государства: это внутренняя солидарность отдѣльныхъ членовъ государства, это ихъ сознаніе ихъ гражданственности. Это все возможно вполнѣ только при условіяхъ, существующихъ въ западно-европейскихъ государствахъ.

Россія же — страна крупныхъ возможностей, съ ея глубокими противорѣчіями въ жизни. Страна, гдѣ голодающій студентъ сразу превращается въ чиновника съ крупнымъ окладомъ; гдѣ батракъ, зарабатывавшій гроши въ деревнѣ, пріѣзжая въ городъ, привыкаетъ къ крупнымъ «чаевымъ». Страна, гдѣ могутъ строить свое благополучіе только на несчастіи другого, и почему-то не додумаются жить какъ здѣсь, гдѣ каждый тоже думаетъ о своей карьерѣ, но почему-то находитъ возможнымъ дѣлать это вмѣстѣ съ другими.

Нормальнымъ образомъ обстоитъ здѣсь также дѣло въ отношеніи раздѣленія заработка. Послѣдній цѣнится здѣсь по той общей пользѣ, которую приноситъ человѣкъ дѣлу, а не по той пользѣ, которую онъ самъ выноситъ изъ него. Возьмемъ для примѣра фабрику или заводъ. Фабрикантъ зарабатываетъ во много разъ болѣе чѣмъ рабочій, но онъ употребляетъ главную часть своего дохода на расширеніе своего дѣла, т. е. даетъ доходъ еще многимъ людямъ. Инженеръ зарабатываетъ больше,

чѣмъ обыкновенный рабочій, но отъ его способностей зависитъ ходъ работы на фабрикѣ, т. е. въ большей или меньшей степени ея возможность существованія и такимъ образомъ возможность существованія тысячъ рабочихъ, находящихъ при ней свой хлѣбъ. Эти условія можно считать при настоящемъ строеніи государственной жизни вполнѣ нормальными.

Пройдетъ время, и у насъ поймутъ, что можно жить такъ, чтобы не отравлять себѣ и другимъ жизнь, и для этого нужно только умѣть уважать себя и другихъ.

Ш.

12.

Позоръ.

Товарищи! Не легко переносить жизнь въ плѣну. Вѣдь даже плѣнные, переживающіе въ позолоченныхъ хоромахъ всѣ наслажденія, кромѣ свободы, жаждутъ свободы. Теперь въ плѣну учишься цѣнить свободу и видишь прозрѣвшими глазами, что и дома, въ нашемъ русскомъ полицейскомъ государствѣ, ты не былъ свободнымъ человѣкомъ. Такъ и рвешься домой, чтобы помочь тамъ освободительному движенію, чтобы свергнуть тюремщиковъ правительства. Это мучитъ насъ плѣнныхъ. Вслѣдствіе этого такъ тяжело переносить плѣнъ, поэтому такъ жалуются на него, и по этой причинѣ просимъ мы германскихъ побѣдителей, плѣнными которыхъ мы состоимъ, не осуждать насъ со слишкомъ гадливымъ презрѣніемъ, если мы иногда не сохраняемъ своего достоинства.

Этимъ однако, товарищи, я не хочу сказать, что мы имѣемъ право вести себя, какъ старыя бабы

Къ сожалѣнію это дѣлаетъ очень, очень большая часть русскихъ плѣнныхъ, почти большинство, и они возбуждаютъ въ германцахъ убѣжденіе, что весь русскій народъ состоитъ изъ старыхъ бабъ и мерзавцевъ. Какъ часто долженъ былъ я почти до слезъ стыдиться.

Какъ относятся къ русскому мужику дома? Если онъ лежитъ пьянымъ на городской улицѣ, то приходитъ городовой и забираетъ его въ участокъ. Тамъ его раздѣваютъ до рубашки, на его рубашкѣ ставится масляными соотвѣтствующими красками №, послѣ чего его запираютъ въ вонючій клоповникъ, гдѣ лежатъ другъ на другѣ масса другихъ пьяныхъ. Число, получаемыхъ имъ отъ городового ударовъ кулаками и ножнами сабли нельзя, буквально сосчитать. При возвращеніи домой его лицо вспухло отъ ударовъ, все тѣло покрыто синими и зелеными кровоподтеками. И есть масса людей, возвращающихся въ каждый праздничный день изъ участка въ такомъ избитомъ состояніи.

Какъ часто избивается такой мужикъ своими собственными друзьями, наносящими ему побои каблуками! При сборищахъ на улицахъ являются жандармы и казаки, врываются въ толпу и наносятъ налѣво и направо нагайками удары. Поступаетъ новобранецъ на службу — то и тамъ ему приходится не лучше, пока онъ не пойметъ того, что ему необходимо знать. Кулачное право въ Россіи — естественное явленіе, и часто слышно мнѣніе, что русскій крестьянинъ лишь тогда понимаетъ, когда его ругаютъ площадной бранью или основательно бьютъ. Въ войскѣ смѣшивается такое разнообразное общество, приличные люди и люди,

встрѣчи съ которыми во всякое иное время избѣгаютъ, что среди нихъ можно лишь крайней строгостью поддерживать порядокъ. Еще не такъ давно, какъ въ русскомъ войскѣ было отмѣнено наказаніе розгами. «Ой, больно! Оой, бьютъ!» Какъ часто слышится это въ Россіи. И пусть кто-нибудь изъ избитыхъ посмѣетъ жаловаться; при этомъ онъ часто теряетъ нѣсколько зубовъ. И почти кажется, что нѣкоторые себя лишь тогда хорошо чувствуютъ, когда они получили свою порцію побоевъ.

А теперь? Если плѣнный русскій фельдфебель или унтеръ-офицеръ нѣсколько немилостиво отнесся къ подчиненнному ему дерзкому, непослушному и лѣнивому военноплѣнному, который дома былъ всегда избиваемъ, то происходятъ истерическіе припадки. Тогда кричитъ этотъ человѣкъ и кричатъ его товарищи. Тогда идутъ жалобы. Люди знаютъ, что германцы не любятъ, когда людей бьютъ, и они каркаютъ, какъ старыя бабы. Но какъ же иначе обращаться съ этими людьми. Дома они не привыкли къ другому обращенію. Позоръ, если солдаты себя такъ ведутъ, что у ихъ начальниковъ чешется рука.

И всегда новыя претензіи! Германскіе солдаты получаютъ ту же пищу, какъ и плѣнные, но послѣдніе однако всегда недовольны пищей. Въ деревнѣ многіе изъ нихъ питались отбросами и заплѣсневѣлымъ хлѣбомъ. Невольно ужасаешься, когда вспоминаешь, что только не поѣдается даже въ городскихъ рабочихъ квартирахъ. А теперь хотятъ тѣ же самые люди получать прямо-таки икру и шампанское! Мораль рабовъ! Они также поступали, нанимаясь на работу на родинѣ. Они служили лишь

изъ-за пищи, такъ какъ дома они умирали съ голода, но тутъ имъ все стало недостаточно хорошимъ. Захотѣли такъ же ѣсть, какъ и господа. Теперь, когда всѣ плѣнные знаютъ, что Англія пытается изморить Германію голодомъ, ведутъ себя люди такъ какъ будто они имѣютъ право требовать наилучшихъ харчей.

«У насъ въ русскомъ войскѣ мы никогда не терпѣли голода», утверждаютъ они. Если-бъ они только не лгали такъ безтолково! Имѣютъ ли они, какъ враги, вообще право чего нибудь требовалъ? И они упорно не желаютъ привыкать къ германской пищѣ, они до того глупы предполагать, что имъ должна быть даваема русская пища. И все-таки германскіе побѣдители идутъ имъ такъ навстрѣчу, что они имъ варятъ русскую пищу. Но въ своемъ нахальствѣ многіе и этимъ недовольны. Они хотятъ какъ разъ теперь, когда имѣется такъ мало хлѣба, набить желудокъ хлѣбомъ до отрыжки; лишь тогда очень довольны. Какъ часто я боялся, что германцы изобьютъ этихъ нахаловъ. У насъ бы они были избиты до полусмерти. Какъ часто я стыдился своихъ соотечественниковъ и удивлялся терпѣнію германскихъ солдатъ, не употребляющихъ въ ходъ свои оружія. Для нѣкоторыхъ плѣнныхъ работа, которая для иныхъ является лучшимъ развлеченіемъ, — самое ужасное. Я видалъ, какъ радовались студенты и учителя работѣ лопатами и изученію тѣлесной работы. Но люди, исполняющіе дома наитяжелую работу, хотятъ быть здѣсь бѣлоручками. Это тѣ-же субъекты, которые обкрадываютъ своихъ товарищей, которые боятся идти въ баню, чтобы избавиться отъ вшей, платье которыхъ расползается

въ лоскутья, такъ какъ они его не исправляютъ, однимъ словомъ тѣ, которые дѣлаютъ германскому караульному невыносимо тяжелымъ сохранять терпѣніе и не нанести удара. Какъ же можетъ германскій солдатъ уважать этихъ людей, какъ людей? и такъ какъ ихъ такъ безумно много, онъ и вынужденъ думать, что вся Россія состоитъ изъ такой сволочи. Плакать бы хотѣлъ я, когда я вижу презрѣніе, съ которымъ смотрятъ германцы послѣ того, какъ они имѣли снова съ этими людьми непріятности, и на остальныхъ русскихъ, которые не умѣютъ воспитать своихъ соотечественниковъ. Товарищи! Что же сдѣлать съ этими позорниками? Они не заслуживаютъ того, чтобы мы воевали за свободу Россіи, когда мы снова будемъ дома. Что сможетъ начать этотъ народъ со свободой? Они лишь тогда счастливы, если они снова встрѣтятъ на родинѣ старое мордобитіе, если они снова будутъ избиваемы казаками и жандармами, лишь тогда они себя чувствуютъ людьми. Для этихъ людей было освобожденіе крестьянъ несчастіемъ. Вотъ настоящіе приверженцы царящаго въ Россіи режима.

Позоръ!

Военнопл. фельдф. П. Ш—нъ.

13.

Берите примѣръ!

Скорблю душой и сердце щемитъ,

мнѣ жалко родины моей,
въ развитьи страшно ты отстала
передъ сосѣдкою своей.

Зачѣмъ примѣровъ мало брала
родная матушка ты, Русь?
теперь увидѣвши германцевъ,
я за тебя стыжусь.

Но что прошло, того не будетъ,
лишь въ сердцѣ горечь понесемъ,
примѣръ у нѣмцевъ же возьмемъ.
за трудъ мы примемся прилежно,

Здравомыслящій человѣкъ, безпристрастно взглянувши съ точки зрѣнія развитія Германіи, можетъ вполнѣ убѣдиться, какъ далеко отстала Россія по всѣмъ отраслямъ хозяйства и внутренняго порядка передъ своею сосѣдкой, Германіей.

Дорогіе товарищи по несчастью, не подумайте, что хочу льстить передъ германцами! Нѣтъ и тысячу разъ нѣтъ! Каждый изъ васъ можетъ увидѣть и убѣдиться въ правдивости моихъ словъ, что Германія стоитъ внѣ всякой критики. Я истинно русскій человѣкъ и люблю свою родину не меньше, чѣмъ каждый изъ васъ, а потому и хочу подѣлиться съ вами нѣкоторыми впечатлѣніями, которыя, быть можетъ, и послужатъ впослѣдствіи на пользу дорогой нашей родинѣ.

Вамъ, вѣроятно, уже многимъ пришлось уѣзжать здѣсь на разныя сельско-хозяйственныя работы, а потому вы могли видѣть, какой вездѣ образцовый порядокъ, по истинѣ въ культурной странѣ, Германіи.

Не будемъ касаться большихъ и столичныхъ городовъ, тамъ, безъ сомнѣнія, не нужно желать и

лучшаго, а возьмемъ, напримѣръ, небольшой уѣздный городокъ:

Вступивши въ оный, вамъ непремѣнно бросается въ глаза безукоризненная чистота улицъ и тротуаровъ, хорошо вымощенныхъ колотымъ камнемъ и повсюду въ надлежащей исправности. Затѣмъ у каждаго фасада домика расположенъ маленькій скверикъ, заполненный множествомъ всевозможныхъ цвѣтовъ, издающихъ благоухающій ароматъ, такъ хорошо питающій человѣческіе дыхательные органы. Вверхъ по стѣнѣ домика карабкаются, цѣпляясь за протянутую для этой цѣли проволоку — ползучія растенія, украшающія наружный видъ зданія, уступая мѣсто окнамъ съ чистыми кисейными занавѣсками. Всюду у оконъ множество цвѣтниковъ съ комнатными растеніями и цвѣтами.

Между тѣмъ, какъ у насъ въ Россіи, точно въ такомъ-же городкѣ, вы увидите, проходя по улицамъ, вездѣ страшный безпорядокъ. Улицы — частью вымощенныя крупныхъ размѣровъ булыжникомъ съ множествомъ пробоинъ и даже опасныхъ проваловъ; частью — совершенно не мощеныя, ибо халатное городское самоуправленіе не заботится о своевременномъ поправленіи улицъ и приведеніи ихъ въ достойный порядокъ.

Тротуары, если имѣются таковые, то большей частью выложенные изъ деревянныхъ досокъ, и безошибочно скажу, что въ дождливое время прилично одѣтый человѣкъ по немъ не пойдетъ, во избѣжаніе окропить себя грязнымъ дождикомъ, потому что доски настолько тонки и близки отъ земли, что при наступленіи на нихъ касаются натекшей подъ ними грязи, а уже вслѣдствіе такого меха-

низма не нужно разъяснять, что можетъ получиться. При проѣздѣ же по улицѣ какой-нибудь повозки, пѣшеходу не избѣжать кары быть обрызганнымъ, такъ какъ грязь неизбѣжный спутникъ такого хозяйства. Вмѣсто сквериковъ у фасада домика вы всегда увидите множество всевозможныхъ отбросовъ, издающихъ зловоніе и портящихъ воздухъ, съ прибавленіемъ развѣ деревянной скамейки и кучки наброшенной скорлупы отъ подсолнечныхъ зеренъ. Про ползучія растенія и помину нѣтъ; замѣняютъ же таковыя — зигзагообразныя линіи потрескавшейся и осыпавшейся штукатурки — если домъ кирпичный, а если деревянный, то видъ получается еще красивѣе: зелено-бархатистый мохъ впустилъ свои корни и раскинулся по всѣмъ направленіямъ въ неопредѣленномъ рисункѣ, стараясь также залѣзть въ жилище обывателя, у котораго на окнѣ стоятъ нѣсколько полуразбитыхъ цвѣтныхъ горшковъ, съ какими-нибудь безцвѣтными деревцами или завядшими цвѣтами, за ними красуется ситцевая занавѣска сомнительной чистоты, а мѣстами и таковыхъ не имѣется. Вотъ, видите, какой получается контрастъ! Кого винить?

Затѣмъ въ германскомъ городкѣ вы всегда увидите безукоризненно чисто одѣтую публику, хотя бы это было въ рабочій день. Я самъ въ первый разъ подумалъ: гдѣ-же у нихъ рабочій классъ? И что же! Геніально! Достойно похвалы! Представьте себѣ: идетъ германецъ на работу въ чистенькомъ костюмѣ, при сорочкѣ и тросточка въ рукахъ; на первый взглядъ русскій человѣкъ ни за что не повѣритъ, что такъ чисто одѣвшись человѣкъ идетъ на черную и даже грязную работу, а на самомъ дѣлѣ это такъ.

Пришедши на мѣсто работы, быстро переодѣвается въ свой рабочій нарядъ и работаетъ полный день. По окончаніи умывается въ особеннно устроенныхъ для этой цѣли при рабочихъ мѣстахъ безплатныхъ баняхъ и, переодѣвшись, выходитъ съ работы, въ полномъ смыслѣ баринъ. Что касается пьянства, то прямо благодать! Вы уже германца въ пьяномъ видѣ не увидите; не подумайте, что германцы совсѣмъ не пьютъ! Нѣтъ они также пьютъ крѣпкіе напитки и винъ разныхъ у нихъ не меньше, чѣмъ въ Россіи, но настолько умно употребляютъ эти напитки, что они ни сколько не вредятъ, а возьмите русскаго человѣка, насколько онъ не воздерженъ къ вину, что разъ добрался до него, то пьетъ до потери сознанія. Вотъ, друзья! Уже вамъ говорить не надо, сколько отъ пьянства терпитъ наша родина всякихъ лишеній и не мудрено, что надъ нами смѣются всѣ наши сосѣди. Постараемтесь же братцы бросить все это зло! Возьмите примѣръ съ германцевъ, ибо это великое начало къ хорошему будущему. Гдѣ люди трезвые, тамъ ужъ не можетъ произойти никакихъ скандаловъ, кромѣ поучительныхъ и дѣльныхъ разговоровъ. Загляните же теперь въ наши русскіе рабочіе кварталы! Боже! что тамъ творится! Во первыхъ, вы увидите идущихъ на работу оборванныхъ и грязныхъ людей, съ опухшими, подбитыми глазами отъ ночной попойки, угрюмыхъ, сердитыхъ; вездѣ слышится площадная брань . . . . .

Прошелъ рабочій день. Та-же картина, да только большихъ размѣровъ. Еще грязнѣе, еще оборваннѣе, въ перегонку спѣшатъ скорѣе занять мѣсто у казенной винной лавки или съ такимъ-же

зельемъ трактира, дабы поскорѣе промочить алчущее засохшее горло.

Такого рода распивочная происходитъ среди улицы и тротуара. Привычнымъ жестомъ толкаютъ подъ дно бутылочку съ казеннымъ виномъ и, вложивши въ жаждущій ротъ, начинаютъ наблюдать за небесными свѣтилами, а вмѣстѣ съ наблюденіемъ происходитъ затменіе собственныхъ зрачковъ. Послѣ одной — поглощается другая и третья и уже послѣ обильнаго изліянія русскій человѣкъ превращается въ хищнаго звѣря.

Вслѣдствіе такого состоянія и происходятъ разные скандалы и драки. Сначала пойдетъ кулачная расправа, а затѣмъ «пущаютъ» въ ходъ ножи и въ результатѣ — убійство, арестъ, судъ, тюрьма или Сибирь.

Дорогіе товарищи! Отчего же такая разница между русскимъ и германскимъ народомъ? Неужели отъ того, что германцы сотворены изъ золота, а русскіе изъ земли? Нѣтъ! Всѣ люди изъ одного и того же матеріала, всѣ одарены умомъ, только не одинаково развитымъ, а вотъ въ этомъ то развитіи и заключается очень многое и полезное, въ чемъ вы всѣ уже навѣрное убѣдились, находясь среди германскаго народа, что не можетъ никто отрицать, какъ высока у нихъ культура, развитіе, хозяйство и образцовый порядокъ. Неужели мы, вернувшись изъ цвѣтущей Германіи въ свою родину, погрузимся опять въ такую спячку, какъ существовала раньше? Тогда какъ въ данное время каждый изъ насъ можетъ что-нибудь усвоить отъ культурной Германіи.

Теперь послѣдуемъ дальше. Пришедши на вокзалъ или станцію, вамъ уже не придется дремать въ

ожиданіи поѣзда, такъ какъ поѣзда здѣсь ходятъ не менѣе, какъ черезъ каждыя двадцать минутъ. Когда же поѣздъ пришелъ — опять диковина для русскаго человѣка!... Пассажирскій вагонъ раздѣленъ на нѣсколько маленькихъ купэ, вмѣстимостью не болѣе, какъ восьми человѣкъ, и въ каждое такое купэ отдѣльный входъ, такъ что уже вамъ не придется безпокоить другихъ пассажировъ, что весьма удобно для собственной персоны. Видите, какъ все предусмотрѣно! Между тѣмъ, какъ у насъ въ Россіи человѣку, незнакомому съ расписаніемъ поѣздовъ, нерѣдко приходится полъ-сутокъ дожидаться прихода поѣзда, а дождавшись, трудно получить себѣ мѣсто, такъ что слабосильному человѣку съ порядочнымъ багажемъ часто случается дожидаться еще слѣдующаго поѣзда, такъ какъ въ вагонѣ, по расписанію на 64 мѣста, имѣются только два входа; пассажировъ же почти всегда бываетъ въ два раза больше расписанія. Не мудерно, что пока прокладываешь себѣ дорогу, потъ уже градомъ катитъ и со всѣхъ сторонъ слышишь по своему адресу нецензурныя слова за то, что одному отдавилъ ногу, другому далъ въ бокъ пинка, третьему сшибъ головной уборъ и т. д. и т. д.

Кого-же здѣсь винить?!..

Въ германскомъ же поѣздѣ безъ труда сядешь въ свое маленькое купэ и въ хорошемъ настроеніи духа; великолѣпно изъ окна любоваться, какъ передъ вами вырисовываются картины, одна другой красивѣе, такъ, напр.: идетъ шоссе, ровное, какъ скатерть, а по обѣ стороны въ линію разсажены фруктовыя деревья: яблони, груши, сливы и каштаны. Красивые же заманчивые плоды чуть не ка-

саются головы проходящаго человѣка. Какъ это разумно!... что даже такое мѣсто, какъ края дороги, и тѣ не пропадаютъ даромъ, а приспособлены для пользы человѣка!

Мико.

14.

Опомнимся!

Тяжело русскому солдату въ германскомъ плѣну. Тяжело не потому, что его мучаютъ, или изнуряютъ непосильной работой, или насмѣхаются надъ нимъ, или его мучаетъ совѣсть, что онъ сдался въ плѣнъ врагу. Ни перваго, ни второго, ни третьяго нельзя сказать, а въ плѣнъ онъ попался, по крайней мѣрѣ большинство, въ честномъ бою съ сильнымъ врагомъ. Не всякій плѣнъ есть позоръ, и даже Императоръ Александръ II, когда многочисленнымъ врагамъ сдали Севастополь, сказалъ: «И для героевъ есть невозможное», а французскій императоръ Наполеонъ, затѣявшій противъ насъ Севастопольскую кампанію и выигравшій ее, сказалъ: «въ этой войнѣ не было ни побѣжденныхъ, ни побѣдителей». Конечно, плѣнъ нежелателенъ, тяжело, досадно и стыдно сдаваться въ плѣнъ, но если ты исполнилъ долгъ солдата до конца, бился до послѣдней возможности, то родина проститъ тебя, а осудитъ только тотъ, кто не былъ на войнѣ, не видалъ ея ужасовъ и не знаетъ условій, которыя создала теперь военная техника.

Извѣстный германскій фельдмаршалъ Мольтке сказалъ, что война облагораживаетъ человѣка, и это до нѣкоторой степени справедливо. Воинскій бой порождаетъ презрѣніе къ смерти, развиваетъ

въ человѣкѣ безкорыстіе, самоотверженіе, товарищескій духъ, и человѣкъ, побывавшій на войнѣ, справедливо можетъ гордиться этимъ.

Конечно, война нежелательна, противна духу христіанской религіи, но если она происходитъ, то и это Божья воля.

Такъ долженъ смотрѣть на нее всякій вѣрующій человѣкъ, честно исполнять принятыя на себя въ этой войнѣ обязанности.

И вотъ, если каждый изъ насъ военноплѣнныхъ честно исполнилъ свой долгъ до конца, бился до послѣдней возможности и всетаки попалъ въ плѣнъ, то совѣсть его можетъ быть относительно спокойна, такъ же какъ онъ можетъ быть спокоенъ и въ смыслѣ отвѣтственности при возвращеніи на родину и не долженъ вѣрить тѣмъ нелѣпымъ слухамъ, которые пускаютъ наши уже нечестные враги, враги внутренніе и, къ сожалѣнію, наши русскіе, что всѣхъ плѣнныхъ, по возвращеніи въ Россію, разстрѣляютъ.

Итакъ, съ этой стороны мы въ плѣну можемъ быть спокойны, однако на душѣ тяжело и невесело. Тяжело потому, что намъ мало извѣстно, что и какъ война, что дѣлается въ Россіи, живы ли и здоровы близкіе намъ родные и дорогіе люди, все ли благополучно въ семьѣ и вообще дома? Тяготитъ сознаніе, что мы далеко отъ родины, отъ семьи и безъ пользы для себя, для семьи, для общества и для особенно теперь, дорогой Россіи, цѣлые мѣсяцы живемъ въ чужой намъ странѣ. Но такъ ли это? Вдумываясь въ послѣдній вопросъ, невольно вкрадывается сомнѣніе, и намъ кажется, что ниспосланное намъ Провидѣніемъ испытаніе

можетъ принести пользу и намъ лично и нашей семьѣ, — и даже родинѣ. Прежде всего у насъ масса свободнаго времени, чтобъ оглянуться на самихъ себя, посмотрѣть внутрь себя.

И если мы дѣйствительно внимательно и глубоко проникнемъ въ собственную душу, то уже, несомнѣнно, получится польза для насъ самихъ, ибо мы увидимъ, что сердца наши заросли корой, и сами мы зачерствѣли и загрубѣли и, почти, озвѣрѣли. Ропотъ на Бога, взаимное озлобленіе, неуваженіе къ чужой собственности и личности, площадная ругань, забвеніе всего святого, дорогого намъ, неуваженіе даже къ самимъ себѣ, вотъ что мы увидимъ внутри себя. А если мы увидимъ и сознаемъ это въ себѣ, то мы уже на правильномъ пути къ нравственному исправленію. А много есть такого, въ чемъ слѣдуетъ намъ исправиться, а отъ многаго и избавиться. Много поможетъ намъ въ этомъ мысль о семьѣ. Подумайте о своихъ женахъ, дѣтяхъ, родителяхъ. Какъ они думаютъ о васъ, ждутъ васъ, и внутри у васъ долженъ зародиться тотъ миръ Божій, который успокоитъ ваши мятущіяся души, примиритъ васъ съ окружающей обстановкой, съ людьми и даже съ самими вами. Читайте Евангеліе, какъ и дѣлали многіе изъ васъ, не раздражайтесь и не озлобляйтесь на окружающихъ, и постепенно вы перевоспитаете себя духовно и явитесь домой добрыми отцами и мужьями, какими вы были и раньше, и «Слово Божье», которое вы читали въ плѣну въ Евангеліи, будетъ по тому же Священному Писанію «внутри васъ». Подумать объ этомъ и взяться за свое перевоспитаніе; у васъ въ плѣну много свободнаго времени, тѣмъ болѣе, что

у васъ къ тому нѣтъ препятствій въ видѣ необходимыхъ заботъ о семьѣ, неизбѣжныхъ семейныхъ дрязгъ, служебныхъ неудачъ и т. д. Если вы сдѣлаете такъ, то это будетъ уже первая польза плѣна для васъ лично.

Затѣмъ вы, живя въ чужой странѣ, среди чужихъ вамъ людей, гдѣ иные чѣмъ у насъ, нравы, обычаи и культура, можете присматриваться и заимствовать, особенно, будучи на работахъ, многое такое, чего у насъ нѣтъ, и что можетъ быть для насъ хорошо и полезно и примѣнимо на родинѣ.

И вотъ вы въ мирной обстановкѣ, работая въ полѣ, на заводѣ или на фабрикѣ, рука-объ-руку съ германцами, куря ,быть можетъ, общую трубку табаку или чокаясь съ ними кружкой пива, можете и даже должны внимательно присматриваться къ тѣмъ чудесамъ германской техники, которая, примѣненная къ военному дѣлу, была, быть можетъ, виновницей того, что мы очутились въ плѣну. Русскій императоръ Петръ Великій, побѣдивъ шведовъ послѣ 23 лѣтъ упорной борьбы, не постѣснялся въ присутствіи плѣнныхъ враговъ пить за ихъ здоровье, какъ своихъ учителей. Такъ и намъ, плѣннымъ, не стыдно учиться у германцевъ тому, что дѣлаетъ ихъ храбыми, сильными и упорными врагами. Это ихъ патріотизмъ, желѣзная дисциплина и техника. Пусть ихъ патріотизму и дисциплинѣ учатся наши боевые товарищи на ратномъ полѣ, а мы военноплѣнные, лишенные этого высокаго права, имѣемъ полную возможность изучать ихъ высоко развитую технику съ тѣмъ, чтобы потомъ примѣнять въ мирномъ развитіи своей страны. И изучать ее не только наше право, но и святая обя-

занность, вытекающая даже изъ нашего солдатскаго долга, быть полезнымъ родинѣ и безъ оружія.

Въ Россіи есть земледѣльческое общество «Русское Зерно», которое на свой счетъ ежегодно посылаетъ въ Германію и Данію десятки русскихъ крестьянъ съ тѣмъ, чтобы они, изучивъ въ этихъ странахъ земледѣльческую культуру, примѣняли ее и въ Россіи.

Этихъ заграничныхъ командировокъ жаждутъ сотни и тысячи русскихъ крестьянъ. И вотъ намъ, военноплѣннымъ, живущимъ въ Германіи, въ количествѣ многихъ десятковъ тысячъ, а можетъ быть и сотни и больше тысячъ, большинство которыхъ земледѣльцы, предстоитъ воспользоваться тѣмъ, о чемъ въ мирное время только мечтаютъ тысячи русскихъ земледѣльцевъ. И вотъ мы, пріобрѣтя въ этомъ направленіи богатый опытъ и возвратясь на родину, можемъ принести большую и несомнѣнную пользу и себѣ самимъ и обществу.

Это будетъ вторая польза и себѣ самимъ и родинѣ.

Наконецъ, живя въ Германіи въ плѣну, мы твердымъ перенесеніемъ ниспосланнаго намъ испытанія, своимъ поведеніемъ, отношеніемъ къ своимъ сотоварищамъ, честностью и добросовѣстностью должны и въ мирномъ положеніи пріобрѣсти у германцевъ то уваженіе, которое несомнѣнно пріобрѣтено нами на поляхъ битвъ.

Это будетъ третья польза, которую можетъ принести плѣнъ.

С. Н.—ъ (военноплѣнный).

15.

Двадцать одно.

Денежная игра въ карты у насъ русскихъ, (здѣсь я долженъ оговориться: у простого рабочаго класса), занимаетъ первое мѣсто развлеченій. Живя въ Россіи, въ одномъ изъ фабричныхъ районовъ, мнѣ часто приходилось видѣть, какъ рабочіе увлекаются картежной игрой. Дѣло доходило до того, что мѣстной полиціи приходилось принимать энергичныя мѣры противъ этого зла: выгоняли игроковъ изъ картежныхъ домовъ, штрафовали хозяевъ; игроки собирались въ лѣсу, куда для преслѣдованія посылались отряды стражниковъ. Но ничто не помогало, они ухитрялись находить все новыя мѣста. Сегодня ихъ разгонятъ тамъ, завтра соберутся въ другомъ мѣстѣ. То-же самое приходилось видѣть въ солдатскихъ казармахъ, гдѣ солдаты-игроки, несмотря на преслѣдованіе начальства, ночами просиживали за игрой въ 21. У которыхъ не хватало денегъ, тѣ писали домой подъ предлогомъ нужды, чтобы выслали, и бѣдная жена собирала, быть можетъ, послѣдніе гроши и посылала любимому мужу. Насколько затягиваетъ человѣка эта игра, видно изъ слѣдующаго, что даже, попавъ въ окопы, продолжали играть подъ ревъ орудій, на волоскѣ отъ смерти. Здѣсь, можно сказать, нѣкоторые играли, чтобы убить тяжелое время; но можно вѣдь играть не на деньги, не разоряя своего товарища до послѣдней копейки. Затѣмъ, попавъ въ плѣнъ, и живя въ лагеряхъ, гдѣ деньги до крайности дороги, опять-таки ухитряются собирать пфенниги, продавая хлѣбъ, и эти небольшія деньги тратить на игру въ карты. Наконецъ, находясь на работѣ

въ деревняхъ у крестьянъ, гдѣ работаютъ по одному или по двое у одного хозяина и, сойдясь вмѣстѣ въ праздникъ, не стараются побесѣдовать, поговорить, вспомянуть прошлое, взглянуть на будущее, обсудить сообща близко касающіеся насъ вопросы, плохія и хорошія стороны нашей жизни, а торопятся каждую свободную минуту провести за картами, такъ что, придя къ товарищамъ, не услышишь много русскаго разговора, кромѣ развѣ часто произносимыхъ, по случаю неудачи, площадныхъ словъ, которыя очень въ модѣ у нашего солдата.

Хотя я въ первыхъ строкахъ моей статьи и назвалъ это развлеченіемъ, то только потому, что такъ говорятъ игроки; на самомъ же дѣлѣ это есть зло, и зло очень сильное, прилипчивое, которое войдя въ привычку, трудно искореняется.

Кто смотритъ на картежную игру какъ на безвинное развлеченіе, тотъ протри себѣ глаза, вглядись хорошенько и увидишь, что это пагубное зло.

Да, братцы, кто и будетъ спорить и утверждать, что игра денежная есть развлеченіе, то все-таки долженъ сознаться, что очень плохое и вредное.

Какое же есть удовольствіе въ такомъ развлеченіи, когда человѣкъ, просидѣвъ ночи, не имѣя сна, даже забывъ о пищѣ, разстроивъ свои нервы, лишается наконецъ всего своего заработка, чѣмъ обрекаетъ свою семью на голодовку и, возвращаясь домой до крайности сердитымъ, на выговоръ жены отвѣчаетъ побоями? Конечно, каждый садится играть не для того, чтобы проиграть, но выиграть. Однако для того, чтобы одному выиграть и быть счастливымъ, нужно многимъ проиграть, слѣдовательно, выигрышъ есть рѣдкость, да и притомъ кто

выиграетъ счастливцемъ бываетъ не надолго, т. е. выигранныхъ денегъ не жалѣетъ, какъ легко доставшихся, и пускаетъ ихъ тутъ же на вѣтеръ, забывая старые проигрыши. Многіе начинаютъ играть только для препровожденія времени, отъ скуки, понемногу, по копеечкѣ. Но прежде чѣмъ заниматься этимъ опаснымъ баловствомъ, нужно подумать, что малое всегда доводитъ до большого и, незамѣтно для самого себя, превращается изъ безвиннаго баловства въ страсть погони за легкой наживой.

Вмѣстѣ съ вышеописанными дурными послѣдствіями игры, легко прививается шулерство, т. е. человѣкъ, часто проигрываясь и жалѣя проигранныя деньги, желая ихъ воротить, начинаетъ плутовать, если ему не везетъ честнымъ веденіемъ игры. Неужели же нельзя найти другихъ развлеченій, которыхъ существуетъ очень много, болѣе пріятныхъ и полезныхъ нежели 21?

Военноплѣнный В. В.

16.

Разрушительная забава.

М. Г. Господинъ Редакторъ.

Подъ заглавіемъ «Разрушительная забава» я разумѣю «картежъ», принявшій послѣднее время угрожающій характеръ. Проигрываютъ кромѣ получекъ и имѣющихся у себя денегъ, содержимое посылокъ, лишнюю пару чулокъ, рубаху, сапоги; — словомъ все, что только имѣетъ какую либо цѣнность, служитъ матеріаломъ для игры. Я обращаюсь къ людямъ, болѣе понимающимъ вредъ картежной игры, чтобы они разъяснили своимъ товарищамъ,

что карты — дѣло вредное, что разъ втянувшись въ карты, нужно имѣть особую силу характера, чтобы не остаться навсегда «картежникомъ». Что наконецъ, путемъ картъ они теряютъ не только деньги, но и весь складъ своего характера, что разъ заигравши въ карты, картежникъ постоянно думаетъ только о нихъ и, не будучи въ состоянiи заняться чѣмъ либо другимъ, дожидается только возвращенiя съ работы или воскреснаго дня, чтобы опять заняться картами до второго утра.

Особенно прискорбно то, что въ игру втягиваются такiе люди, которые дома ничего общаго съ картами не имѣли. Разъясните имъ, господа, что названiе «картежникъ» есть позорное названiе — оно равносильно названiю «пьяница», «безпутный» и т. д.

Скажите имъ, что карты портятъ имъ здоровье, доводятъ ихъ до безсонницъ, нервозности и болѣзненнаго состоянiя; что благодаря картамъ, они теряютъ много рабочихъ дней и еще больше проводятъ бозсонныхъ ночей; что карты лишаютъ ихъ праздниковъ. Что вмѣсто того, чтобы по праздникамъ отдохнуть, писать домой письмо или почитать евангелiе, они, начиная съ самаго утра, весь день и всю ночь вплоть до той поры, когда надо выходить на работу, занимаются такимъ грѣшнымъ дѣломъ, какъ игра въ карты, часто забывая или даже пропуская обѣды и ужины. А отъ «скуки» (что служитъ поводомъ къ игрѣ) они могутъ заняться играми не разорительными и не вредными, какъ-то: шашками, шахматами, домино и т. п., а самое лучшее чтенiемъ книгъ, а если таковыя не имѣются, устраиванiемъ игръ на вольномъ воздухѣ.

Я прошу господъ «способныхъ», путемъ нѣсколькихъ яркихъ завлекательныхъ разсказовъ, доказать въ газетѣ вредность карточной игры.

Военнопл. Г—въ.

17.

Газета и игра въ карты.

Милостивый государь,
господинъ редакторъ!

Извините, что я такъ выражаюсь, такъ какъ не знаю, какъ Васъ величать. Итакъ, состоя подписчикомъ уважаемой газеты «Русск. Вѣст.» уже второй годъ и душевно сознавая благопріятное вліяніе Вашего труда на умственное развитіе и психическую жизнь читателей, считаю священнымъ долгомъ подписчика сердечно благодарить Васъ вообще за гуманное отношеніе къ военноплѣннымъ и въ частности за газ. «Русск. Вѣстн.», которая сквозь невидимую тьму прокладываетъ путь милліоннымъ читателямъ на зорю новыхъ дней. Но только, скрѣпя сердцемъ, сожалѣю, что многіе изъ читателей не обратятъ на нее должностнаго вниманія, прочтутъ всегда черезъ розовые очки и даже найдутся среди нихъ такіе элементы, которые будутъ порицать Васъ за ту или иную статейку. Нѣтъ сомнѣнія, чтобъ не нашлось среди милліонныхъ читателей порицателей, о чемъ даже свидѣтельствуютъ нѣкоторые отвѣты въ отдѣлѣ «Почт. ящикъ.» Но это мало-важно; а я говорю еще: не обратятъ серьезнаго вниманія, прочтутъ черезъ розовыя очки и т. д. и потому что многіе изъ читателей «Русск. Вѣстника», особенно изъ крестьянской семьи, будучи еще дома ни чуть не занимались чтеніемъ

газетъ, въ полномъ объемѣ этого слова, такъ какъ цивилизованность и культурность жалкой Россіи выше ея предѣловъ въ обратномъ смыслѣ слова. Но, не смотря на вышеизложенное, сочувственные читатели, которые должны сознавать, какъ пять пальцевъ на рукѣ, чрезвычайно отвѣтственную роль редактора, какъ въ политическомъ, такъ и въ духовномъ отношеніи. Въ первомъ случаѣ ему предстоитъ борьба на каждомъ шагу съ цензурой, а во второмъ — съ разновкусными читателями и выборомъ матеріала для обогащенія психической жизни подписчиковъ. Слѣдовательно, герою, для достиженія той или другой цѣли, необходимо имѣть стальные нервы, желѣзный характеръ и всегда несокрушимую вѣру, дабы легко преодолѣть всѣ невзгоды, всѣ препятствія, которыя только встрѣчаются при исполненіи столь отвѣтственной обязанности редактора — общественнаго дѣятеля. Всѣми этими качествами Вы, господинъ редакторъ, очень одарены, о чемъ свидѣтельствуетъ Вашъ безсмертный трудъ «Русскій Вѣстникъ». Кромѣ этого Вы, какъ вѣчноюный Гоголь, обладаете крупнымъ талантомъ, благодаря которому оригинально изображаете ту темную сторону русской жизни, среди которой мы всѣ безъ исключенія вращаемся ежедневно, но которую мы не въ силахъ замѣчать, такъ какъ не хватаетъ намъ умственнаго развитія. Далѣе въ качествѣ «Русск. Вѣстн.» Вы являетесь опытнымъ воспитателемъ всѣхъ подписчиковъ на новыхъ началахъ европейской цивилизаціи. Для подтвержденія своихъ словъ привожу примѣръ такого рода: Мы, въ числѣ 10 чел., находимся на сельскохозяйствен. работѣ уже второй годъ. По пріѣздѣ же изъ лагеря я предлагалъ своимъ товарищамъ

выписывать вмѣстѣ уважаемую газ. «Русск. Вѣст.», на что они отвѣтили мнѣ отказомъ. Не удовлетворившись послѣднимъ, въ первое время я сталъ выписывать лично. Съ тѣхъ поръ, свое свободное время отъ работъ, я сталъ посвящать чтенію сей газеты, а товарищи занялись картежной игрой. Извѣстно, что при картежной игрѣ не каждому игроку идетъ карта, а потому кому нибудь-то приходится расчитаться кошелькомъ. Послѣ этого тотъ тихонько выходитъ изъ-за картежнаго стола и съ отвратительной досадой къ самому себѣ подходитъ ко мнѣ и начинаетъ осыпать меня подобными вопросами: «Ну, какъ товарищъ, что новенькаго въ газетѣ? О чемъ пишутъ? Чья сторона беретъ?» и т. д. Послѣ элементарнаго объясненія его вопросовъ, я предлагаю ему читать свою газету и говорю: изволь, товарищъ, займись самъ и тебѣ будетъ лучше, нежели въ карты играть и раздражать свои слабые нервы при послѣдней. Такимъ образомъ съ теченіемъ времени стали читать мою газету всѣ до одного, кто только скорѣе освобождается отъ своихъ потомъ добытыхъ пфенниговъ .Уже предъ Рождествомъ 1915 г. я сталъ замѣчать, что картежная игра замѣтно отодвигается на задній планъ и усердное чтеніе газеты становится на первомъ актѣ. И дѣйствительно мои товарищи, которые сперва отказались отъ выписки сей газеты, теперь стали мнѣ помогать въ матеріальномъ отношеніи, говоря, что гораздо лучше удѣлять ежемѣсячно по нѣсколько пфен., нежели проиграть въ карты по нѣсколько марокъ за какой-нибудь часъ времени. Итакъ день за днемъ возрасталъ у моихъ товарищей большій интересъ къ чтенію и воплощенію той идеи, которая проводится въ пророческихъ строкахъ

уважаемой газеты. Въ послѣдней частенько попадаются статьи о русскихъ писателяхъ, гдѣ излагается сочувственное отношеніе иностранцевъ къ русской литературѣ. Само собою разумѣется, когда читатель очень интересуется читаемымъ матеріаломъ, то по прочтеніи онъ старается дать себѣ отчетъ, чтобы извлечь какую-нибудь пользу для своего умственнаго развитія и духовнаго возрожденія. Какъ я уже сказалъ, что попадаются статьи о русскихъ писателяхъ, гдѣ авторъ кратко и ясно излагаетъ сущность произведеній послѣднихъ съ указаніемъ направленій, и наконецъ, какое вліяніе оказываютъ онѣ на умственную и духовную жизнь человѣка. Благодаря такимъ статьямъ, помѣщаемымъ въ «Русск. Вѣстн.», мои товарищи познакомились почти со всѣми русскими писателями, о которыхъ, признаться, они не имѣли даже понятія будучи въ Россіи. Теперь хорошо знаютъ почти всѣхъ писателей послѣдняго времени, произведенія которыхъ изучаютъ съ большой жадностью. (Послѣднія выписаны мною изъ книжн. маг. Каспари). Послѣ вышеизложеннаго, я думаю, у каждаго человѣка возникнетъ сомнительный вопросъ: Почему мои товарищи въ очень короткое время стали изучать русскихъ писателей послѣднихъ временъ? Отвѣтъ найдетъ себѣ изъ вышеприведенныхъ строкъ, а именно: благодаря вообще внимательному отношенію уважаемой газ. «Русск. Вѣст.» и въ частности умѣлому выбору матеріаловъ для развитія умственной дѣятельности, обогащенія духовной жизни подписчиковъ господиномъ редакторомъ! Вотъ почему мои товарищи стали изучать произведенія русскихъ писателей и развиваться параллельно, т. е. какъ духовно, такъ и умственно. При-

знаться, по словамъ моихъ товарищей, они въ Россіи почти не читали ни газеты и никакихъ книгъ, да и не интересовались послѣдними, потому что не было имъ достаточно свободнаго времени, а если и было, то употребляли, какъ первоначально здѣсь, для картежной игры и пьянства. Въ послѣднее время каждый бы полюбовался моими товарищами, потому что они хорошо разбираются по политическимъ вопросамъ, о правахъ сельскаго хозяина, что самое главное для крестьянина, и очень правильно ведутъ свои разсужденія по этимъ вопросамъ. И такъ вышеприведенный примѣръ ясно доказываетъ объ обильномъ урожаѣ Вашего двухгодичнаго труда въ дѣлѣ воспитанія всѣхъ подписчиковъ, кто только внимательно относится къ изучаемому матеріалу. Наконецъ, въ заключеніе я долженъ еще разъ сказать и передать отъ имени моихъ товарищей чистосердечное спасибо за Ваши труды, которые имѣютъ въ своемъ основаніи крѣпкій и несокрушимый фундаментъ, на чемъ основывается вся будущая жизнь русскаго крестьянина, защитника жалкой Россіи съ ея . . . управленіемъ во главѣ. Почти со временъ князя Ивана Калиты она довольствуется разными обѣщаніями, подобно своимъ союзникамъ, хотя бы французамъ, правительство которыхъ нѣкогда тоже обѣщало «молочныя рѣки съ кисельными берегами». Но я долженъ сказать, что подобныя рѣки не потекутъ никогда и не надо ожидать больше, а потому каждому самостоятельно слѣдуетъ пошевельнуть мозгами . . . Мы тоже, какъ прочіе, способны башкой и смѣлымъ терпѣніемъ богаты!

Иновѣрецъ К. Б.

18.

Товарищамъ.

Тяжело быть въ разлукѣ съ дорогими намъ близкими, вдали отъ семьи и дома, гдѣ все намъ съ дѣтства дорого и знакомо. Проходитъ время, которое нужно было бы цѣнить, но ввиду случившагося положенія, приходится какъ бы подгонять, чтобы оно шло какъ можно скорѣе, подгоняя этимъ не время, а себя по жизненному пути, какъ выразился Пушинъ, что не время идетъ, а люди пробѣгаютъ поколѣніе за поколѣніемъ. Въ настоящее время, товарищи, мы подобны семьѣ пчелъ, которыя, лишившись матки, мечутся какъ угорѣлыя, ища свою утерянную матку, или листу дерева, сорванному вѣтромъ, носившимъ его во всѣ стороны. Но носясь среди чужой намъ націи, гдѣ совсѣмъ другіе порядки и условія жизни чѣмъ у насъ, мы должны и даже обязаны присматриваться и учиться, чего у насъ нѣтъ, помня, что у насъ также есть семья, а у большинства насъ военноплѣнныхъ земля, которая требуетъ разумнаго съ ней обращенія.

Да, товарищи, намъ нужно ко всему присматриваться, со всѣмъ знакомиться, что здѣсь есть и чего у насъ нѣтъ, чтобы по возвращеніи нашемъ въ родныя наши селенія, съ успѣхомъ примѣнить въ своемъ хозяйствѣ. Я не говорю о томъ, что у насъ все плохо, у насъ также много и хорошаго, или мы лѣнтяи, а что у насъ не хватаетъ образованія, то въ этомъ виноваты не мы, а тѣ, которые, тормозя, наносятъ вредъ не только намъ, но отчасти и себѣ, оставляя потомкамъ недобрую память о себѣ.

Товарищи! Чтобы ясно себѣ представить пользу образованія, нужно взглянуть на поля нашихъ за-

падныхъ сосѣдей, у которыхъ мы сейчасъ находимся. Рокъ, какъ-бы на зло, помимо противниковъ нашего образованія, забросилъ насъ сюда, и говоритъ намъ: учись, мой другъ, учись, смотри, какъ живутъ твои добрые западные сосѣди. А меня и многихъ со мной товарищей онъ провезъ изъ Карпатъ черезъ всю Германію и Австро-Венгрію и, водворяя на временное жительство въ Пруссіи, тоже твердитъ: учись, стыдно оставаться въ невѣжествѣ. Я провелъ тебя черезъ два государства; ты видалъ и видишь, что земля, на которой сумѣлъ устроиться твой сосѣдъ, ничто иное, какъ безплодный песокъ и, которая на твоей родинѣ, въ сравненіи съ твоей, гроша ломанаго не стоитъ. Благодаря же образованію онъ хорошо и здѣсь устроился. И наша святая обязанность передъ родиной, это учиться тому, что мы видимъ здѣсь и чего у насъ нѣтъ, и стараться скорѣе догнать нашихъ сосѣдей.

Жизнь это какъ своего рода сцена или подмостки въ театрѣ: каждый человѣкъ, вступая въ жизнь, становится на жизненные подмостки, а наши дѣти — это наши зрители; они-то будутъ разбираться во всемъ томъ, что мы имъ съ этихъ подмостковъ скажемъ или оставимъ. Наши западные сосѣди, сходя, т. е. умирая, оставятъ своимъ дѣтямъ благосостояніе и усовершенствованное земледѣліе, скотоводство и промышленность, завѣщая имъ только сберегать все это, передавая дальше въ цѣлости по наслѣдству. А мы! Мы что оставимъ и что скажемъ своимъ дѣтямъ, сходя съ подмостковъ..? Кукуреку?

Нѣтъ, товарищи, этого слишкомъ мало. Это только можетъ вызвать у нашихъ дѣтей горькую

усмѣшку, говоря при этомъ: Боже; наши отцы не оставили намъ ничего, кромѣ нищеты и убогихъ хижинъ съ захудалой скотиной. Будемъ же стремиться по возвращеніи нашемъ на родину наверстывать утерянное время, чтобы про насъ не говорили, что мы никакой пользы не принесли странѣ въ годины ея тяжкихъ испитаній. Учась здѣсь всему хорошему, и примѣняя дома все это, мы въ правѣ будемъ гордиться, что мы, если до конца боролись въ окопахъ, то тѣмъ больше учились на мирномъ поприщѣ труда; и если не современники, то наши дѣти скажутъ: и не праздно въ мирѣ жили.

М. М—ъ.

19.

Какъ мы провели Рождество.

Громадный залъ залитъ электрическимъ свѣтомъ. У главной стѣны установлены зеленыя елки, которыя издаютъ чудный ароматъ лѣсовъ. Мы военноплѣнные, построены тутъ же и съ удовольствіемъ смотримъ на горы подарковъ, которыя высятся у елокъ. Наше начальство все въ сборѣ. Праздничныя одежды, радостныя лица, все это такъ чудно настраиваетъ на праздничный ладъ, что даже не вѣрится, что мы въ плѣну и что эти всѣ гг. офицеры наши друзья, которые намъ кромѣ пользы, ничего иного не желаютъ. Но вотъ все затихло! Среди тысячи человѣкъ плѣнныхъ слышно было бы, если бы пролетѣла муха, и въ дверяхъ показался господинъ генералъ. Поздоровавшись съ гг. офицерами, онъ поздравилъ насъ съ праздникомъ, на что всѣ отвѣтили громкой благодарностью.

Вечеръ начался: одинъ изъ товарищей выступилъ на средину зала и произнесъ небольшую рѣчь, послѣ которой хоромъ было исполнено «Рождество Твое, Христе Боже Нашъ» и общими силами были исполнены «Отче Нашъ» и «Спаси Господи». По окончаніи молитвы, хоръ пропѣлъ нѣсколько русскихъ пѣсенъ и началось музыкальное отдѣленіе. Однимъ плѣннымъ была устроена балалайка и на этомъ импровизированномъ инструментѣ было исполнено соло, которое доставило присутствующимъ громадное удовольствіе. За музыкой начались танцы. Лихачи танцоры здорово отплясывали «Трепака», «Подгорную», «Гопака» и «Барыню», чѣмъ вызвали одобрительные клики и веселыя улыбки у товарищей. По окончаніи пляски, началась раздача подарковъ, которымъ мы были очень рады. Каждому досталось большое количество ихъ, и получившіе ихъ проходили мимо господина генерала, который все время находился тутъ-же. Такое вниманіе со стороны генерала умилило солдатъ и они всѣ чувствовали и сознавали, что такого обращенія какъ здѣсь, мы не встрѣчали даже отъ офицеровъ русской арміи, но не только отъ генерала, котораго иной солдатъ за всю свою службу и въ глаза не встрѣчалъ.

Да! Далеко мы отстали отъ западныхъ державъ! и не скоро догонимъ!

Въ заключеніе, было пропѣто долголѣтіе любимому и всѣми уважаемому господину капитану, который сдѣлалъ для насъ такъ много добра и такъ много улучшеній, что мы не называли его между собою иначе, какъ «отцомъ роднымъ».

Такимъ образомъ, мы съ цѣлыми грудами подарковъ начали расходиться по своимъ мѣстамъ, унося радостное и умиленное чувство чудно проведеннаго праздника, и чувство той ласки, которую получили отъ нѣмецкаго начальства.

Такъ великолѣпно проведенный праздникъ никогда не изгладится изъ памяти, и чернымъ пятномъ будутъ такіе же праздники, которые мы проводили, будучи солдатами въ Россіи.

Да пожелаемъ имъ многія лѣта на этомъ добромъ поприщѣ любви, добродѣтели.

Съ совершеннымъ почтеніемъ
плѣнные лагеря Б.

20.

На работѣ.

Здравствуйте, товарищи! Дѣлюсь съ вами своими впечатлѣніями. Послушайте, такъ-ли и вамъ живется у вашихъ хозяевъ на работѣ въ деревняхъ на разбивкѣ? Въ лагерѣ В. отдѣлили насъ троихъ изъ партіи и привели въ городъ П. Это было 20-го августа. На станціи насъ встрѣтилъ представительный, высокаго роста господинъ съ часовымъ, которому и сдалъ подъ наблюденіе сопровождающій поѣздъ часовой. Этотъ господинъ оказался нашимъ хозяиномъ. Часовой и хозяинъ привели насъ къ гостиницѣ, гдѣ мы увидѣли хорошую коляску, запряженную одной лошадью. Хозяинъ ушелъ, а часовой говоритъ: «Бауеръ истъ гутъ» (крестьянинъ — добрый человѣкъ). Черезъ 5 минутъ хозяинъ вернулся и далъ намъ по 10 папиросъ и по сигарѣ. Мы положили свои вещи въ коляску, сѣли всѣ впятеромъ и выѣхали изъ города. Про-

ѣхали верстъ 5, показалась деревня, которая называется М. Здѣсь мы подъѣхали къ большому дому, слѣзли, и хозяинъ повелъ насъ въ комнаты. Мы зашли, поклонились хозяйкѣ и молодой дѣвушкѣ, — дочери хозяина, сѣли за столъ, попили кофе, поѣли. Часовой ушелъ, съ тѣхъ поръ мы его видимъ только по воскресеньямъ. Онъ приноситъ листы, на которыхъ мы расписываемся и хозяинъ платитъ деньги. Хозяинъ повелъ насъ въ отведенное для насъ помѣщеніе здѣсь же въ подъѣздѣ, гдѣ были приготовлены кровати. Дали намъ по два одѣяла, два полотенца, мыло, миску, ведро. Когда мы устроились, насъ позвали обѣдать. Обѣдъ былъ на славу, и по сю пору не измѣняется. Послѣ обѣда хозяинъ принесъ еще по 10 папиросъ и спросилъ, какъ кого звать и чѣмъ кто занимается дома. Мы назвали наши имена. Мои товарищи Иванъ и Антонъ хлѣбопашцы, а я по профессіи поваръ и кондитеръ.

Затѣмъ насъ повели на работу. Пололи бураки, ставили на полѣ снопы. Мнѣ эту работу пришлось дѣлать первый разъ въ жизни, но я, смотря на товарищей, также работалъ, и моей неумѣлости не было замѣтно. Во время ставки сноповъ пришелъ хозяинъ и посмѣялся, что я часто смотрѣлъ на руки и вынималъ колючки. Работа шла хорошо, доработали до воскресенья. Въ воскресенье утромъ хозяинъ принесъ мазь и приказалъ помазать сапоги, а меня позвали въ кухню и попросили испечь пирожное, желая увидѣть мое искусство, и сдѣлалъ я три десятка разнаго сорта пирожныхъ, что въ 4 часа къ кофе и намъ дали. Хозяинъ ѣздилъ въ городъ и привезъ намъ 100 шт. папиросъ, что онъ дѣлаетъ и теперъ каждое воскресенье. Сти-

раемъ мы бѣлье въ особой халупкѣ, устроенной для стирки и для печенія хлѣба. Съ понедѣльника мои товарищи косили, а я ходилъ за жатвой, по угламъ отбрасывалъ снопы, и такъ наша работа шла успѣшно. Убрали хлѣбъ, связли, смолотили.

Хозяинъ веселъ, только хвалитъ насъ, и долженъ вамъ, товарищи, сказать, что мы своего хозяина никогда не видѣли и не видимъ и теперь суровымъ, а всегда веселымъ шутникомъ. Полюбили и мы хозяевъ, что иначе не называемъ какъ тятя и мама. Научились по-нѣмецки, почти половину понимаемъ, такъ что достаточно хозяину сказать, мы уже знаемъ то, что впервые показывалъ знаками и на пальцахъ. Да и онъ отъ насъ учится по-русски. Но съ трудомъ заучилъ слова: свиньи, гуси, утки и сливы. Изъ-за этого слова «сливы», онъ очень смѣется, не знаемъ почему.

Но пока это оставлю и продолжаю. Итакъ, товарищи, живется недурно теперь. Я и мой товарищъ Иванъ выбираемъ картофель съ женщинами, а дрбгой товарищъ, Антонъ, пашетъ. Мы и брюкву рвемъ и возимъ. Пригнали коровъ съ поля, поставили въ стойло. Антонъ взялся кормить и убирать. Хозяинъ, видя его стараніе и любовь къ скотинѣ, поручилъ ему навсегда это дѣло, а Ивану пахать въ полѣ и смотрѣть за лошадьми. Мнѣ же поручено свиней чистить, что я дѣлаю два раза въ недѣлю, по субботамъ дворъ убирать, дрова рубить, да когда надо, на кухню угля и дровъ приносить, голубей кормить, молоко по утрамъ и вечерамъ въ молочное заведеніе носить; мнѣ это не трудно. Познакомился съ дѣтишками, они такъ полюбили меня, что каждый вечерь встрѣчаютъ и въ одинъ голосъ кри-

чать: — «гутъ манъ Симонъ» — и провожаютъ къ молочной, а оттуда тащатъ мнѣ банки пустыя.

Послѣ окончанія дневной работы ужинаемъ жареный картофель съ мясомъ и хорошій молочный супъ, и идемъ въ свою комнату, ложимся въ постель и закуриваемъ. Я читаю газету «Русскій Вѣстникъ», которую намъ хозяинъ выписываетъ за свой счетъ, товарищи слушаютъ. Не пройдетъ воскресенья, чтобы не было у нашихъ хозяевъ пріѣзжихъ гостей, которые въ продолженіе дня угощаютъ насъ сигарами, а при отъѣздѣ даютъ по полъ-марки.

Такъ вотъ живемъ да Бога благодаримъ и ожидаемъ того великаго, радостнаго дня, когда прервется потокъ крови литься и когда можемъ сказать: — «прощайте, германскія поля, прощай германская страна, мы уѣзжаемъ въ дальній путь, гдѣ насъ дома жена и дѣти ждутъ».

Но пока, товарищи, до свиданья! Уже 9 час., ложимся спать. Спокойной ночи! Завтра воскресенье, надо рано встать, помочь товарищамъ сдѣлать уборку, отнести молоко, попить кофе, постирать бѣлье, заняться починкой вещей. С. Г. П.

21.

«Какъ мы чувствуемъ себя на работѣ».

Начиная со дня 19-го іюня с. г. наша команда выбыла изъ лагеря Р., пятнадцать человѣкъ вышли къ станціи и ждемъ поѣзда. Ждали поѣзда также и другія назначенныя команды. Многіе переговаривались, что въ чужой странѣ будетъ на работѣ плохо; не будетъ сочувствія и будутъ плохо

обращаться съ нами. Но всѣ ошибались. Подошелъ поѣздъ, мы всѣ сѣли, и поѣздъ понесъ насъ въ ту сторону, куда мы были назначены: еще по дорогѣ нѣкоторыя команды были ссажены. Но мы ѣхали до гор. «Фрейбургъ», гдѣ на станціи встрѣтилъ насъ какой-то вольно одѣтый господинъ, который указалъ, куда намъ слѣдовать. Отправились; не прошли и двухъ километровъ въ сторону на западъ отъ станціи, какъ на дорогѣ стоитъ «гостиница», а на противоположной сторонѣ сарай, гдѣ помѣщаются лошади. Намъ приказано было остановиться. Здѣсь еще оказались три человѣка, у которыхъ были на рукахъ повязки съ надписью: „Kriegsgefangenen-Bewegung". Послѣ намъ объяснили, что мы должны слушаться этихъ трехъ господъ съ надписью, исполнять всѣ ихъ приказанія, такъ же какъ и слушаться часовыхъ, которые будутъ смотрѣть за нами. Еще нѣкоторыя правила жизни во время работы были разсказаны намъ, и затѣмъ бывшій офицеръ удалился, а намъ указали помѣщеніе, гдѣ будемъ жить во время работы. Каменная конюшня была очищена, гдѣ были устроены «нары» для спанья. Помѣщеніе имѣло саженъ десять длины и сажени четыре ширины, а также двѣ двери и четыре окна. Ясли не сняты, куда положено сѣно для лошадей. Но это все недурно, намъ все пригодилось. Начали устраиваться удобнѣе въ новой жизни. Намъ указали, гдѣ набить матрацы, которые мы привезли съ собой, все было устроено въ теченіе одного часа. По яслямъ разложили кой-какія вещи, у кого что было, также и для ѣды принесены были столы, которые кто-то принялся устраивать по своему. Кругомъ стояло много дѣтишекъ

и взрослыхъ разнаго пола, какъ видно, для нихъ оказалось это еще новымъ, и каждый лѣзъ къ дверямъ, чтобы увидать насъ. У нихъ не было къ намъ вражды, всѣ съ полной дружбой и ласково смотрѣли на насъ. Хотя это имъ и было запрещено нашими часовыми. Наконецъ, помѣщеніе приняло характеръ жилой комнаты. Только въ углу на правой сторонѣ лежалъ огромный «пень», въ которомъ торчали техническіе тиски и дальше, въ самомъ углу, помѣщался разные хозяйственные инструменты отжившіе свой вѣкъ. Мы кончили уборку, и сейчасъ-же данъ былъ обѣдъ, который состоялъ сперва изъ рисоваго супа съ мясомъ, картофеля варенаго и салата. Подправили свои силы на новомъ мѣстѣ жительства, и намъ было разрѣшено выйти на вольный воздухъ, гдѣ уже усѣлись мои товарищи и начали играть въ карты. Но я пока все смотрѣлъ на эти дивныя горы и на все расположеніе мѣста. Сердце уже рвалось, чтобы насъ вели скорѣе на работу, дабы увидѣть правильное веденіе дѣла и умно устроенное хозяйство. Наконецъ день кончился, хотя для меня тянулось время очень долго — все хотѣлось идти туда, въ горы, гдѣ виднѣлись между деревьевъ и цвѣтущихъ розъ каменные домики. Солнце уже начало садиться, около насъ еще толпились вольные жители и все допрашивали, какъ мы жили до сихъ поръ, и чѣмъ кто занимается. Вообще, каждый спѣшилъ оказать свое вниманіе; по нѣмецки велъ разговоръ только я, да и то плохо, а остальные вели разговоръ по пальцамъ. Часовой уже началъ разгонять, отогналъ всѣхъ отъ насъ, и намъ приказалъ идти въ указанную комнату. Спалось мнѣ эту ночь очень плохо, все думалось, какъ будетъ дальше. На слѣ-

дующій день еще рано, около пяти часовъ, уже начали вставать мои товарищи, и уже въ пять часовъ насъ напоили кофеемъ, и часовые назначили по работамъ, по два, по три и т. д. Товарищи мои пошли косить, но я, къ сожалѣнію, не зналъ этой работы и былъ назначенъ одинъ. По окончаніи дня всѣ хвалятся, что ихъ хорошо кормили, особенно хвалятъ „Gut Madam", которая одному выдала даже чулки, нѣсколько носовыхъ платковъ и пудру для дезинфекціи тѣла отъ пота во время работъ. А также и денежное вознагражденіе за вѣрный трудъ. Здѣсь всю эту недѣлю работали въ этомъ районѣ прелестныхъ горъ, а теперь назначенъ переѣздъ въ деревню.

Послѣ такого пріятнаго обращенія, плѣнные во время работы забываютъ, что они въ плѣну, кажется, что работаешь для блага доброжелающаго для насъ человѣка, который благодаритъ за работу, и также всѣ рады тому, что попали изъ тѣхъ томительныхъ «бараковъ», гдѣ проводили лѣниво жизнь, не принося никому пользы. Жизнь начинаетъ пробуждаться; дышемъ свободно, думаемъ о будущемъ. Что будетъ дальше? Каждый начинаетъ осматриваться въ правильномъ и умно и экономично устроенномъ хозяйствѣ. Я надѣюсь, что эта работа принесетъ каждому изъ моихъ друзей огромную въ его будущей жизни пользу; каждый научится правильно вести свое хозяйство, а это главное въ жизни трудящагося человѣка «селянина». Вотъ наше недѣльное пребываніе около гор. «Фрейбургъ».

Надѣемся, что и тамъ, на новомъ мѣстѣ, будетъ хорошо, о чемъ постараюсь написать въ любимой нами газетѣ: «Русскій Вѣстникъ».

А. Ш.

22.

Жизнь рабочей команды.

Рождество Христово 1915 г.

Мы, русскіе военноплѣнные, въ составѣ 36 человѣкъ, работаемъ въ вышеозначенной деревнѣ съ начала лѣта 1915 года. Въ началѣ лѣта работа многимъ изъ насъ, какъ не привычнымъ, казалась очень трудной, но потомъ постепенно привыкли къ тяжести страдной поры, которая въ Россіи ,— по словамъ моихъ товарищей, — бываетъ еще труднѣе. Германцы-крестьяне, у которыхъ мы работаемъ, относятся къ намъ весьма хорошо; видя, что ты усталъ или не умѣешь что-либо дѣлать, онъ подходитъ къ тебѣ и начинаетъ показывать, разсказывать что-то, а самъ смѣется и смѣхъ его переходитъ на тебя, и ты, не чувствуя прежней усталости, какъ бы со свѣжими силами, снова принимаешься за работу.

Весьма плохо, что всѣ мы, исключая одного или двухъ товарищей, нисколько не понимаемъ ихъ языка; а когда хозяинъ начнетъ съ тобой разговаривать, то по выраженію его лица видно: онъ очень дружелюбно у тебя что-то спрашиваетъ, или что-либо интересное тебѣ разсказываетъ, а ты ему отвѣчаешь послѣ всего этого —«никсъ ферштейнъ», эта фраза хорошо всѣми нами зазубрена. Поговоривъ съ тобою, такимъ образомъ, битыхъ полчаса, а иной словоохотливый и часъ, разочарованный тѣмъ, что ты его не понимаешь, уходитъ онъ къ своей работѣ. Далѣе къ осени, когда полевыя работы стали оканчиваться намъ всѣмъ стало легко и хорошо, подобно какъ дома, только это скажу про холостыхъ, а женатымъ, конечно, какъ бы хорошо не было, все-таки имъ тяжелѣе переносить продол-

жительную разлуку съ женами и дѣтьми. Приближался всѣми почитаемый великій праздникъ Рождества Христова. Настроеніе духа у всѣхъ насъ явилось очень печальное. За 2 недѣли до праздника однимъ изъ нашихъ товарищей было предложено собрать всѣмъ по нѣсколько пфенниговъ и устроить елку. Само собой разумѣется, всѣ согласились, и за содѣйствіемъ устроенія праздника, какъ онъ празднуется нами въ Россіи, мы обратились къ нашему караульному начальнику, унтеръ - офицеру Питцеру, который къ нашему желанію отнесся весьма сочувственно и, испросивъ у высшаго начальства разрѣшенія на устроеніе елки, онъ приложилъ все свое стараніе и онъ же въ свою очередь предложилъ нашимъ хозяевамъ помочь намъ украсить елку, на что тѣ съ удовольствіемъ и согласились. Стараніями караульнаго начальника и часовыхъ елка была убрана и поставлена на столъ среди помѣщенія вечеромъ 24 декабря. Вещи, оказавшіяся для раздачи въ качествѣ подарковъ, были таковы: носки, носовые платки, трубки, табакъ, записныя книжки съ принадлежностью, расчески, карманныя зеркала, спичечницы, умывальное мыло, орѣхи и чайное печенье, спеціально для этого заказанное. Всѣ вещи были равномѣрно разложены въ пакеты, каждый пакетъ былъ за номеромъ отъ 1-го до 36-го включительно.

25-го декабря, ровно въ 6 часовъ вечера, елка была открыта, при этомъ играла наша музыка, состоящая изъ гармоники и мандолины, пріобрѣтенныхъ здѣсь. Всѣ солдаты привыкли переносить всякія лишенія и быть бодрыми и веселыми, такъ и мы русскіе подъ музыку гармоники и мандолины

танцовали національный танецъ, польки, вальсы и вообще кто что могъ. Нашлись между нами, которые устроили маленькую сцену и выходя говорили комическіе разсказы и показывали всевозможные фокусы и этимъ развлекали и увеселяли своихъ товарищей. Въ 8 часовъ была устроена лотерея для раздачи подарковъ, каждый подходилъ, кого караульный начальникъ вызывалъ по списку, онъ бралъ билетъ и развертывая его показывалъ номеръ, по этому номеру отыскивали пакетъ съ подарками, получившій пакетъ благодарилъ и отходилъ на свое мѣсто.

Наканунѣ этого праздника, т. е. 24 декабря, возвращаясь съ работы послѣ ужина на ночлегъ въ общее наше помѣщеніе, каждый приносилъ съ собою подарокъ своего хозяина, который состоялъ изъ бѣлья и многихъ сластей.

Я и всѣ мои товарищи искренне благодаримъ всѣхъ вообще германцевъ за ихъ старанія по улучшенію быта плѣнныхъ, за отзывчивость къ предложенному празднованію и ихъ человѣческія отношенія къ намъ.

Въ свою очередь приносимъ благодарность караульному начальнику унт.-офицеру Питцеру и часовымъ: Буркарду, Логру и Шмидту за ихъ усердное участіе въ устроеніи намъ елки. Празднованіе это останется въ нашей памяти и нашемъ сердцѣ до самой смерти.

Когда услышимъ «миръ»,
То грянемъ дружное ура!!!
Но дай намъ Богъ скорѣй дождаться,
Чтобъ наступила та пора.

П. В—ъ.

23.

На работѣ.

Въ апрѣлѣ 1915 года повели насъ въ городъ Пилькаленъ въ Восточной Пруссіи. Стояла прекрасная, теплая погода, солнце свѣтило весело. Идя по улицамъ города насъ интересовала постройка домовъ въ особенности большого зданія—правленія здѣшняго коменданта. Отъ нашей партіи отдѣлили насъ 30 человѣкъ и повели по шоссе изъ города на западъ. Прекрасное шоссе, усаженное тополями, напоминало родину, отъ которой мы такъ далеко, далеко. Пройдя по шоссе километровъ пять, свернули въ деревню Т-нъ, въ которой и распредѣлили насъ по имѣніямъ. Десять человѣкъ насъ осталось и по сіе время вмѣстѣ. Хозяинъ нашъ богатый и обходится съ нами хорошо. Конечно мы въ первое время ничего не понимали, переводчика у насъ не было и приходилось объясняться кое-какъ знаками. Теперь же ужъ мы начинаемъ понимать, что намъ говорятъ. Я по профессіи столяръ, и хозяинъ попросилъ меня ему отдѣлать домъ. Моя работа ему понравилась и я проработалъ въ одномъ домѣ около четырехъ мѣсяцевъ .Жители той мѣстности заинтересовались русской работой и стали меня брать то къ одному, то къ другому. Кормятъ хорошо и на чай даютъ хорошо; у нихъ мастерство не пропадаетъ даромъ, трудъ рабочій цѣнится гораздо лучше, какъ у насъ въ Россіи.

Насталъ нашъ великій праздникъ Рождества Христова; хозяева, конечно, уже не стали праздновать; но насъ освободили отъ работы на одинъ день. Мы накупили себѣ гостинцевъ и, чтобы провести праздникъ повеселѣй, достали, чего слѣ-

дуетъ, отъ чего у русскаго человѣка сердце веселится. Праздникъ прошелъ немного хуже домашняго, но тѣмъ плохо, что не было около насъ нашихъ родныхъ, вотъ что горько! Хозяинъ вспомнилъ, что я ему устроилъ домъ послѣ посѣщенія русскихъ войскъ, и въ вознагражденіе мнѣ, непріятелю-плѣннику, подарилъ часы. Могъ ли это ожидать плѣнникъ?

И такъ живемъ хорошо, въ тепломъ помѣщеніи, сыты; бѣлье, которое отдаемъ стирать женщинамъ, носимъ чистое; не такъ мы страдали тамъ, гдѣ и по сіе время льется потокъ алой народной крови. Мы счастливы, хотя счастья нѣтъ, противу тѣхъ, кто тамъ далеко проводилъ праздникъ подъ открытымъ декабрьскимъ небомъ, подъ ливнемъ дождя и прикрытіемъ темной ночи. Намъ остается только ждать конца этого страшнаго спора, и настанутъ дни прежней нашей жизни, вернемся изъ плѣна и будемъ радоваться съ женой и дѣтьми, которыя насъ давно ожидаютъ, сидя подъ окномъ, глядя на ту дорогу, по которой должны вернуться, и ждутъ, ждутъ, съ утра до вечера. Дай Господь Богъ терпѣнія!

М. М. Ш. военноплѣнный.

24.

Какъ въ Германіи живется враждебнымъ иностранцамъ.

Мы получаемъ слѣдующее письмо: «Я въ качествѣ русскаго подданнаго въ теченіе 10 лѣтъ живу въ Германіи, не подвергшись никакимъ стѣсненіямъ со стороны полиціи или кого бы то ни было, и пользуясь также послѣ объявленія войны почти

неограниченной свободой, за исключеніемъ обязательной трехдневной явки въ полицію по мѣсту моего жительства. Было бы прямо-таки безразсудно просить у подлежащаго начальства разрѣшенія ѣздить изъ города въ городъ, въ особенности, такъ какъ я еще состою въ военно-обязанномъ возрастѣ, такъ что поневолѣ я, какъ путешествующій коммерсантъ, долженъ былъ отказаться отъ своихъ занятій. Послѣ нѣкоторыхъ стараній мнѣ однакоже удалось пріискать подходящее, повидимому, мѣсто, при которомъ я, правда, долженъ былъ внести пару тысячъ марокъ залога. Къ сожалѣнію, по поводу возвращенія залога, мнѣ пришлось прибѣгнуть къ помощи прокурора, причемъ я имѣлъ пріятный случай испытать на себѣ, съ какой справедливостью и безпристрастіемъ германецъ въ теченіе нѣскольких дней содѣйствовалъ гостящему у него враждующему иностранцу въ достиженіи его правъ. Это событіе заслуживаетъ разгласки въ широкихъ кругахъ нашихъ союзниковъ и должно бы въ грядущія мирныя времена содѣйствовать пониманію германскаго народа.

И. М., Комми-вояжеръ.

25.

Достойны.

Намъ пишетъ одинъ изъ первыхъ попавшихъ въ германскій плѣнъ русскихъ солдатъ слѣдующее:

Попавши въ плѣнъ въ Германію, до этого наслушавшись разныхъ разсказовъ, я предполагалъ, что дѣйствительно плохо намъ будетъ. Строгая дисциплина въ войскѣ, безкоризненное исполненіе ея заставляли задумываться. Первый день, какъ

я наблюдалъ, большинство изъ плѣнныхъ старались держаться подальше отъ германскихъ солдатъ, забиться куда-либо въ кучку, между своихъ, какъ бы боясь неожиданнаго нападенія или ударовъ отъ конвойныхъ. Проходитъ день, ничего. Послѣ ночевки въ какомъ-то имѣніи, двинулись дальше въ путь. Въ какомъ-то селѣ или мѣстечкѣ намъ начали выдавать хлѣбъ; хлѣба хватило бы всѣмъ, но къ нашему несчастью, между нами нашлось столько низкихъ элементовъ, что и не перечесть, которые сумѣли получить по 2—3 раза, а много осталось и совершенно безъ крошки на цѣлыя сутки. Этотъ поступокъ не ускользнулъ отъ внимательныхъ германцевъ, вслѣдствіе чего ихъ мягкая вѣжливость начала стушевываться и они все въ большихъ и большихъ размѣрахъ стали примѣнять къ намъ мѣры дисциплины, замѣчая наглые поступки многихъ и видя, что кромѣ репрессій здѣсь помочь нельзя. А плѣнные, какъ бы испытывая терпѣливость ихъ, творили дерзость еще хуже. Не взирая, что къ одному примѣняется наказаніе, другой, здѣсь-же, творитъ то-же самое. Ну, вслѣдствіе этого и трудновато было первое время. Прибыли на сборный пунктъ, который еще не былъ оборудованъ какъ слѣдуетъ: шли спѣшныя работы по устройству кухонь, бараковъ и т. п. Здѣсь уже стала замѣтна энергичная заботливость германскаго начальства въ устройствѣ помѣщеній для плѣнныхъ и кухонь. Здѣсь-то и пришлось первый разъ натолкнуться на неизсякаемую изобрѣтательность ихъ. Наскоро выкопали длинныя правильныя четырехъ-угольныя ямы, съ отлогими берегами, поставили верхи и въ холодный періодъ времени люди уже спасены отъ холода. Начали прибывать еще

партіи плѣнныхъ; насъ откомандировали въ г. Б., гдѣ уже былъ порядокъ совершенно другой. Тамъ, какъ хлѣбъ, такъ и пищу приходилось получать своевременно и отношенія германскихъ солдатъ были мягче. Здѣсь первою заботою администраціи лагеря была гигіена. Всѣ побывали въ банѣ, отобрали верхнюю одежду и бѣлье для уничтоженія паразитовъ, а потомъ начались подкожныя вспрыскиванія и прививки для защиты людей отъ повальныхъ эпидемическихъ болѣзней. Какъ за послѣднее, такъ словъ благодарности не хватаетъ, чтобы вылить душевныя чувства признательности за своевременную предусмотрительность германскаго начальства. Хотя по адресу уколовъ и прививокъ были разные кривотолки и осужденія нашихъ людей, попавшихъ изъ медвѣжьихъ угловъ.

Изъ Б. откомандировали въ Д. Здѣсь тоже, какъ только прибыли — видно оттого, что ничего оборудованнаго нѣтъ — помѣстили въ баржи, откуда частями стали отправлять, куда кого. Съ партіей въ 200 человѣкъ попалъ я и очутился въ лагерѣ В., гдѣ и нынѣ нахожусь. По пріѣздѣ въ этотъ лагерь морозъ пробѣжалъ по кожѣ. Это былъ не лагерь, а почти сплошное болото. А нынѣ! Не узнать. Бараки были недокончены, безъ оконъ, освѣщеніе было только снаружи, карбидомъ, грязь невылазная и др. прелести дикой заброшенной мѣстности. Теперь-же, благодаря все той-же неустанной энергіи германскаго начальства, въ короткій періодъ времени все устроено. Бараки отстроены, какъ для плѣнныхъ, такъ и караульныя помѣщенія. Устроены: канцелярія, лазаретъ, имѣется лавочка, гдѣ можно достать почти все не-

обходимое по мелочи, получается газета «Русскій Вѣстникъ», оканчивается устройство бани, проведено въ бараки электрическое освѣщеніе и въ отхожія. Въ послѣднее время не мало удѣлено вниманія и труда по осушкѣ лагернаго двора, труды увѣнчиваются успѣхомъ и все это — въ рабочемъ лагерѣ. Въ неустанныхъ заботахъ объ улучшеніи жизни военноплѣнныхъ, въ трудахъ по благоустройству лагеря, администрація его находитъ для себя возможнымъ внести въ жизнь военноплѣнныхъ какое-либо развлеченіе. Нашъ лагерь уже два раза посѣщалъ оркестръ музыкантовъ изъ лагеря П. Въ такіе дни собираются плѣнные солдаты и германскіе — слушая игру до конца. Всегда присутствуетъ лейтенантъ лагеря и пріѣзжаетъ комендантъ слушать пѣніе хора. Заиграли плясовую и наши плѣнные, отбросивъ отъ себя кошмарныя думы, пошли въ присядку. Словомъ, что дальше, то лучше. Не сразу. Видя неустанное стремленіе и заботы, безукоризненно-гуманное обращеніе, какъ начальствующихъ лицъ, такъ и нижнихъ чиновъ, военноплѣнные лагеря В. выражаютъ свою искренне-сердечную благодарность коменданту, лейтенанту и остальнымъ воинскимъ чинамъ, принимающимъ такое теплое участіе въ жизни людей, судьбою заброшенныхъ на ихъ попеченіе. Отъ имени военноплѣнныхъ лагеря В.

Военноплѣнный Н. А.—ъ.

26.

Какъ живутъ!?

(Набросокъ военноплѣннаго).

Это, можетъ быть, братья мои, для васъ будетъ не по душѣ, но у насъ русскихъ очень умная по-

словица: «лучше первый торгъ, чѣмъ послѣдній гнѣвъ». Не только у меня, но и у многихъ изъ насъ является вопросъ: почему большинство нашего русскаго народа проживаетъ свою жизнь такой невзрачной, темной, изуродованной? Почему нашъ мужикъ не знаетъ и не понимаетъ что такое жизнь? не знаетъ что такое образованіе? не знаетъ что такое свѣтъ? Неужели русскій человѣкъ не такого-же состава, какъ германецъ, французъ, англичанинъ? Хотя съ упомянутыхъ двухъ послѣднихъ мы не можемъ брать полный примѣръ, потому что вы скажете: да мы не знаемъ, какъ они сами живутъ, можетъ быть хуже нашего?! Но все же можно судить по ихъ манерамъ. Но вотъ, братцы, передъ вами теперь явное доказательство, открытая картина: посмотрите на германцевъ, какъ они живутъ? Вы не думайте, братцы, что я имъ хочу льстить, я такой же истинно русскій какъ и вы, даже не городской, а деревенскій, и вотъ несчастный случай забросилъ меня въ Германію, и попавши теперь въ деревню къ крестьянамъ на работу, я лично убѣдился въ сущности дѣла... Любо посмотрѣть на устройство хозяйства у каждаго германца, а вѣдь статистически онъ и пятой доли не имѣетъ того, что имѣетъ русскій крестьянинъ? Но у германца имѣется то, что дороже во сто кратъ богатства русскаго, это: умъ, образованіе, разсудительность, трезвость и совѣсть. А что мы видимъ въ россійской деревнѣ? Мужикъ имѣетъ землю, но не знаетъ какъ обращаться съ нею, не знаетъ какъ обрабатывать и удобрять ее; земледѣльческое орудіе его состоитъ изъ деревяннаго плуга и деревянной бороны. Скота у него на счетъ имѣется даже много, но что толку съ него? Съ января мѣсяца вся забота хозяина —

идти поднимать коровъ, а дѣлать это долженъ съ большой осторожностью, чтобъ шкура не лопнула, иначе всѣ кости разсыплются. Не въ лучшемъ видѣ и лошади. Ну, развѣ, можно ожидать прибыль и пользу съ такого скота? Но не думайте, что скотъ въ этомъ виноватъ, это дѣло хозяина. Нашъ русскій мужикъ судитъ такъ: «зиму какъ нибудь перекидаешься, а на лѣто волкъ ее не возьметъ, на травѣ поправится». Но еле корова успѣваетъ поправиться до того, что сама встаетъ, а хозяйка уже думаетъ: надо попробовать подоить. Опять наступаетъ зима . . . А что касается земляной обработки, такъ дни проходятъ у него въ такомъ порядкѣ: воскресенье — день праздника, нужно выпить . . . Въ понедѣльникъ — похмѣлиться, во вторникъ голова болитъ, невозможно работать, въ среду пріѣзжаетъ братъ, сватъ или кумъ условиться завтра вмѣстѣ ѣхать на базаръ; вѣдь нужно гостя принять и угостить его, кстати кое о чемъ потолковать; опять некогда дѣлать хозяйственную работу. Въ четвергъ ѣдутъ на базаръ: есть штукъ 5 яицъ продать, пѣтуха, да и кусокъ полотна у жены стащилъ, аль кое что у сосѣда. На базарѣ же опять выпиваютъ, да гдѣ и уже выпить, коль не на базарѣ; тутъ встрѣтишь свата, брата, кума, дядьку; да вообще разныхъ барышей случается. Да вѣдь на всякій случай и свой карманъ не пустъ. На вырученныя деньги за яйца, пѣтуха и хвостъ полотна можно выпить. Къ полуночи пьянаго мужика, городовой, аль какой нибудь хорошій товарищъ, давъ хорошенько по затылку и обшаривъ всѣ карманы, бросаетъ въ телѣгу, гдѣ его лошаденка стоитъ уже почти сутки измученно-голодная; кушать ей нечего было, потому-что привезенный съ собой кормъ растаскали

уличныя козы; отдохнуть тоже некогда: цѣлый день катались на ней еврейскіе дѣти. — «Мужикъ пьетъ, не увидитъ, — разсуждаютъ они между собой, а если увидитъ, мы удеремъ, онъ пьяный, не догонитъ насъ.» И такъ лошаденка, дождавшись счастливой минуты, когда ее освободятъ, плетется одна или со спящимъ хозяиномъ домой. Упряжи тоже нѣтъ; возжи, недоуздокъ, поводья, подсѣделокъ, подвязные ремни тоже остались у кого-то, не было за что выпить . . . и такъ она бѣдная, обиженная, въ пятницу утромъ притаскивается домой съ одной телѣгой и спящимъ хозяиномъ, а чаще и безъ того, только съ одними оглоблями; задняя часть телѣги съ хозяиномъ вмѣстѣ угодили въ канаву въ то время, когда лошадь выбирала для себя болѣе удобную тропинку, или мимоходомъ хотѣла провѣдать, хорошъ ли овесъ, аль ячмень растетъ при дорогѣ. И такъ, растерявъ полъ телѣги, тащится нѣкоторое разстояніе только съ передней частью телѣги, пока опять какое-нибудь приключеніе не случится: то колесо вцѣпилось въ какой-нибудь оврагъ аль дерево, гдѣ оно оторвалось вмѣстѣ съ осью, или, встрѣтившись съ какимъ нибудь проѣзжающимъ господиномъ, которому понравились колеса, или съ сожалѣнія къ лошаденкѣ, видя какъ она голодная еле тащитъ эти два колеса, тотъ преспокойно снимаетъ и кладетъ ихъ себѣ на телѣгу; а лошаденка, получивъ пара разъ кнутомъ отъ чужого мужика, несется домой, озираясь, чтобъ не встрѣтились кочующіе цыгане, а то они ее безцеремонно пригласятъ къ себѣ въ таборъ вмѣстѣ кочевать. А бѣдный мужиченко, придя въ пятницу къ ужину домой и получивъ отъ жены хорошія пощечины, садится въ глубокомъ раздумьи, не зная съ чего ему раньше

начать. Сперва нужно похмѣлиться, да денегъ нѣтъ, но это не бѣда у жены гдѣ-то еще есть хвостъ полотна; потомъ нужно телѣгу соорудить, да инструмента не имѣется, въ прошлую субботу все это у вдовы, торгующей водкой отдалъ въ заставу за штофъ «сивухи». Опять же лошаденка Богъ вѣсть гдѣ пропадаетъ! ... Да кромѣ всего этого есть еще одна бѣда: завтра суббота, въ волость на судъ нужно ѣхать, еще дѣло съ помѣщикомъ, который съ него уже всю шкуру стащилъ за то, что мужикъ своровалъ у него связку хвороста. Уже три раза посылалъ мужикъ свою дочку къ помѣщику просить помилованія и два раза она даже тамъ у него и заночевала . . . но все еще дѣло какъ разъ не улажено; хотя арестъ и денежный штрафъ ему милосердный панъ простилъ, но волость еще взыскиваетъ какіе-то три рубля и сорокъ копѣекъ за какіе-то судебныя издержки. Нужно было бы Маньку еще разъ послать къ милосердному, но сегодня ужъ опять поздно, и нашъ мужикъ, тряхнувъ всклокоченными волосами, закурилъ трубку и вышелъ на улицу искать у сосѣда нѣтъ ли лишней фуражки одолжить ему до будущаго четверга . . . .

Мико

27.

Почему?

(Отвѣтъ на статью «Какъ живутъ»).

Со времени начала міровой войны и по прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ тяжелой военной жизни, волею судьбы, много русскихъ очутилось въ плѣну въ Германіи. Здѣсь каждый изъ насъ имѣетъ возможность наблюдать, какъ живутъ въ Гер-

маніи, и противопоставить ее Россіи; и вотъ въ нашемъ воображеніи представляются всѣ мрачныя картины русской дѣйствительности. Теперь, какъ бы очнувшись отъ долгаго сна, не только для меня, но и для многихъ изъ насъ открылся широкій горизонтъ разныхъ новыхъ мыслей, мы увидѣли много новыхъ путей, которыхъ раньше не замѣчали, и невольно у каждаго сколько-нибудь разсудительнаго человѣка являются вопросы: Почему русскій крестьянинъ не умѣетъ жить, какъ германскій крестьянинъ? Почему русскій мужикъ такъ плохо проводитъ свою жизнь? Почему русскій мужикъ не знаетъ, что такое жизнь, наука, образованіе? Почему русскій мужикъ не хочетъ и не умѣетъ работать? Почему русскій мужикъ не идетъ на пути нравственнаго и умственнаго развитія? Неужели русскій мужикъ не имѣетъ потребности къ болѣе свободной и осмысленной жизни? Самъ онъ или кто-нибудь противъ его воли толкаетъ его на этотъ путь?

Для того, чтобы обсуждать эти вопросы, нельзя брать только внѣшнюю сторону ихъ, а слѣдуетъ считаться съ мѣстными условіями и обстановкой, т. е. съ дѣйствительностью, въ которой русскій крестьянинъ проводитъ свою мрачную жизнь.

Въ Германіи мы узнали много новаго для русскаго человѣка. Въ Германіи есть всеобщее обязательное обученіе, есть свобода, порядокъ. Германское правительство заботится объ умственномъ, нравственномъ и матеріальномъ развитіи своего народа. Гдѣ же заботы русскаго правительства о воспитаніи и развитіи народа? До сихъ поръ въ Россіи власть была въ рукахъ людей, которые не

только не заботились о благѣ народа, а даже наоборотъ пренебрегали имъ, презирали его и препятствовали всякому умственному развитію русскаго народа. И вотъ благодаря такой обстановкѣ и тяжелому экономическому положенію, большинство русскаго народа всю жизнь свою проводитъ въ темнотѣ, нищетѣ, невѣжествѣ и пьянствѣ. Мужикъ имѣетъ землю, но столько, что куръ некуда выпустить. А вѣдь земли въ Россіи много, только она не у мужиковъ и не приспособлена къ дѣлу сельскаго хозяйства. Спросите любого встрѣчнаго крестьянина: почему ему плохо живется? Отвѣтъ одинъ: Земли нѣтъ, не къ чему руку приложить. Можно ли винить русскій народъ, винить его въ плохой неразумной жизни, когда русскій крестьянинъ пресмыкается въ нищетѣ и невѣжествѣ.

Военнопл. И. А.

28.

Почему русскіе мужики не учатъ своихъ сыновей.

Нѣсколько сотъ лѣтъ тому назадъ на Руси совсѣмъ не было грамотныхъ людей. Потомъ появились на русской землѣ грамотные люди, начали строить въ большихъ городахъ школы, набирать дѣтей и учить ихъ грамотѣ. Въ концѣ-концовъ, о школахъ и грамотѣ раздался слухъ и между деревенскими мужиками, что въ Москвѣ и Петербургѣ есть такія школы, что совсѣмъ «быка» могутъ выучить, и станетъ порядочнымъ человѣкомъ.

Въ одной дер. Вятской губерніи жилъ мужикъ, у котораго не было дѣтей. Услыхалъ онъ, что въ Москвѣ есть какія-то училища, быка выучатъ и станетъ человѣкомъ. Пришелъ онъ къ своей женѣ

и говоритъ: — «О, жена! что я сегодня слыхалъ». — «Ну что такое?» спрашиваетъ его жена. «Насталъ ужъ новый свѣтъ,» — продолжаетъ мужикъ, — «появились въ большихъ городахъ школы, въ которыхъ изъ быка могутъ выучить человѣка». — «Охъ, голубчикъ!» говоритъ ему жена — «ты знаешь, что у насъ есть хорошій быкъ, давай выучить его за сына». — «А то, и я ужъ думаю», отвѣчаетъ мужикъ.

Въ то время на Руси никакихъ желѣзныхъ дорогъ не было, а потому въ Москву изъ Вятской губ. нужно было идти пѣшкомъ или ѣхать на лошадяхъ. Вотъ мужикъ нашъ и призадумался, началъ справлять телѣгу, приготовилъ храчей на цѣлый мѣсяцъ для себя, для лошади и для быка; потомъ привязалъ быка позади къ телѣгѣ, сѣли рядышкомъ съ женой и отправились въ Москву.

Долго они ѣхали, наконецъ, пріѣхали въ Москву. Ну, кого здѣсь спросить, гдѣ школа? Солдата, солдатъ все знаетъ. Ѣдутъ они по городу дальше, стоитъ у одного большого дома солдатъ. Мужикъ и говоритъ ему:

«А, землякъ! а гдѣ тутъ школа?»

«А для чего тебѣ нужна школа?» спрашиваетъ солдатъ мужика.

«А вотъ», говоритъ мужикъ, «хочу отдать быка въ школу».

Солдатъ понялъ въ чемъ дѣло, и говоритъ: «Школа то здѣсь».

— «А кто же тутъ можетъ принять въ школу?» спрашиваетъ мужикъ.

— «Да принять то я могу», отвѣчаетъ солдатъ.

— «Ну, а долго онъ будетъ учиться?» спрашиваетъ мужикъ солдата.

— «Да черезъ годъ окончитъ, и выдержитъ экзаменъ», отвѣчаетъ солдатъ.

Сдалъ мужикъ солдату на руки быка, да еще денегъ далъ сто рублей на разные расходы: на книги, тетради, да и на перья. Поблагодарилъ солдата за то, что принялъ его быка въ училище, и поѣхалъ радостно домой.

Идутъ дни за днями, мѣсяцы за мѣсяцами. Быка давно солдаты съѣли. Наконецъ подходитъ и срокъ года, съ тѣхъ поръ, какъ мужикъ отдалъ своего быка въ московскую школу. Опять мужику нужно собираться въ большую дорогу. Когда все было готово, онъ отправился въ Москву за сыномъ. Послѣ долгаго пути наконецъ прибылъ онъ въ Москву и ѣдетъ по той-же самой улицѣ, на которой сдалъ солдату быка. Опять тамъ стоитъ солдатъ, вотъ онъ и спрашиваетъ его:

— «Эй, землякъ! а гдѣ тутъ живетъ бычокъ?»

— «Какой», говоритъ солдатъ, бычокъ, «можетъ быть Бычковъ?»

— «Да, да, Бычковъ,» отвѣчаетъ мужикъ.

— «А вотъ», говоритъ солдатъ, указывая рукой на большой домъ, «тамъ въ томъ домѣ во второмъ этажѣ».

А тамъ жилъ полковникъ по фамиліи Бычковъ.

Отправился нашъ мужикъ туда. Въ корридорѣ встрѣтилъ его вѣстовой полковника, остановилъ его и спросилъ, куда онъ идетъ и чего ему нужно. Мужикъ указалъ вѣстовому, что къ Бычкову.

— «Ну вотъ, пожалуйста, обождите здѣсь, онъ скоро къ вамъ выйдетъ», сказалъ вѣстовой и побѣжалъ въ комнату.

Черезъ пять минутъ вышелъ оттуда полковникъ, и спрашиваетъ мужика, зачѣмъ онъ пришелъ и чего ему нужно.

Мужикъ и говоритъ полковнику: «Да по тебя пришелъ».

— «Какъ по меня», отвѣчаетъ ему полковникъ.

— «Да такъ», говоритъ мужикъ, «развѣ ты ужъ позабылъ, что ты мой».

— «Да какой я твой?» сердито спросилъ полковникъ.

— «Что ты», говоритъ мужикъ полковнику, какъ сѣномъ я тебя кормилъ, да ботушкой изъ муки поилъ, тогда ты былъ мой, а сейчасъ, какъ выучилъ я тебя за человѣка, то и не сознаешься, что ты есть мой сынъ простого мужика».

Тутъ полковникъ затопалъ ногами, замахнулъ кулаками, чуть по шеѣ было не заѣхалъ мужику. Мужикъ перепугался, схватилъ шапку, и дай Богъ ноги.

Прiѣхалъ онъ домой. Собрались къ нему сосѣди и спрашиваютъ, какимъ живетъ его бычокъ, и почему онъ не прiѣхалъ домой. Мужикъ сказалъ имъ, что онъ ужъ живетъ въ Москвѣ полковникомъ и домой ѣхать не желаетъ.

— «Ну, а въ гостяхъ всетаки былъ?» спрашиваютъ его сосѣди.

— «Да», отвѣчаетъ мужикъ, «былъ въ хорошихъ я у него гостяхъ, кулаковъ своихъ только онъ навѣрно еще не пожалѣлъ, да благодарю еще Бога,

что въ его рукахъ не было какой палки, а то онъ меня хорошенько угостилъ бы. Охъ, Господи! продолжаетъ мужикъ, сколько я трудовъ принялъ, пока его выхаживалъ, да еще сто рублей истратилъ на науку, а сейчасъ даже не сознается, что онъ и мой».

— «А я тебѣ совѣтовалъ», говоритъ сосѣдъ Иванъ, «что лучше было имъ землю пахать, чѣмъ въ школу отдавать».

Съ тѣхъ поръ русскіе мужики боятся учить грамотѣ своихъ сыновей.

Военноплѣнный Р. И.

29.

Въ семьѣ не безъ урода.

«Дорогіе соотечественники! Читая уважаемую и доступную намъ газету «Русскій Вѣстникъ» на нашемъ родномъ русскомъ языкѣ, приходится часто прочитывать письма военноплѣнныхъ, въ которыхъ критикуютъ достоинства русскаго крестьянина. Я долженъ сказать: «Въ семьѣ не безъ урода», — правда, имѣются и таковые изъ крестьянъ, которые не умѣютъ вести свое хозяйство, или вѣрнѣе, плохо ведутъ таковое, пьянствуютъ и т. д., правда, есть чему поучиться хорошему въ Германіи, ибо это дѣйствительно страна культуры и науки. Намъ необходимо объединиться и бороться съ темнотой, невѣжествомъ, умѣло воспитывать своихъ дѣтей; не русскій крестьянинъ во всемъ этомъ виноватъ, но виновато во всемъ этомъ русское правительство. Намъ необходимо побольше учебныхъ заведеній и поменьше казенныхъ винныхъ лавокъ. Я увѣренъ, что большинство изъ дорогихъ товари-

щей ужъ поняли въ чемъ наше несчастье, и всякій изъ насъ вооружается всѣмъ тѣмъ, что необходимо будетъ для улучшенія нашей будущности.

Дай Богъ Вамъ, дорогіе товарищи, всѣмъ воротиться домой и началъ лучшую, новую жизнь.

В. Я.»

30.

О русскомъ крестьянствѣ.

Ужъ много разъ на страницахъ вашей уважаемой газеты появлялись статьи, осуждающія огульно русское крестьянство. Люди, по наслышкѣ знающіе жизнь крестьянина, видѣвшіе нѣкоторыя отрицательныя стороны отдѣльныхъ лицъ, кричатъ о ничтожествѣ и лѣности русскаго крестьянина. Если совѣтовать брать примѣры, такъ хорошо бы они сдѣлали, если бы указали на германское правительство, которое, не боясь никакой крамолы, сдѣлало все для общественной жизни, провело всеобщее образованіе, считаясь лишь съ пользой для родины. Оно соединило весь народъ въ одно цѣлое, могучее, крѣпко какъ столѣтній дубъ, который не боится никакой бури. Если мы возьмемъ статистику, то мы увидимъ, что самый большой процентъ населенія Россіи крестьянство не владѣетъ и сотой частью земли Россіи, что на каждаго крестьянина въ среднемъ приходится по 1½—2 десятины. Что же можетъ сдѣлать съ этой землей крестьянинъ? Напрягая послѣднія силы, онъ, работая какъ волъ, отъ утренней до вечерней зари, добываетъ средства не только для пропитанія самаго себя и своего семейства, но и для уплаты многочисленныхъ налоговъ и податей, отправляясь при этомъ на другіе отхожіе промыслы. Что-же дѣлаетъ русское правительство? Вмѣсто

того чтобы помочь ему, оно въ самый разгаръ горячаго лѣтняго времени забираетъ у него за невзносъ податей послѣднюю кормилицу-лошаденку, а его самого сажаетъ за рѣшетку. Вмѣсто того чтобы просвѣтить его и его дѣтей, оно его спаиваетъ, закрывая школы и открывая казенки, боясь какъ бы не ставши просвѣщеннымъ, онъ не догадался бы о томъ, о чемъ ему знать не полагается. Теперь я возьму условія, среди которыхъ живетъ германское крестьянство. По обзаведеніи хозяйствомъ, германскій крестьянинъ получаетъ отъ своего правительства пособіе на постройку дома, конюшенъ, амбаровъ, для покупки необходимыхъ земледѣльческихъ орудій. Для сбыта своихъ продуктовъ, онъ имѣетъ много желѣзныхъ дорогъ, какъ говорится, подъ бокомъ, и громадное число прямо-таки великолѣпно оборудованныхъ шоссейныхъ дорогъ, о чемъ наши деревни даже и мечтать не смѣютъ. По нашимъ дорогамъ, какъ сказалъ Гоголь въ своемъ Ревизорѣ, хоть сто лѣтъ скачи, далеко не ускачешь. Я здѣсь указалъ только на главныя условія жизни русскихъ и германскихъ крестьянъ, но ихъ будетъ достаточно для того, чтобы опредѣлить, виновато ли русское крестьянство въ своей бѣдности и невѣжествѣ, и является ли ихъ бѣдность какъ причина лѣности.

М. Ф.

31.

О пьянствѣ.

(Письмо военноплѣннаго).

Меня крайне удивляетъ сдержанность нѣмцевъ въ употребленіи спиртныхъ напитковъ. Вотъ ужъ 5 мѣсяцевъ, какъ я нахожусь на работѣ около

одного уѣзднаго города. Мнѣ частенько приходится бывать въ этомъ городѣ, но ни разу не приходилось встрѣтить такого случая, которые на каждомъ шагу встрѣчаются у насъ въ Россіи, какъ, напримѣръ, скандалы, драки и т. п. случаи въ пьяномъ видѣ. Удивительно также и то, что по всей Германіи не встрѣтить ни одного нищаго. У насъ же куда ни пойди, вездѣ масса нищихъ и босяковъ. Главной причиной этому является чрезмѣрное пьянство.

Русскій человѣкъ, если началъ пить водку, то пьетъ до тѣхъ поръ, пока въ карманахъ станетъ пусто. Нерѣдко бываютъ и такіе случаи, что пьяница продаетъ свой домъ, а потомъ и землю, а деньги пропиваетъ. Я самъ былъ очевидцемъ не одного такого случая. Могу даже, для наглядности, представить довольно яркій примѣръ пьянства русскихъ мужиковъ.

Въ нашемъ селеніи при станціи жилъ зажиточный крестьянинъ П—въ. У него было три сына: 21, 20 и 14 лѣтъ. Занимался этотъ крестьянинъ земледѣліемъ и притомъ содержалъ сельскую почту и извозничалъ. Земли онъ имѣлъ на 4 души, около 10-ти десятинъ. Имѣлъ также 6 хорошихъ лошадей, 4 коровы, различные санки и экипажи. Въ общемъ всего имущества П—въ имѣлъ тысячи на четыре рублей. Многіе крестьяне завидовали ему. Но вотъ въ жизни П—ва произошла небольшая перемѣна: у него взяли на военную службу старшаго сына, а черезъ годъ пошелъ служить и второй сынъ. Отецъ, подъ предлогомъ горя, сталъ пить водку. Первое время онъ пилъ умѣренно, а потомъ все больше и больше и наконецъ сталъ пьянствовать безпросыпно.

Каждый день нашъ П—въ гуляетъ. Соберетъ къ себѣ друзей и начинается попойка. Жену заставляетъ приготовить чай и яичницу, или еще что, а если она начинаетъ отговариваться, то бьетъ ее. Изобьетъ до полусмерти, а потомъ посадитъ къ себѣ на колѣни и принуждаетъ пить водку. Мало по малу пріучилъ и жену пить водку.

Когда стали пьянствовать вдвоемъ, то дѣло пошло повеселѣе.

Незамѣтнымъ образомъ со двора пошли лошади, коровы, телѣжки, санки и все за полцѣны. Деньги, вырученныя за все это, прошли скоро. Пировать стало не на что. Продать тоже нечего, кромѣ земли.

Посудили супруги межъ собой, а потомъ посовѣтовались, во время пира, со своими друзьями и рѣшили продать землю. Продали землю за 2000 рублей. Погуляли нѣсколько мѣсяцевъ, но денегъ всѣхъ не привелось пропить. Отъ двухъ тысячъ осталось какихъ нибудь 200 рублей, когда П—въ со своей супругой вернулись поздно вечеромъ съ пирушки пьяные. П—въ легъ на койку не разобравшись и съ папиросклй; самъ скоро заснулъ, а папироска выпала изъ рукъ. Отъ папироски загорѣлась постель, а потомъ и домъ запылалъ. Сбѣжались на пожаръ сосѣди, но не могли спасти П—ва съ его женой.

Вернулись со службы сыновья, но не порадовала ихъ родина. Не къ чему было имъ прилѣпиться, пришлось пойти въ работники къ чужимъ людямъ. Вспоминали они родителей не добрымъ словомъ, а проклятіями.

Вотъ до чего доводитъ пьянство.

И такихъ случаевъ бываетъ много у насъ въ матушкѣ Россіи. Также много людей въ пьяномъ видѣ совершаютъ преступленія. Почему-жъ у насъ переполнены всѣ тюрьмы? Въ настоящее время на Россію палъ свѣтлый лучъ отрезвленія. Правительство прекратило продажу водки и, вообще, всѣхъ спиртныхъ напитковъ. Если бы въ эту войну были спиртные напитки, то волненій въ народѣ было бы несравненно больше, чѣмъ въ войну съ Японіей.

А Германія! Что это за страна! Всѣ пьютъ водку, но никто не напивается до «чертиковъ», какъ поступаютъ у насъ. И притомъ никакихъ смутъ, никакихъ волненій. Почему же это такъ? Водка что-ли въ Германіи не обладаетъ такимъ вкусомъ, какъ у насъ въ Россіи, что ее не употребляютъ въ такомъ большомъ количествѣ, какъ у насъ, или же германцы, какъ болѣе культурный народъ, сознаютъ весь вредъ чрезмѣрнаго употребленія водки?

Хотя германцы въ настоящее время и враги намъ, но всетаки не мѣшаетъ намъ русскимъ взять съ нихъ полезные примѣры.

Военноплѣнный И. К.

32.

Мысли вслухъ.

Я знаю, что эта статья многимъ моимъ товарищамъ, русскимъ плѣннымъ, принесетъ огорченіе и даже, можетъ-быть, среди нихъ найдутся такіе, которые бросятъ въ меня камнемъ. Пусть такъ! но я не остановлюсь и по возможности изложу здѣсь тѣ причины, которыя заставили Россію такъ тяжело страдать послѣдніе годы, а вмѣстѣ съ ней, Россіей,

и насъ россіянъ съ нашими семьями. Буду послѣдовательнымъ.

России не было необходимости принять участіе въ этой войнѣ. Мнѣ возразятъ на это двояко. Первые скажутъ, что Россія не могла быть равнодушной передъ возможностью разгрома Сербіи Австріей. Вторые скажутъ, что нужно было уже давно прекратить «поползновенія Германіи на гегемонію міра», и оба, какъ первые, такъ и вторые, будутъ неправы. Отвѣчу первымъ. Разгромъ Сербіи не доказывался выступленіемъ противъ нея Австріи, такъ какъ послѣдняя заявила въ началѣ войны, что никакихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній въ Сербіи она не преслѣдуетъ, а не довѣрять этому заявленію мы не имѣли ни права, ни основанія. Затѣмъ, почему именно Россія должна была такъ рьяно вступиться за Сербію? Развѣ недостаточно крови пролилъ русскій народъ за сербовъ и болгаръ въ прошломъ? Вѣдь мы имъ дали больше, чѣмъ имѣли сами. И за все это что получили мы, русскіе, создавшіе своею кровью и своими костями свободу и независимость этимъ двумъ народамъ? Ничего! Всю ту пользу, которую можно было извлечь послѣ войны Россіи съ Турціей въ 1877 г. кн. Горчаковъ, этотъ изумительный идіотъ, выброшенный придворной камарильею на высшія ступени государственнаго положенія, превратилъ въ ничто на берлинскомъ конгрессѣ. Это было 40 лѣтъ назадъ, а теперь послѣ послѣдней войны балканскихъ государствъ съ Турціей мы развѣ предприняли что-нибудь противъ того, чтобы союзъ этихъ государствъ, полезный и необходимый намъ, не распался? Нѣтъ, и даже больше: мы сдѣлали все, чтобы онъ не существовалъ, и допустили до второй балканской войны на-

этотъ разъ между бывшими союзниками, не подѣлившими турецкаго наслѣдства, и этимъ дали возможность туркамъ пріобрѣсть обратно весь Адріанопольскій вилайэтъ, а Румыніи Добруджу. Но не этимъ послѣдствіемъ страшна была эта война, а тѣмъ, что изъ-за нея мы пріобрѣли себѣ новаго врага, непрощающаго врага, въ лицѣ Болгаріи и ненадежнаго друга въ лицѣ Греціи. Мы только сдѣлали много, очень много для одной Сербіи и послѣ этого можно было остановиться на пути принесенія жертвъ и въ будущемъ для Сербіи. Я не стану ставить здѣсь остраго вопроса, стоитъ-ли Сербія тѣхъ колоссальныхъ жертвъ, которыя принесъ и еще принесетъ русскій народъ и которыя превышаютъ своимъ количествомъ во много разъ все населеніе Сербіи, но скажу тѣмъ, кто говоритъ, что Россія должна была выступить на защиту Сербіи, что такъ говорить могутъ дѣти внѣшкольнаго возраста.

Оттого, что Австрія заняла бы Бѣлградъ и получила бы удовлетвореніе на свой ультиматумъ, Сербія не только не погибла бы, но даже сербскій, русскій и всѣ другіе народы, участвующіе въ текущей войнѣ, чувствовали бы себя много лучше, чѣмъ чувствуютъ сейчасъ.

Теперь отвѣчу тѣмъ, которые говорятъ, что нужно давно прекратить поползновенія Германіи на «гегемонію міра». Объ этихъ поползновеніяхъ стали говорить со времени франко-прусской войны 1871 г. и въ особенности послѣ соединенія воедино малыхъ германскихъ государствъ въ одну цѣлую Германскую Имперію. Послѣ этого объединенія, происшедшаго вслѣдъ за окончаніемъ войны съ Франціей, въ Германіи застучали станки, молотки,

заходили машины, страна стала покрываться сѣтью желѣзныхъ дорогъ и всевозможными полезными школами и фабриками. Благосостояніе Германіи сразу поднялось до колоссальнаго уровня. Словомъ, въ странѣ пошло полнымъ ходомъ строительство новой, лучшей жизни подъ общимъ руководствомъ геніальнѣйшаго государственнаго дѣятеля кн. Бисмарка. И вотъ въ этомъ строительствѣ лучшей жизни, въ желаніи принести благо своей родинѣ, всѣ народы, нежелающіе и неуспѣвающіе такъ работать, какъ народъ германскій, увидѣли въ этомъ поползновеніе Германіи на гегемонію міра.

Будемъ честны и будемъ называть вещи ихъ собственными именами. Стараться принести благо своей родинѣ не есть поползновеніе на гегемонію міра. И тотъ, кто утверждаетъ противное, просто завидуетъ благополучію германскаго народа и и больше всего это дѣлаютъ англичане, для которыхъ не переваримъ расцвѣтъ Германіи и они стремятся всѣми силами воспрепятствовать этому расцвѣту.

Но хотя Англія сравнительно несетъ меньшія жертвы въ этой войнѣ, а Германія наибольшія, можно съ увѣренностью сказать, что послѣ войны въ нормальное состояніе германскій народъ вернется скорѣе англійскаго.

Мы, русскіе, не будемъ, подобно англичанамъ, завидовать германцамъ, а будемъ учиться у нихъ быть такими же работниками и полезными для своей родины, какъ они. Пусть цвѣтетъ Германія, цвѣтя она будетъ способствовать расцвѣту Россіи. Ибо безспорно, что послѣ этой войны русскій и германскій народы пойдутъ и должны пойти рука-объ-

руку для принесенія взаимной пользы. Большинство нашей учащейся молодежи и такъ выходитъ въ жизнь окрѣпшими и пріобрѣвшими знанія въ стѣнахъ германскихъ университетовъ. Въ этомъ отношеніи германскій народъ, въ лицѣ своего правительства относится благосклоннѣе къ намъ, русскимъ, чѣмъ правительство наше, которое закрываетъ двери университетовъ передъ многими своими подданными и этой мѣрой заставляетъ уходить ихъ на сторону. И въ жертву этой унизительной политикѣ приносится у насъ не только дѣло образованія, а и многое другое. Въ силу этой политики у насъ у власти стоятъ люди недостойные, безчестные, какимъ, напримѣръ, оказался бывшій военный министръ Сухомлиновъ, который обокралъ Россію и погубилъ сотни тысячъ невинныхъ людей. Этотъ самый Сухомлиновъ, который говорилъ, что эта война не японская и мы побѣдимъ. Дѣйствительно эта война не японская, ибо тогда воровали только интенданты и сотни тысячъ рублей, а теперь помѣ интендантовъ воруетъ и самъ г. военный министръ и милліоны рублей. Такова эта политика, прелести которой испытала на себѣ вся русская армія. Вотъ эта-то политика, политика безволія и безправія народа, политика произвола власти и своеправія, заставила Россію такъ тяжело страдать последніе годы. Эта же политика бросила насъ въ объятія нашему исконному врагу Англіи, который сдѣлаетъ все, чтобы принести пользу себѣ и вредъ намъ, и изъ этихъ объятій мы попали на міровой пожаръ, въ которомъ сгорѣли милліоны жизней, милліарды трудовыхъ народныхъ денегъ, Польша, Курляндія и Литва.

Военнопл. Альфа.

33.

О духовенствѣ.

Если принять въ соображеніе, что война для Россіи являлась желательной или нежелательной, такъ всетаки это дѣло дипломатіи правительства. Но является вопросъ: какое тутъ имѣетъ дѣло духовенство? Вѣдь оно должно служить исключительно для духовныхъ надобностей, но ни въ какомъ случаѣ не для поддержанія жандармеріи и натравливанія одного вѣроисповѣданія на другое, какъ это видно сплошь да рядомъ у нашего высшаго духовенства въ противоположность нашимъ врагамъ — германцамъ.

Кому же неизвѣстны брошюры, выпущенныя нашими высшими духовниками въ началѣ войны, а потомъ и впослѣдствіи, въ которыхъ старались ввести въ заблужденіе свой темный народъ, доказывая, что Германія — это царство дьяволовъ, и германскій императоръ пошелъ войной, якобы, для уничтоженія нашей православной церкви. Благодаря ея краснорѣчивости находились люди, которые и повѣрили, но только въ первый моментъ, а потомъ даже мы, темные люди, начали краснѣть за свое духовенство.

Если же подумать, почему мы неграмотны, почему такъ темны, — какъ мы сами привыкли говорить: «темный какъ пивная бутылка», — то опять главная вина падаетъ на духовенство, которое то и дѣло старается проповѣдывать, что нашему брату грамотность не только не нужна, но что вполнѣ достаточно, если знаешь «Отче нашъ» и еще нѣсколько молитвъ; а что дальше, такъ на то есть волостной писарь, свой сельскій священникъ и другія лич-

ности. Какъ будто бы только эти личности имѣютъ право быть грамотными.

Теперь, поживши въ этой проповѣданной, «дьявольской» Германіи, мы видимъ разницу между этой страной и нашей «святой» Русью, и нехотя задумаешься, почему въ Германіи нѣтъ такого пьянства, почему нѣтъ неграмотныхъ? Понятно, за это германскій народъ долженъ благодарить свое правительство, но не мало благодарности приходится и на счетъ духовенства.

Хочу разсказать ничтожный случай изъ своей жизни, ибо вполнѣ убѣжденъ, что на нашей «святой» (еще разъ подчеркиваю слово святой) Руси такому не найдется мѣста. Въ нашей рабочей командѣ около 30 человѣкъ русскихъ военноплѣнныхъ, для которыхъ мѣстный пасторъ выписываетъ не только газету «Русскій Вѣстникъ», но и много книгъ духовно-нравственнаго содержанія; кромѣ того, чтобы по возможности смягчить участь военноплѣнныхъ, онъ посѣщаетъ лагерь, и при одномъ такомъ посѣщеніи принесъ намъ по Новому Завѣту. Узнавъ при посѣщеніи, что между нами находятся не только русскіе — православные, но и плѣнные другого вѣроисповѣданія, онъ пріобрѣлъ для нихъ польскіе, лютеранскіе (латышскіе) и еврейскіе молитвенники и предлагалъ лютеранамъ принять Св. Тайнъ, хотя и не на родномъ языкѣ, на что многіе съ охотой изъявили свое согласіе. Церковь посѣщали не только лютеране, но и часть православныхъ, хотя богослуженіе совершалось на плохо намъ понятномъ языкѣ, но слова стараго духовника лились такъ искренно, что затрагивали плѣнныхъ до глубины души, и намъ казалось будто мы въ

своей родной церкви; слезы не одному появились на глаза, когда пасторъ говорилъ, что Богъ одинъ, хотя вѣроисповѣданій много, и что всѣ для Бога равны. Нехотя подумалось, почему же наше духовенство не скажетъ этого, а только старается травить иновѣрцевъ.

Отъ чистаго сердца и по желанію товарищей приношу искреннѣйшую благодарность пастора за оказанное и оказываемое сочувствіе къ нашей участи.

В.-пл. О.

Милостивый Государь, господинъ редакторъ!

Покорнѣйше прошу исправить по возможности присланныя строчки и помѣстить на страницахъ «Русскаго Вѣстника», кромѣ того довести до свѣдѣнія пастора Г. А. Ц. нашу благодарность, въ особенности отъ имени лютеранъ рабочей команды деревни Р.

Кромѣ всего этого приношу свою благодарность Вамъ тоже, за труды по изданію газеты, которая для насъ плѣнныхъ, какъ ключъ свѣжей воды для уставшаго путешественника.

Съ истиннымъ уваженіемъ
Э. О.

34.

Подвиги русскаго правительства.

Ѣхалъ я въ началѣ 1915 года по юго-западной желѣзной дорогѣ изъ Искорости (Волынск. губ.) въ городъ Ровно.

Эта поѣздка будетъ мнѣ всю жизнь въ памяти, такъ какъ на станціяхъ этого пути представлялись мнѣ ужасныя картины, не поддающіяся описанію.

Какъ солдатъ, я ѣхалъ съ эшелономъ на позицію юго-западнаго театра, но по случаю перевозки «бѣглецовъ», какъ было объявлено правительствомъ, нашъ поѣздъ на каждой станціи долженъ былъ остановиться на нѣкоторое время. Пользуясь свободнымъ временемъ, я прошелся по перрону станціи и познакомился съ окружающимъ. Первое, что мнѣ бросилось въ глаза, былъ поѣздъ, стоявшій на запасномъ пути, — это было на станціи Сарны — изъ товарныхъ вагоновъ котораго выглядывали какіе-то полунагія человѣческія существа. Это были «нѣмцы», какъ мнѣ объяснилъ старый, бородатый ратникъ ополченія, караулившій вмѣстѣ съ другими у этого поѣзда.

Услышавъ слово «нѣмцы», я вздрогнулъ отъ волненія и ненависти къ нимъ, такъ какъ уже довольно читалъ статей въ русскихъ газетахъ о нѣмецкомъ «варварствѣ» и поэтому я стремился на позицію, чтобы сражаться съ ними, съ «басурманами», какъ мы ихъ называли. Но чтобы пользоваться случаемъ, раньше ихъ увидѣть, не доѣзжая до позиціи, я подошелъ ближе къ поѣзду. Что-же представилось моимъ глазамъ? Всѣ вагоны были биткомъ набиты изнуренными голодомъ, полунагими стариками, женщинами и дѣтьми, которыхъ везли изъ Люблинской губерніи въ отдаленныя, сѣверныя губерніи Европейской Россіи и въ Сибирь. Но это были не нѣмцы изъ Германіи, а мирные русскіе граждане, отдавшіе своихъ сыновей и мужей для защиты родины, это были жены, дѣти и родители тѣхъ, которые стояли передъ непріятелемъ и сражались за капризы русскаго правительства. Чтобы познакомиться ближе съ ихъ положеніемъ,

я подошелъ къ одному вагону, давъ раньше часовому полтинникъ, чтобы меня допустилъ завести съ ними разговоръ, я узналъ, что они были выгнаны казаками насильно изъ всей Люблинской губерніи, что они германскаго происхожденія и поэтому занимаются, якобы, шпіонствомъ.

Они были выгнаны казаками и схвачены, гдѣ и какъ попало, не давая никому времи одѣтся и схватить кое-что на дорогу. Гдѣ этотъ приказъ былъ выполненъ ночью, бѣдныя жертвы были вытащены изъ постелей и должны были собраться въ путь въ одномъ ночномъ бѣльѣ, такъ какъ каждый, кто сейчасъ-же не собирался въ путь, былъ избитъ казацкими нагайками до полусмерти и волей-неволей долженъ былъ уйти и видѣть, какъ на глазахъ было сейчасъ казаками разграблено имущество. Посреди деревни они были собраны и потомъ ихъ увели въ ближайшій городъ, гдѣ ихъ размѣстили въ холодныхъ, пустыхъ казармахъ. Здѣсь они должны были ждать до слѣдующаго распоряженія по нѣсколько дней, а иногда по нѣсколько недѣль, питаться корками которыя были подброшены имъ добродушными жителями города, и спать на твердомъ полу безъ соломы и безъ одѣяла. Когда, наконецъ, вышелъ приказъ отправить ихъ въ глубь Россіи, они были размѣщены въ товарные вагоны по 50 до 60 человѣкъ въ каждый и такимъ образомъ они уже ѣхали двѣ недѣли изъ Люблинской губерніи и прибыли на станцію Сарны.

Морозъ въ этотъ день доходилъ до 15-ти градусовъ, но имъ не давали топлива въ вагонахъ, считая это лишнимъ, потому что они-же «нѣмцы», которыхъ нужно истребить, какъ объ этомъ писалось въ газетахъ.

Въ этихъ вагонахъ беременныя женщины и рожали безвременно отъ мученія и недостатка пищи, умирали отъ изнуренія, но никакая помощь имъ не была оказана, такъ какъ это было приказано Верховно-Главнокомандующимъ юго-западнаго фронта.

Это еще не все. Когда я зашелъ въ залъ 3-го класса этой-же станціи, мнѣ представилась ужасная картина. Въ углу стояла группа такихъ же несчастныхъ женщинъ и дѣтей, окруженная любопытными зрителями, которые всячески старались обругать ихъ выборными площадными словами и вмѣсто того, чтобы накормить голодныхъ и беззащитныхъ человѣческихъ существъ, нанесли имъ побои. Это не только дѣлалось одними обитателями, но и солдаты тоже старались мстить «нѣмцамъ». Это меня такъ возмутило, что заступился за нихъ, но это привело къ тому, что меня называли германцемъ и едва цѣлымъ ушелъ отъ разъяренной толпы, которая набросилась на меня, несмотря на то, что былъ солдатомъ той арміи, которая борется, якобы, за освобожденіе мелкихъ народовъ отъ нѣмецкаго «засилья». Да, если-бы германцы ридѣли какъ здѣсь на станціи «геройски» боролись наши молодцы-солдаты за «свободу» мелкихъ народовъ съ беззащитными, полунагими стариками, женщинами и дѣтьми, имъ вырисовывалась бы картина, за что Россія гонитъ своихъ солдатъ на войну. — Это зрѣлище намъ представлялось на каждой слѣдующей станціи.

На станціи Ровно я узналъ отъ такой несчастной женщины, что она имѣетъ десять дѣтей — старшему 16 лѣтъ, и младшему 10 мѣсяцевъ. Ее тоже, какъ и другихъ, выгнали казаки нагайками, не раз-

рѣшая ей брать необходимую одежду для себя и дѣтей, а мужъ съ самаго начала войны находится въ дѣйствующей арміи противъ германцевъ. Когда я вытащилъ изъ вещевого мѣшка весь свой хлѣбъ, полученный на три дня, и отдалъ его этимъ голоднымъ дѣтямъ, на который они бросились съ жадностью, мнѣ товарищи грозили заявленіемъ ротному командиру и я долженъ былъ удалиться.

Вотъ-те борьба противъ германскаго варварства! Теперь мнѣ стало ясно, что мы не боремся противъ нѣмецкаго «варварства», а боремся за выгоду нашего правительства, за Петроградскихъ героевъ тыла, старающихся набить свои карманы казнокрадствомъ. Какъ же мы можемъ осмѣлиться сказать, что боремся за свободу мелкихъ народовъ, если наше правительство со своими подданными такъ нахально поступаетъ, что мужчинъ забираетъ на войну, ихъ имущество разграбитъ и женъ и дѣтей посылаетъ въ необитаемую Сибирь на вѣчную гибель! Неужели на это можно молчать и назвать справедливымъ? Наша обязанность мстить за этихъ несчастныхъ, потому что они вмѣстѣ съ нами сражались и проливали свою кровь въ то время, когда ихъ обнищали и увезли ихъ семейства на вѣрную смерть. Товарищи! и насъ гнали на войну, а наши семейства голодаютъ, потому что правительство только о себѣ заботится...

Пора намъ проснуться и раздумать, за что мы пошли на войну! здѣсь для этого намъ дано времени довольно.

Мы всѣ жертвы каприза правителей нашей дорогой и любимой родины.

в.-пл. Ф. Г—нъ.

Внѣшній и внутренній врагъ.

Послѣ знаменитаго своей стремительностью отступленія изъ-подъ Шавли, длившагося 13 до 14 сутокъ, наша дивизія была переброшена на правый флангъ къ рижскому фронту. Первымъ нашимъ дѣломъ было наступленіе на м. Р. (Радзивилишки), и это наступленіе осталось у меня въ памяти, какъ единственное свѣтлое воспоминаніе за всѣ 8½ мѣсяца моего перебыванія на передовыхъ позиціяхъ. Несмотря на усталость, солдаты встрѣтили вѣсть о предстоящемъ наступленіи съ радостью. Отступленіе уже надоѣло хуже горькой рѣдьки, и солдаты были готовы на все, лишь бы не отступать. Можетъ быть потому, что насъ была цѣлая дивизія съ 4-мя батареями артиллеріи, а нѣмцевъ только батальонъ пѣхоты при 4-хъ орудіяхъ, отчасти потому, что не только офицера, но даже генералъ былъ недалеко отъ позиціи. Еще до боя солдаты прошли церемоніальнымъ маршемъ передъ бригаднымъ командиромъ, бойко ставили ногу на всю ступню, весело отсалютовали, затѣмъ мы затянули «веселую солдатскую пѣсню» совершенно забывая, что мы на позиціи и ожидается наступленіе. Еще бодрѣе послѣ этого стали солдаты, и наступленіе намъ не представлялось болѣе ужасомъ, послѣ котораго изъ строя выбываетъ больше половины, а обыкновеннымъ маневромъ, гдѣ стоитъ только крикнуть «ура» и непріятель побѣжденъ, и, когда къ вечеру прибылъ приказъ выступать, всѣ въ три счета были готовы и, перекрестившись, двинулись на непріятеля.

Рѣшили взять Р. натискомъ. Для этого двѣ батареи должны были поджечь ближайшія деревни, гдѣ предполагали что находится германскій обозъ, одна батарея угостить нѣмцевъ въ окопахъ, а четвертая будетъ бить по отступащимъ. Пѣхота же пойдетъ кольцомъ, и нѣмцамъ „аминь", „капутъ", какъ они сами говорятъ. Сказано, сдѣлано. Артиллерія ловко подожгла двѣ деревни (бить по своимъ и жечь свои деревни, этимъ наша артиллерія куда превосходитъ германскую), а пѣхота двинулась цѣпью. Но, не смотря на то, что насъ было почти въ восемь разъ больше количествомъ, они долго и храбро отстаивали свои позиціи, и В. стоило намъ немало жертвъ.

Съ начала боя въ германскомъ лагерѣ была абсолютная тишина, ни звука, ни выстрѣла не было слышно, и чѣмъ ближе мы приближались къ мѣстечку, тѣмъ становилось тише и страшнѣе. Солдаты уже забыли, что «нѣмцевъ тамъ немного, мы скоро перебьемъ», а изъ-за тишины казалось, что тамъ за рѣчкой цѣлая громада, масса, которая ожидаетъ приближенія непріятеля, и потомъ сразу обрушится всей своей силой на насъ. И дѣйствительно, какъ только мы подошли на разстояніе ружейнаго выстрѣла, музыка заиграла во всю. Тутъ были альты, басы и барабаны съ намъ извѣстными тра-та-та. Ряды стали понемногу рѣдѣть и послѣ нѣкоторыхъ попытокъ рѣшили ждать разсвѣта, пока вторая бригада пойдетъ въ обходъ лѣсомъ.

Около меня рядомъ оказались два запасныхъ солдата, которые, Богъ вѣсть какими судьбами, еще уцѣлѣли съ начала войны. Когда одиночные окопы наши были готовы, и секретъ ушелъ въ засаду,

оставшіеся въ окопахъ солдаты стали дѣлиться впечатлѣніями дня. Въ этотъ вечеръ всѣ почти были заняты исключительно разговоромъ о сегодняшнемъ боѣ. Тутъ разсказывали, какъ ротный командиръ 5-ой роты отступилъ безъ приказанія, какъ онъ самъ сбѣжалъ съ позиціи, оставивъ роту на произволъ судьбы. Потери уже всюду были значительны, а дѣло только впереди. Говорили о приказѣ дивизіоннаго, во что бы то ни стало взять Р. штыками, и о томъ, какой полкъ первый перейдетъ рѣчку и бросится въ штыки. Одни только мои два сосѣда по окопу, два «старыхъ» солдата вели отвлеченный, не касающійся злобы дня разговоръ. Одинъ малороссъ Екатеринославск. губ. разсказывалъ другому «курскому» о полученномъ имъ во время похода письмѣ отъ «женки», въ которомъ послѣ цѣлаго ряда поклоновъ мелькомъ упоминаетъ ему, что уже два мѣсяца староста не выдаетъ ей «пайка». Онъ еще долго, долго говорилъ и разсказывалъ своимъ монотоннымъ хохлацкимъ произношеніемъ; говорилъ онъ плавно, безмятежно, и по тону совершенно нельзя было узнать, что все въ немъ кипитъ. Признаться, я многое изъ его разсказа не понялъ. Тутъ были цѣлыя выраженія, которыя для меня были словно турецкая грамота, но всетаки я ясно понялъ, что этотъ человѣкъ изливаетъ передъ товарищемъ все наболѣвшее у него на душѣ; была тутъ его жалкая жизнь, темная въ настоящемъ и безъ свѣтлой надежды на будущее, его постоянная работа на другихъ, а теперь все то, что онъ пріобрѣлъ потомъ лица за всю свою молодость, пропадаетъ и не вернется болѣе. Еще въ 1914 году жена продала единственную лошадку, а теперь еще послѣднюю кормилицу-коровку. Въ позапрошломъ

году онъ сѣялъ 5 десятинъ, а теперь нечего и некому убирать, и вѣдь у него маленькія дѣти!! Мало того, что онъ уже 13 слишкомъ мѣсяцевъ страдаетъ на позиціи и съ минуты на минуту ожидаетъ вражьей пули, мало того, что онъ весь разорился, его единственное богатство — это скотина, уже распродано, и теперь его ожидаетъ вѣрная нищета, такъ какъ, что онъ будетъ безъ скотины дѣлать? И въ награду за все это жена уже два мѣсяца не получаетъ этой грошевой поддержки. Она навѣрное въ чемъ-либо не угодила старшинѣ, старостѣ или писарю, а онъ тутъ кровь проливаетъ. Изъ 248 человѣкъ, которые были въ его ротѣ съ начала войны, они только вдвоемъ уцѣлѣли, остальные обагрили своею кровью Польшу, Литву и Курляндію, и его часъ по всей вѣроятности не за горами. Вѣдь могла Русь хотя бы обезпечить его дѣтей отъ голода, а не то чтобы тутъ въ такой моментъ существовали такія неурядицы, и участь цѣлыхъ семействъ воиновъ была въ рукахъ какихъ-то «писаришекъ». Я вспомнилъ тогда 20-ое сентября 1914 года, когда я еще былъ въ Одессѣ.

Передо мной стоялъ Николаевскій бульваръ со своими рѣдкими деревьями, памятники «Пушкина» и «Дюка» съ гигантской лѣстницей, ведущей къ карантинной церкви. На блестящемъ асфальтѣ его не катались тогда легкіе штейгеры, возящіе обыкновенно господъ въ «Лондонскую» или «Европейскую» пообѣдать, весь бульваръ былъ запруженъ арміей голодныхъ женщинъ, женъ запасныхъ солдатъ со своими дѣтками на рукахъ. Онѣ окружили, правильнѣе осадили Гор. Думу, никого не впуская и не выпуская, заявили, что не уйдутъ, пока не будетъ имъ выданъ «паекъ». Ужъ болѣе мѣсяца кор-

мять ихъ «завтраками». — «Мужей отобрали, даже прощаться не дали, а хлѣба дѣтямъ не даете», такъ кричали бабы, и когда явилась полиція, онѣ со злобой вломились въ Думу и разбили всѣ окна и двери. Городской голова, члены управы и прочіе городскіе дѣятели поспѣшили укрыться во внутренніе покои, а болѣе смѣлые взобрались на четвертый этажъ, куда не долетали камни, и оттуда наслаждались крикомъ и буйствомъ бабъ. Ни полиція, ни конница не въ состояніи были унять бабъ. Злоба росла, женщины съ дикимъ ревомъ и пискомъ бросались въ отряды полиціи, забрасывая ихъ градомъ шоссейныхъ камней, но болѣе всего пострадали стекла и рамы зданія Думы, особенно когда прибыла конница. Полицеймейстеръ, видя, что огнемъ и штыкомъ ничего не подѣлаешь, потребовалъ пожарную команду бульварнаго участка. Послѣ первой сильной струи воды бабы немного смутились, но скоро онѣ оправились и съ крикомъ «душегубцы, своихъ женъ убиваете; за что? за то, что мы просимъ хлѣба для нашихъ умирающихъ съ голода дѣтей!» кинулись въ атаку на пожарныхъ, завладѣли водокачками и пустили струю воды въ Думу. Пожарные отступили съ урономъ, оставивъ въ рукахъ «непріятеля» трофеи и плѣнныхъ, на долю которыхъ выпало немало бабьихъ кулаковъ и проклятій. А публика между тѣмъ хохотала, ей это нравилось и поощряла она бабъ за храбрость и за то, что онѣ доставили имъ веселое зрѣлище. Мало было такихъ, которые бы серьезно отнеслись къ случившемуся, и чувствовали весь стыдъ и срамъ происходящей сцены.

Еженочно публика устраивала манифестаціи, каждый не жалѣя горла кричалъ «долой Австрію,

долой Германію, да здраствуетъ Россія», и ни разу они не подумали, что въ это время десятки и тысячи женъ, сотни тысячъ дѣтей защитниковъ родины, которые черезъ потоки своей крови ступаютъ по вражеской странѣ, ложатся спать безъ куска хлѣба, а теперь она хохотала. Это не ложь, а сущая правда, и я лично присутствовалъ и былъ свидѣтелемъ этого произвола. Долго бушевали бабы, не довольствуясь одними криками, онѣ перешли къ дѣйствію, которое приняло бы угрожающіе размѣры, если-бы во-время не прибылъ градоначальникъ и потушилъ злобу, сказавъ «сейчасъ получите пособіе».

Теперь, когда мой сосѣдъ по окопу коснулся этого вопроса, передо мной со всей яркостью и живостью предстало это 20-ое сентября 1914 года, и стало мнѣ больно, обидно за женъ голодающихъ дома, за всѣхъ насъ страдающихъ ни за что, ни про что. Стало мнѣ стыдно самого себя и всѣхъ моихъ товарищей, которые черезъ часъ или два пойдутъ въ огонь, въ то время когда жены ихъ дома голодаютъ, а дѣти безъ хлѣба сидятъ. Я долго лежалъ и думалъ, а звѣзды сверху кивали да говорили: «лучше бы ты дома сидѣлъ, а не опредѣлился въ армію, внутренній врагъ сильнѣе внѣшняго, и раньше съ нимъ справиться необходимо».

Скоро прибылъ приказъ выступить. Въ этомъ бою мой сосѣдъ по окопу, запасный, былъ убитъ, его товарищъ тяжело раненъ.

В. Т—ъ, в.-пл.

36.

Нѣчто о войнѣ и національномъ национализмѣ.

Надѣюсь, что отвѣчу желаніямъ плѣнныхъ собратьевъ, затрагивая живо-интересующій всѣхъ

теперь вопросъ, почему въ нашемъ XX вѣкѣ христіанства еще возможно такая кровопролитная, безсмысленная война. Отвѣтъ на это простъ: потому что мы забыли или принимаемъ какъ шутку, какъ ничего не значущую фразу — ученіе Христа о братствѣ всѣхъ людей. Сознаніе, что человѣчество можетъ жить безъ войны, все глубже и глубже проникаетъ въ сознаніе людей, объ этомъ пишетъ печать всего культурнаго міра, того требуютъ народные представители, въ послѣднее время объ этомъ заговорили и правительства различныхъ странъ, о томъ же, хотя не такъ ясно, пишутъ и плѣнные въ своихъ письмахъ и стихотвореніяхъ.

Народныя массы ни одной страны не желаютъ войны, въ этомъ лучше всего можемъ убѣдиться мы: что германцы не желаютъ войны и не питаютъ вражды къ другимъ народамъ, явствуетъ изъ того хорошаго отношенія къ намъ, которое мы встрѣчаемъ во всѣхъ слояхъ германскаго населенія. Что насъ самихъ насильно оторвали отъ нашихъ семей и насильно погнали на войну, каждый знаетъ отлично. Съ какой цѣлью? Говорятъ — для освобожденія малыхъ народностей. Что это ложь, ясно показываетъ притѣсненіе Россіей и Англіей малыхъ народовъ. Кто во лживости этого мотива войны еще не вполнѣ увѣренъ, пусть вспомнитъ, что военныя потери убитыми, отъ болѣзней умершими и ранеными превышаютъ вѣроятно ужъ 10 милліоновъ; если прибавить къ этому еще ихъ семейства, то получимъ 30—40 милліонное населеніе, невознаградимо пострадавшее отъ войны. Развѣ стоитъ, чтобы, якобы, освободить нѣсколько милліоновъ людей, жертвовать десятками милліоновъ такихъ же людей? Развѣ мы люди низшаго ка-

чества, нежели тѣ, которыхъ будто бы надо освободить?

Гдѣ кроются настоящія причины этой, да и вообще всѣхъ войнъ, показываетъ намъ поведеніе тѣхъ, которые погнали насъ на войну. Русскій военный министръ обвиняется въ злоупотребленіяхъ на нѣсколько сотъ милліоновъ рублей; казнокрадство въ Россіи хотя процвѣтаетъ и въ мирное время, теперь же приняло тамъ гигантскіе размѣры, что капиталисты наживаютъ тамъ бѣшеныя деньги, объ этомъ читали мы довольно. Какъ русскіе разграбляли Восточную Пруссію и Галицію, какъ англичане и французы грабятъ имущество мирныхъ жителей, какъ хотятъ уничтожить германскую торговлю, все это извѣстно мало-мальски читающему.

Грабежъ, желаніе легкой наживы — вотъ первое, конечно, не христіанское побужденіе къ войнѣ. Лгутъ тѣ, что выставляютъ войну, якобы, волей Бога, тѣ, что благословляли насъ, отправляющихся убивать тѣхъ, которые не сдѣлали намъ никакого вреда.

На это, конечно, возразятъ многіе, что не всѣ, молъ, имѣютъ гнусныя намѣренія, что многіе воодушевлены истинной любовью къ родинѣ, любовью къ своему народу и родственнымъ народностямъ. Что это воодушевленіе есть слѣпое, только воображаемое, явствуетъ изъ того, что если бы мы дѣйствительно питали такую любовь къ нашимъ братьямъ-славянамъ и дѣйствительно желали бы освободить ихъ, то освободили бы тѣхъ, кто у насъ подъ рукой, въ нашей власти, для освобожденія которыхъ не надо бы проливать ни капли крови. Подъ

русской нагайкой долго стонала Польша, стонала и еще стонетъ Украйна, да всѣ мы не стонемъ ли подъ ярмомъ деспотизма? Кто хочетъ освобождать народы, тому въ Россіи открыто обширнѣйшее поприще дѣятельности, тому нѣтъ нужды брать ружье и отправляться разорять цвѣтущія страны. Кого любятъ, того не бьютъ и не разоряютъ. Русскіе-же побили много славянскихъ собратьевъ, разорили славянскую страну — Галицію.

Ясно, кажется, что этотъ «патріотизмъ», которымъ правительства такъ называемаго Согласія маскируютъ свои эгоистическія, тщеславныя цѣли, есть чувство лживое, глупое и вредное. Развѣ это чувство христіанское? Націонализмъ обыкновенно выставляется чувствомъ наивозвышеннымъ, даже добродѣтелью. Чтобы убѣдиться, что это неправда, достаточно раскрыть Святое Писаніе, въ которомъ ясно сказано, что разноязычіе является карой Божьей за грѣхи людей, а какъ таковая конечно не можетъ быть возвышена. Новый Завѣтъ почти весь состоитъ изъ повтореній, что всѣ мы, всѣ люди безъ исключенія — дѣти одного Отца небеснаго, и что слѣдовательно всѣ мы должны любить другъ друга. А развѣ это такъ, — въ чемъ мы какъ христіане, конечно, не сомнѣваемся, — то націонализмъ, натравливающій насъ на другіе народы, является преступленіемъ. Мы должны повѣрить Христу и видѣть во всѣхъ людяхъ братьевъ и отречься отъ прививаемаго намъ правительствомъ націонализма, при помощи котораго правительство превращаетъ насъ въ послушныхъ рабовъ. (Подробно объ этомъ вопросѣ можно почерпнуть свѣдѣнія изъ произведеній Льва Толстого). Еслибъ

современный міръ дѣйствительно поклонялся Христу, а не идолу-націонализму, война была бы невозможна. Все стараніе людей, понимающихъ зло и несчастіе войны, должно быть направлено на распространеніе въ народѣ сознанія о вредѣ и преступности націонализма. Послѣ неудачной для Россіи войны правительство, конечно, будетъ стараться посѣять въ народѣ чувство мести къ германцамъ. Нашъ долгъ — воспрепятствовать, помѣшать этому вторичному обману русскаго народа. Мы должны твердо усвоить себѣ, что у насъ нѣтъ враговъ, что всѣ мы братья, и тогда наступитъ у насъ обѣщанное Христомъ царство мира. Да и здѣсь, въ плѣну, мы должны чаще вспоминать о братствѣ всѣхъ людей и съ любовью относиться ко всѣмъ. Что важнаго въ томъ, что мать учила одного говорить на такомъ языкѣ, а другого — на иномъ? Языкъ — это только, такъ сказать, орудіе, средство для обмѣна мыслей и чувствъ, это только внѣшній признакъ человѣка. То, что человѣка дѣлаетъ человѣкомъ, одинаково свойственно русскому, германцу, китайцу. Повѣримъ мы не только на словахъ, но и на дѣлѣ, что всѣ люди братья — и войны не будетъ.

I. M. в-пл.

37.

Привѣтъ.

Въ контору редакціи газеты «Русскій Вѣстникъ» въ Берлинѣ.

Глубокоуважаемая дирекція!

Я искренне извиняюсь за причиненное безпокойство настоящимъ письмомъ.

Но обстоятельства!... Что дѣлать, когда не знаешь, куда обратиться? Я самъ чувствую и знаю, что письмо это для Васъ не интересно и доставитъ Вамъ лишнія хлопоты, но опять скажу Вамъ, что дѣлать? Куда обратиться? Когда человѣкъ ищетъ свѣта, настоящаго свѣта... но двери всюду для него закрыты и если онъ случайно гдѣ-нибудь увидѣлъ свѣтящійся лучъ, то стремится къ нему, какъ утопающій къ «соломинкѣ». Я опять докучаю Вамъ моей ненужной исповѣдью. Признаюсь, что это происходитъ сверхъ моего желанія. Думается, что поймете меня и не будете бранить за подобное нахальство.

Я убѣдительнѣйше прошу Васъ по полученіи при семъ письма, адресованнаго въ Женеву Комитету Помощи книгами и журналами переотправить его по назначенію. Мнѣ думается, что такая корреспонденція безъ прохожденіе черезъ цензуру не допускается, а. т. к. черезъ лагерь было отправлено нѣсколько писемъ въ названный комитетъ и отвѣта абсолютно не получаю, то думается, что въ общей массѣ писемъ могли пойти въ другую сторону. А потому я и рѣшилъ обратится черезъ Ваше любезное посредство.

Я буду очень признателенъ, если Вы будете столь добры переотправить данное письмо и будьте любезны сообщить въ почтовомъ ящикѣ «Русскаго Вѣстника» въ ближайшемъ номерѣ, отправлено-ли и разрѣшается ли непосредственно, да и разрѣшается-ли вообще подобная корреспонденція военноплѣннымъ?

Съ истиннымъ почтеніемъ остаюсь глубоко благодарный А. К.

Комитету помощи книгами и журналами въ Женевѣ.

Глубокоуважаемые и дорогіе товарищи!

Шлю сердечный привѣтъ и наилучшія пожеланія.

Симъ сообщаю, что посланные Вами журналъ 10-й выпускъ и письмо откр. я получилъ 7-го ноября, за что выражаю Вамъ мою искреннѣйшую благодарность.

По полученіи оной брошюры каждый съ наслажденіемъ читаетъ. Впечатлѣніе производитъ неизгладимое, и какъ жаль, что очень коротка, а болѣе всего — нужно ждать съ большими промежутками времени. Я писалъ Вамъ уже объ этомъ, но по обстоятельствамъ настоящаго времени не всегда исправно получается, вслѣдствіе сего я еще разъ пишу о томъ же.

Дорогіе борцы! Гонители неправды, стойте мужественно за Вашу идею, знайте что Вы не одни, за вашими плечами стоитъ масса народа, въ нужную минуту вамъ призывъ къ борьбѣ будетъ услышанъ, и закипитъ тогда работа! Ухаживайте за машиной теперь, чтобы во время работы не оказалась испорченной. Если трудъ Вашъ и тяжелъ, требуетъ времени и средствъ, зато въ послѣдствіи будетъ съ благодарностью вознагражденъ. Если-бы вы понаблюдали теперь за нами, какое впечатлѣніе, или вѣрнѣе, какъ относятся къ вашей литературѣ, вы пришли бы въ полный восторгъ. Вы теперь не узнаете того недовѣрчиво-трусливаго русскаго «мужика». Какъ когда-то онъ былъ, теперь, когда онъ очутился невольнымъ плѣннымъ у нашихъ притѣснителей «нѣмцевъ», сравнилъ жизнь свою и ихъ и,

побывавъ въ лагерѣ между англичанами, французами и бельгійцами, и при помощи переводчиковъ сумѣлъ познакомиться съ ихъ жизнью. Но большимъ примѣромъ служитъ послѣднимъ забота правительства. Какъ много они всего получаютъ, что въ избыткѣ продаютъ, а мы столь обширнѣйшаго и богатаго государства (!!) не получаемъ и полъ фунта сухарей. Какъ безжалостно забыты! Принудительнымъ образомъ были призваны подъ знамена противъ «культуртрегеровъ—нѣмцевъ. И въ результатѣ что-же? а то, что изъ устъ каждаго русскаго мужика вырываются слова проклятія нашему правительству, и каждый говоритъ «вотъ если-бы германцы были бы въ «Россіи», или, какъ сказать если бы она была «германская», то строили-бы золотые дома».

Такъ вотъ, дорогіе товарищи, мысль русскаго крестьянина, и каждый вамъ это сообщитъ.

Поработайте-же теперь больше на этой нивѣ, а мы товарищи въ тылу, каждый по способностямъ будетъ приносить посильную пользу общему дѣлу. Желательно, дорогіе товарищи, чтобы Вы ознакомили своихъ читателей посредствомъ печати о соціальномъ строѣ въ другихъ европейскихъ государствахъ, какъ въ Англіи, Германіи, во Франціи и въ Америкѣ, возникновеніе французской революціи и ея результатъ. По полученіи сего убѣдительно прошу, прислать чего-нибудь для чтенія, если возможно то пришлите всѣ нумера журнала «На чужбинѣ» съ 1-го и до послѣдняго. Если что требуется за пересылку, я могу эти расходы принять на себя. Повѣрьте, что въ свободный часъ абсолютно нечѣмъ заняться. Я выражаю мою ис-

креннюю благодарность редакціи газеты «Русскій Вѣстникъ»; если-бы не получалъ этой газеты, то хоть съ ума сходи отъ скуки. бывали случаи, какъ во время чтенія названной газеты происходили пререканія, что якобы она все это невѣрно сообщаетъ, все это сами создаютъ въ Берлинѣ. Когда начнемъ имъ доказывать, что это фактъ, то они присоединяютъ меня къ германофиламъ, а теперь вполнѣ вѣрятъ и даже благодарны редакціи. Когда нѣтъ, нѣтъ; а кто нибудь получитъ письмо въ посылкѣ, въ которомъ сообщаютъ: у насъ сахаръ стоитъ 90 к. фунтъ, мука 3 рубля пудъ, карт. 1 р. 40 к. и т. д., такъ какъ здѣсь при сей скупости продуктовъ все гораздо дешевле стоитъ, да говорятъ: «если-бы наше было такое правительство, то быть можетъ не только дорого бы не было, а скорѣе совсѣмъ войны не было бы. До скораго свиданія, дорогіе товарищи, остаюсь въ ожиданіи отъ Васъ хорошихъ извѣстій.

В.-пл. А. К.

38.

Англійскій антимилитаризмъ.

Военноплѣнный пишетъ редакціи:

«Какъ ни справедлива бываетъ иногда пословица: «суди — не выше сапога . . .», но все-же есть вещи, монополія сужденія которыхъ хотя и принадлежитъ умамъ высшимъ, но онѣ до того ясны, что и простому смертному не трудно въ нихъ разобраться. Мнѣ, пожалуй, скажутъ, что это будетъ сужденіе сапожника о картинѣ Рафаэля . . . Пусть такъ, но о сапогахъ сапожникъ сказалъ все-таки правду.

Мы все время не перестаемъ кричать о германскомъ милитаризмѣ, видимъ въ немъ альфу и омегу всѣхъ бѣдъ. Громче всѣхъ кричала объ этомъ Англія, имѣя на это право, положительно, меньше всѣхъ.

Ясна, какъ лучезарное солнце, мечта, о наступленіи желаннаго времени, когда дѣйствительно не будетъ войнъ, и мечи будутъ перекованы въ орала. Эта благородная для русскаго царя, Александра III, высокая иниціатива, продиктованная его безгранично любящимъ сердцемъ, встрѣтила колоссальныя, непроходимыя препятствія, въ которыхъ и Англія сыграла не послѣднюю роль. Одновременно съ митингами Стэда, редактора журнала «Review of Reviewes», послѣ того, какъ онъ пробывалъ въ Петербургѣ и познакомился съ тенденціями русскаго царя, на его благородные призывы къ обществу: «Довольно крови!» державы отвѣтили соперничаніемъ между собою въ области открытій новыхъ смертоносныхъ орудій. И, какъ бы протестуя противъ самой даже идеи о всеобщемъ мирѣ, стали готовиться къ такой демонстраціи, къ такой страшной картинѣ взаимоуничтоженія, что врядъ-ли снилось-бы это кому-либо изъ народовъ даже античнаго міра.

Марсъ ожилъ . . . Въ этой воинственной горячкѣ Англія сыграла далеко не послѣднюю роль. Изобрѣтались миноноски, контръ-миноноски, подводныя лодки и т. д., — культурныя прелести. Въ этой фабрикаціи смертей Англія ни на іоту не отставала отъ другихъ.

Мнѣ, пожалуй, скажутъ: «что-же имъ было дѣлать, когда сосѣди вооружались, не оставаться-же беззащитной?!»

Согласенъ съ вами, пусть такъ, но тогда покажи свою физіономію открытой, а не укрывайся тогой миролюбія, держа подъ полой сѣкиру.

Заговорите съ англичаниномъ о ихъ культурѣ, и онъ вамъ раньше всего выставитъ на показъ ихъ антимилитаризмъ: «У насъ, молъ, даже постояннаго сухопутнаго войска-то нѣтъ, самые что ни на есть миролюбивые люди». Это правда, постояннаго войска у нихъ нѣтъ. Но право-же не трудно сказать, гдѣ болѣе благородны пріемы борьбы: тамъ-ли, гдѣ солдаты, какъ вѣрные сыны отечества, безъ всякихъ для себя матеріальныхъ выгодъ, проливаютъ свою кровь и умираютъ со словами: «О, родина святая!» — или тамъ, гдѣ кровь покупается за деньги, и люди гибнутъ съ проклятіемъ на устахъ, адресованнымъ къ ихъ наемщикамъ. Вы вдумайтесь только въ этотъ грубый, кровавый цинизмъ; представьте себѣ эту адскую картину властвованія золотого тельца, когда цилиндръ покупаетъ не только твое время, твой трудъ, твою семью, но и . . . твою жизнь.

А вѣдь «мы англичане—разсадники культуры, у насъ даже постояннаго войска нѣтъ». Милая невинность! Скажите пожалуйста, читатель, какимъ кулакомъ хотѣли-бы вы быть убитымъ: бронированнымъ въ желѣзо, или — въ золото?

— Да убирайтесь вы къ дьяволу! — скажете вы, — не все-ли для меня равно, чѣмъ быть убитымъ.

Да, товарищъ, совершенно вѣрно. Если солдату суждено умереть на полѣ брани, или мучиться въ неволѣ, такъ несравненно лучше и легче съ сознаніемъ, что умираешь и мучаешься, какъ вѣрный

сынъ своего родного отечества, за свою милую родину, чѣмъ за деньги, полученныя по таксѣ за проданную жизнь. Бобиндядя.

39.

Гдѣ наши враги?

Товарищи! пишу я вамъ простыя, но вполнѣ правдивыя слова. Война — это ужасная стихійная сила, это пожаръ, разразившійся надъ всѣмъ міромъ и уничтожающій своимъ пламенемъ вѣками нажитое человѣчествомъ, превращая его въ пепелъ или же жалкія развалины. Есть люди, которые стараются поддерживать это ужасное пламя, люди, для которыхъ война сдѣлалась единственнымъ источникомъ наживы. А милліоны людей гибнутъ въ этомъ всепожирающемъ огнѣ и милліоны женъ и дѣтей остаются навсегда жалкими нищими.

И есть же газетные краснобаи, которые однихъ выпачкали въ грязь до неузнаваемости, а другихъ превознесли какъ праведниковъ на лоно Авраамово. Намъ раздѣлили людей на двѣ категоріи: на друзей, и враговъ; потому что мы не знали ни друзей, ни враговъ нашихъ. Но не тѣ враги наши, которыхъ навязали намъ, а тѣ, которые оторвали насъ отъ мирной трудовой жизни и послали насъ на эту ужасную бойню. Признаюсь вамъ, я очень боялся плѣна; но счастливъ я или несчастливъ, это будущее покажетъ. Попалъ я въ плѣнъ къ тѣмъ же самымъ германцамъ, у которыхъ нахожусь до сего времени. Много чего пришлось переиспытать, обо всемъ писать не буду, а напишу то, что у меня давно таится въ душѣ.

Я сказалъ, что враговъ нѣтъ. Теперь перехожу къ нашимъ друзьямъ, которыхъ тоже отрекомендо-

вали вамъ. Защищая ихъ, не мало пролито крови; не мало погибло нашихъ товарищей, а можетъ и родныхъ во французскихъ окопахъ; а теперь насъ судьба свела быть вмѣстѣ въ плѣну. И что же? имѣютъ ли они хоть малую долю симпатіи къ намъ? Нѣтъ. Я говорю не только о французахъ, но и объ англичанахъ. Живя въ лагерѣ я присмотрѣлся, какъ они относятся къ намъ. Англичанинъ говоритъ своему товарищу, что нужно вымыть бѣлье. — Зачѣмъ, говоритъ онъ, — придетъ русская прачка и вымоетъ. Застелить постель имѣется русская горничная; вымыть миску — русскій кухонный мужикъ, подмести баракъ — русскій дворникъ. Оттого что русскій у себя на родинѣ былъ рабомъ, онъ, попавъ въ плѣнъ, сдѣлался рабомъ — слугою тѣхъ людей, за которыхъ наша родина много пролила крови и столько же терпитъ бѣдствій, что невольно приходишь въ отчаяніе. Наша родина считается житницей Европы, изобилуетъ всѣми жизненными продуктами, мы же не видимъ никакой помощи, наши семьи на родинѣ голодаютъ; а наши союзники имѣютъ во всемъ излишекъ, за который мы здѣсь въ плѣну дѣлаемся прачками и т. д. Почему мы такъ отстали отъ другихъ народовъ? Да, правда, страна наша богата, но сами эксплуатировать мы ее не можемъ, а вся эксплуатація находится въ рукахъ нашихъ союзниковъ. Чѣмъ мы можемъ гордиться? развѣ только нищими, которыхъ у насъ больше, чѣмъ на всемъ земномъ шарѣ.

Теперь подумайте, гдѣ враги наши. Время прозрѣть отъ нашей вѣковой слѣпоты! Да будемъ стремиться выйти изъ этой грязи рабства!

Военноплѣнный Г-ъ.

Лагерь.

Много сдѣлалъ для нас пріятнаго и полезнаго нашъ комендантъ. Устроилъ библіотеку съ книгами на русскомъ и польскомъ языкахъ, книги самыхъ лучшихъ, избранныхъ писателей, прекрасный оркестръ струнной и духовой музыки. Во всѣхъ командахъ получаются въ достаточномъ количествѣ газеты и журналы, которыми могутъ пользоваться всѣ.

Устроена вспомогательная касса для нуждающихся товарищей. Въ каждой командѣ имѣются всевозможныя игры, какъ то: шашки, шахматы, крокетъ и т. п. Мы каждую недѣлю ходимъ въ баню, гдѣ получаемъ чистое бѣлье, и вообще пользуемся многими, многими другими удобствами. Послѣднимъ было открытіе для плѣнныхъ школы нѣмецкаго, польскаго и русскаго языковъ и театра, о чемъ я здѣсь разскажу подробно, въ особенности о первомъ спектаклѣ.

Волною пронеслось между нами: «Скоро будетъ театръ». Но волна хлестнула о берегъ молчанія, затихла и долго назадъ не возвращалась. Скоро сказка сказывается, да не скоро дѣло дѣлается. Но, наконецъ, было подыскано подходящее зданіе, которое напоминаетъ или небольшой манежъ или прямо зданіе лѣтняго театра.

Получивъ разрѣшеніе приступить къ постройкѣ сцены и къ писанію декораціи, въ этомъ зданіи началась горячая работа общими силами; французы и русскіе строили сцену, писали декораціи картины, дѣлали нужныя для сцены вещи-

цы, и на все у нихъ появлялась богатая фантазія. Работали полными днями, дѣлая небольшой перерывъ для обѣда и снова начинали. Въ 5 час. вечера кончили работу усталые; рабочіе костюмы, а равно и лица были забрызганы известкою и красками разныхъ цвѣтовъ. Забравъ съ собою нѣкоторые инструменты и принадлежности, толпою выходили во дворъ, весело болтая между собою, хлопая другъ друга по плѣчу. Расходясь по казармамъ, пожимали другъ другу руки или же останавливались на нѣсколько минутъ, горячо обсуждая какіе то планы. Во всемъ этомъ свѣтилось искреннее желаніе работать на общую пользу своихъ товарищей. Все необходимое, какъ то: краски, полотно, доски и вообще все, что нужно было для устройства, было отпущено комендантурою. Этимъ временемъ избранные артисты переписывали роли, а въ скорости за постановкою сцены начались и сами репетиціи. Хоръ музыкантовъ разучивалъ музыкальныя пьесы, нужныя для спектакля.

Наконецъ, все было готово. Утромъ въ воскресенье, 2 (15) ноября на зданіи театра уже красовались художественной работы двѣ, ни-то картины, ни-то афиши, на которыхъ были изображены «Тетушка изъ Глухова» и «Грибуль». Изображенныя афиши привлекли вниманіе огромной толпы, такъ что трудно было пролѣзть, чтобы познакомиться съ подробностями спектакля; но страсть желанія скорѣе перечесть программу превысила все и, рискуя быть помятымъ, я все-таки пробрался и узналъ, что поставлено будетъ: «Тетушка изъ Глухова», комедія въ двухъ дѣйствіяхъ, и «Грибуль хочетъ жениться», пантомима въ трехъ дѣйствіяхъ, за-

тѣмъ куплеты, романсы и музыкальныя пьесы. Мы уже такъ давно отвыкли отъ всего прiятнаго и веселаго, что при одной мысли: сегодня будемъ въ театрѣ, прiятная дрожь пробѣгала по тѣлу и было вполнѣ праздничное настроенiе.

Въ 10 час. утра открылась касса продажи билетовъ. Цѣны были вполнѣ доступны для финансоваго положенiя. 1 мѣсто — 25 пф., 2 — 15 пф., и стоять 5 пф.

Въ 3¼ часа открыли ворота театра, но не полныя ворота, а одну половину. Взявшiе билеты, предъявляя контролю, имѣли право заходить и занимать свои мѣста. Ну, здѣсь не обошлось безъ курьеза. Собрались землячки и каждый изъ нихъ хотѣлъ занять поудобнѣе мѣсто. Извѣстно, русскiй человѣкъ безъ скандала ни на шагъ. Рѣшили: нажмемъ, ребята! Нажмемъ! Ну и нажали. Половинка воротъ затрещала, послышался крикъ, кого-то притиснули къ стѣнкѣ. Въ толпу случайно попалъ контрабасистъ, струны котораго стали издавать вопiющiе звуки спасенiя. Что было бы дальше, не знаю, но къ счастью появился нѣмецкiй унтеръ-офицеръ и порядокъ былъ водворенъ.

Черезъ полчаса весь театръ наполнился зрителями, но, несмотря на множество публики, былъ полный порядокъ. Всѣ мѣста занимались соотвѣтственно билетамъ. Ровно въ 4 часа одинъ за другимъ прозвенѣли три звонка и занавѣсъ поднялся. Передъ нашими глазами открылась чудная картина декорацiи, представляющая Райскiй лѣсъ, изъ котораго раскинулась красивыми изгибами и пересѣченная садовою оградою, дорожка, усыпанная желтенькимъ пескомъ, выходящая за оградою въ чуд-

ную долину съ холмиками, курганами, выступами, издавая отъ солнечныхъ лучей серебристый отблескъ и далеко, далеко соединяющаяся съ голубымъ горизонтомъ; а направо виднѣлся берегъ залива, заросшій тропическими растеніями, цвѣтами и зелено-золотистою травою. Все это было завѣшено сѣткою изъ тонкихъ нитей, что всему придавало больше рельефности.

Не буду подробно описывать о дѣйствіи самаго спектакля. Артисты знали свои роли больше, чѣмъ хорошо, и видно было стараніе и опытность режиссера. Женскія роли исполняли сами мужчины, но были такъ искусно загримированы, что самый опытный мужчина могъ бы быть обманутъ; а когда гимназистка танцовала балетный танецъ, то если бы на это время случайно попалъ русскій купчикъ или какой-либо любитель сильныхъ ощущеній, трудно ему было бы владѣть собою, стулъ подъ нимъ трещалъ бы, выступившій потъ на лбу вытиралъ бы онъ платкомъ со словами: «ну и танцуетъ! ну и ножки!» А послѣ спектакля пригласилъ бы въ гостиницу на ужинъ.

Спектакль былъ для всѣхъ интересенъ. «Тетушка изъ Глухова» шла на русскомъ языкѣ. Декламировались куплеты и пѣлись романсы на польскомъ и французскомъ языкахъ подъ аккомпаниментъ піанино. Пантомима была для всѣхъ понятна и сопровождалась въ публикѣ неудержимымъ смѣхомъ. Во все свободное отъ хода дѣйствій время спектакля игралъ оркестръ музыки.

Спектакль окончился въ 7 час. вечера. Всѣ остались очень довольны; и жалѣли тѣхъ кому не явилось возможности быть.

Весь сборъ поступилъ и въ будущемъ будетъ поступать въ кассу вспомоществованія нуждающимся плѣннымъ. Не въ далекомъ будущемъ поставленъ будетъ второй спектакль, а въ данное время по вечерамъ это зданіе наполняется желающими безплатно почитать газеты на русскомъ, французскомъ, польскомъ, нѣмецкомъ и еврейскомъ языкахъ. Спеціально для этого устроены столы со скамейками. Залъ освѣщенъ электрическимъ освѣщеніемъ, и свободенъ доступъ умѣющимъ играть на піанино.

Въ этомъ же зданіи наша молельня. Здѣсь совершается богослуженіе, когда пріѣзжаетъ русскій или польскій священникъ, для чего устроено возвышеніе, на которомъ сдѣланъ видъ престола съ разукрашенными колоннами и нѣсколькими живописными иконами, нарисованными самими же плѣнными. Мѣсто это завѣшено полотномъ.

Съ 1 ноября открылась школа, гдѣ преподаются: нѣмецкій, польскій и русскій языки. Больше всего привлекла къ себѣ школа нѣмецкаго языка, около 150 чел., но, къ сожалѣнію, невозможно было всѣхъ принять, такъ какъ многіе не знали своего родного языка. Регулярно посѣщаютъ школу нѣмецкаго языка около 40 человѣкъ. Всѣ занимаются съ большой охотой и настойчивостью, во чтобы то ни стело пріучить свой языкъ къ нѣмецкому акценту, не теряя надежды, когда настанетъ время примиренія и мы въ нѣмцахъ будемъ видѣть не враговъ своихъ, а такихъ же друзей какъ японцевъ, а, можетъ быть, и больше; и, прощаясь съ ними при отъѣздѣ на родину, будемъ изливать пожеланія для дальнѣйшаго процвѣтанія ихъ бо-

гатой культуры, плодами которой, можетъ быть, придется пользоваться и намъ.

Всѣми этими удобствами и развлеченіями мы должны себя считать обязанными своему г-ну коменданту.

Г. Г.

41.

Русскій театръ въ лагерѣ военноплѣнныхъ въ г. М.

М. . . . .

Въ воскресенье 6-го февраля с. г. на сценѣ театра военноплѣнныхъ, подъ управленіемъ директора Троцкаго и режиссера Мисѣкова, представлено было по слѣдующей программѣ:

1. Сцена изъ дачной жизни, водевиль въ 3-хъ дѣйствіяхъ,
2. Куплетистъ, исполнитель г-нъ Азевичъ,
3. Денщикъ выручилъ, комедія,
4. Хоръ подъ управленіемъ г-на Романенко,
5. Балъ-маскарадъ, комедія,
6. Клоунъ.

Всѣ участвующія лица приложили большое стараніе для хорошаго исполненія своихъ ролей и имѣли большой успѣхъ среди русскихъ военноплѣнныхъ и присутствующихъ французовъ. Что же касается англичанъ, то таковые держатся въ сторонѣ и какъ русскаго, такъ и французскаго театра не посѣщаютъ. — Большой успѣхъ имѣли куплеты г-на Азевича (изъ 1-ой роты) и комедія «Денщикъ выручилъ». Денщика, тупого хохла, игралъ г. Бѣлобровъ (изъ 3-й роты), исполнивъ эту работу безу-

словно хорошо. Хоръ, подъ управленіемъ г-на Романенко (изъ 1-ой роты), спѣлъ нѣсколько пѣсенъ весьма недурно, но къ сожалѣнію въ хору мало басовыхъ голосовъ. Въ комедіи «Балъ-маскарадъ» и «Клоунъ» участвующія лица немного перестарались, но въ общемъ было все очень мило сыграно.

Предыдущія два представленія были слѣдующія: «Корчма на литовской границѣ» (Пушкина), «Я умеръ», водевиль, «Элексиръ молодости», комедія, «Монахъ-любовникъ», хоръ, куплетистъ и пр.

Во время антрактовъ и куплетовъ игралъ старательно струнный оркестръ, состоящій изъ трехъ скрипокъ, одного баритона, двухъ мандолинъ, одного корнетъ-пистона и віолончели. На пріобрѣтеніе этихъ инструментовъ затрачено м 358, а на покупку костюмовъ и необходимыхъ вещей затрачено м 170. Сборъ съ 3-хъ спектаклй выразился въ м 134-хъ. Дирекція убѣждена, что при дальнѣйшихъ представленіяхъ сборы покроютъ всѣ расходы.

Пожелаемъ этому симпатичному предпріятію дальнѣйшаго успѣха.

Ал. Г.

42.

Оркестръ въ Л.

«Злобой дня во всѣхъ лагеряхъ плѣнныхъ въ Л. является образовавшійся въ первомъ баракѣ второго лагеря струнный оркестръ военноплѣнныхъ. По иниціативѣ г-на Ш. І. Когана въ началѣ прошлаго мѣсяца нѣкоторыми плѣнными, любителями музыкальнаго искусства, на собранныя

между собою средства, было выписано нѣсколько инструментовъ. Первый концертъ данъ былъ упомянутыми любителями послѣ рождественскаго богослуженія и, несмотря на малое количество инструментовъ и убогость программы, концертъ всетаки завоевалъ общее вниманіе аудиторіи. Собрана была значительная сумма, пожертвованная плѣнными для закупки необходимыхъ инструментовъ и нотъ, для болѣе или менѣе посредственнаго оркестра. Нашлись хорошіе исполнители, — среди нихъ нѣсколько профессіоналовъ.

Въ настоящее время оркестръ насчитываетъ четырнадцать инструментовъ и сравнительно достаточное количество нотъ. Концерты въ первомъ баракѣ даются безплатно почти каждый вечеръ и привлекаютъ общее вниманіе. Вообще, нашъ оркестръ пользуется вполнѣ заслуженными симпатіями военноплѣнныхъ, — вниманіемъ и поощреніемъ мѣстнаго начальства. По праздникамъ оркестръ дѣлаетъ концертное турнэ по остальнымъ баракамъ лагеря, встрѣчая вездѣ радушный пріемъ.

Отдавая должное заслугамъ, осмѣливаюсь отъ имени всѣхъ плѣнныхъ нашего лагеря выразить благодарность г.г. Ш. I. Когану, которому мы обязаны организаціей оркестра, — Леонтьеву, какъ инструктору, и Водкову, какъ дирижеру нашего оркестра».

В. Р.

43.

Жизнь въ лагерѣ.

Я прибылъ въ лагерь 20-го сентября прошлаго года, какъ слесарь по спеціальности, командиро-

ванъ на работу въ Gewerkschaft „Frisch Glück" но, владѣя нѣмецкимъ языкомъ, служу здѣсь и переводчикомъ. Итакъ, проживъ въ лагерѣ всего 27 дней, получая и пользуясь всѣмъ необходимымъ, причемъ, театръ, библіотека, всѣ удобства и т. д. исключительно обслуживающія плѣнныхъ, заставляютъ меня опровергнуть предъ своими соотечественниками русскими военноплѣнниками и обратиться:

Братья! Какъ страшно было намъ слушать о жизни плѣнныхъ въ Германіи, о всѣхъ лишеніяхъ и притѣсненіяхъ, испытываемыхъ ими. Теперь же, когда по обстоятельствамъ войны попали мы сюда, каждый изъ насъ, получая и довольствуясь всѣмъ нужнымъ, скажетъ: Неправда! Это клевета!

А потому остается только выразить благодарность правленію, за столь человѣколюбивый и культурный уходъ за военноплѣнными.

Русскій военноплѣнный С. Т.



Печатано въ типографіи
Вильгельма Зибенмаркъ
Berlin, Gr. Frankfurterstr. 78.

